НОВАЯ ПОЛЬША

№6(54) 2004

Стефан Братковский: проект «Опыт и будущее»

Януш Тазбир о книге Александра Липатова

МИХАЛ ГЛОВИНСКИЙ «МАЙОР БЕЖАНЦЕВ»

Ян Курчаб: рассказ о булке

Милош, Янко и Шаруга о Анне Каменской

Тимоти Гартон Аш о шансах Польши в ЕС

Беседа с Ядвигой Стшелецкой

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

«Новая Польша» в сети - это не только зеркало текущего номера.
В виртуальной версии журнала Вы найдете постоянно пополняющийся архив «бумажных» изданий, а также текущие обзоры польских журналов и другие материалы, подготовленные специально для интернет-сайта.

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 6(54)
2004
ИЮНЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Виктор Кулерский 3
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Тимоти Гартон Аш 11
ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ

Стефан Братковский 13
«ОПЫТ И БУДУЩЕЕ»

Мартин Войцеховский 19
МЫШЕЛОВКА

Януш Тазбир 20
УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ПРОГУЛКА ПО СТОЛЕТИЯМ

Михал Гловинский 24
МАЙОР БЕЖАНЦЕВ

Ян Курчаб 28
БУЛКА

Анна Янко 33
НА УЛИЦЕ ИОТЕЙКО

Анна Каменская 35
ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1973-1979

Анна Каменская 39
БЕЛАЯ РУКОПИСЬ

Лешек Шаруга 43
ПОЭЗИЯ МОЛИТВЫ

Чеслав Милош 44
ЧИТАЯ «ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ» АННЫ КАМЕНСКОЙ

Моника Булай 45
ПАЛЬМЫ НА ПРОСПЕКТЕ НЕФТЯНИКОВ

Ян М. Фийор 48
ЛУЧШИЕ КАДРЫ ПОЛЬСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Гжегож Пшебинда 52
АНДЖЕЙ ДРАВИЧ — ЖИВОЙ И СВОБОДНЫЙ

Войцех Карпинский 54
ТАЛИСМАНЫ НЕТОРОПЛИВОГО ПРОХОЖЕГО

Кшиштоф Маслонь 60
ТРАКТАТ О ЛЬВАХ И ПАРАЗИТАХ

Богуслав Дептула 64
ОЧЕРК БУДУЩЕГО

Агнешка Клох 66
В ОТПУСК НА ПОЛИГОН

Лешек Шаруга 70
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 74
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Филип Станиславски 78
В ПОЛЬШЕ ДИПЛОМАТОВ ВОСПИТЫВАЮТ СМОЛОДУ

Катажина К. Гардзина 80
ОДА ЕВРОПЕ

ОН ВЕРИЛ, ЧТО В ПОПЫТКЕ ОБЪЯСНИТЬ ВСЕГДА ЕСТЬ СМЫСЛ 81
Беседа с Ядвигой Стшелецкой

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ 87

Редакционный совет
Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора)*
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

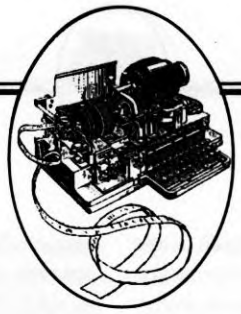
Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Кацпер Ванчик

Адрес редакции
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95;608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**
Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел.: **280-83-52**
e-mail: **mik@mecom.ru**

Издатель
BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Переводчики: В.Блинков, А.Бондарев, Н.Горбаневская, О.Давиденко, В.Каденко, Н.Кузнецов, А.Ройтман, С.Филипчак, Е.Шиманская.
Фото ©: D.Łomaczewska - Archiwum Domu Literatury (стр. 39), M.Bułaj (стр. 45, 46), „Wprost (стр. 48, 49, 50, 51), Agencja Gazeta (стр. 52), Archiwum (стр. 13, 28, 65, 83, 86).



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

♦ **«Польки! Поляки! Европейцы! Добро пожаловать в объединенную Европу!» — сказал президент Александр Квасневский, обращаясь к нескольким тысячам человек, участвовавших в церемонии поднятия флага ЕС в Варшаве. 1 мая в 0 часов 00 минут Польша стала членом Европейского союза.** ***(«Жечпосполита», 4 мая)***

♦ В своем выступлении по случаю 213-й годовщины принятия конституции 3 мая президент Александр Квасневский сравнил два исторических момента — принятие конституции в 1791 г. и вступление Польши в Евросоюз: «Общие чаяния, объединившие нас несмотря на все противоречия, привели нашу страну к цели». *(«Жечпосполита», 4 мая)*

♦ **«Через 15 лет после июня 89-го лидер «Солидарности» был почетным гостем на первом заседании парламента расширенного Евросоюза. Взволнованный Лех Валенса рассказывал о долгом пути Польши в Европу: «Мы выполняем завет предыдущего поколения. Рухнули Советский Союз и Варшавский договор. Главные препятствия смела польская «Солидарность» и солидарность международная. Неслучайно флаги новых государств-членов были подняты на флагштоки, сделанные на Гданьской судоверфи» — в колыбели «Солидарности».** ***(«Газета выборча», 4 мая)***

♦ Кардиналы, архиепископы и епископы, собравшиеся на 326-й пленарной сессии Конференции Епископата Польши приняли два документа: «Обращение польских епископов по случаю принятия Польши в Европейский союз» и «Призыв к ответственности за будущее Польши и Европы перед лицом вступления Польши в Европейский союз». В первом документе, в частности, говорится: «Наше вступление в Евросоюз поддержало подавляющее большинство поляков (...) Без включения в процесс реинтеграции, который сегодня приобретает глобальный характер, Польша была бы обречена на неизбежную изоляцию». Во втором епископы пишут: «Найдется немало политиков, которые будут соблазнять пустыми обещаниями и рецептами легкого счастья. Нельзя позволить им сбить себя с толку. Короткого пути к благосостоянию и социальной гармонии не существует (...) Мы обращаемся ко всем верным и ко всем людям доброй воли, чувствующим себя ответственными за отечество и его достойное место в объединяющейся Европе, с призывом принять участие в грядущих выборах наших представителей в Европейский парламент. Мы призываем не только участвовать, но и избирать таких представителей народа, которые смогут трудиться на благо Польши, Европы, а также Церкви». *(«Газета выборча», 17-18 апр.)*

♦ **Из интервью с президентом Александром Квасневским: «Кто в 1989 г. мог хотя бы предположить, что в 2004-м Польша будет членом ЕС и НАТО, что у нее будет конституция, 6-процентный экономический рост, конвертируемый злотый, полуторапроцентная инфляция, открытые границы, свободная печать и дружественные отношения со всеми соседями? Это была political fiction. Между тем все это сбылось. Польские реформы принесли результаты (...) Конечно, своими сертификатами и принципами Евросоюз лишает нас части суверенности — вот и хорошо, что мы лишимся суверенного права на неряшливость, грязь, нарушение прав потребителя, низкое качество продуктов и т.д. (...) У нас общие стандарты: прав человека, отношения к национальным, религиозным и сексуальным меньшинствам, прозрачности власти и предпринимательства, хороших дорог, качества услуг и продуктов питания (...) С 1989 г. до середины 90-х Польше удавалось сохранить численный перевес группы, черпавшей выгоды из преобразований, над группой разочарованных. После спада конъюнктуры группа людей, чувствующих себя проигравшими, начала расти. После 2001 г. проигравшие возобладали, что привело к развитию популистских движений (...) Но вот пришла пора небывалого экономического роста. Уровень безработицы начал снижаться. Уже вскоре мы сможем пользоваться средствами Евросоюза — особенно предназначенными на нужды деревни».** ***(«Газета выборча», 30 апр. — 3 мая)***

♦ По данным опроса института исследований общественного мнения и рынка «Пентор», 67% поляков считают, что решение об интеграции с Ев-

росоюзом — правильное или по крайней мере лучшее из возможных. 53% высказываются за все более тесную политическую интеграцию государств-членов ЕС. *(«Жечпосполита», 26 апр.)*

♦ **В день вступления Польши в Евросоюз в центре Гожува-Велькопольского будет открыт первый в Польше памятник бомжу. Увековеченного в бронзе Шимона Гентого на самом деле звали Казимеж Внук (1914-1998). В 1960-70-е гг. он собирал металлолом, бутылки и макулатуру. Каждый год Гентый, считая, что представляет частную инициативу, нелегально протискивался в колонну первомайской демонстрации и вместе со своей неразлучной тележкой шествовал перед трибуной. Милиция поднимала переполох, а простые зрители и прохожие аплодировали. Год назад был создан Общественный комитет по установке памятника Шимону Гентому, а жители Гожува поддержали эту инициативу своими пожертвованиями. Скульптура, представляющая Шимона Гентого, толкающего тележку с газовой плитой, будет открыта 1 мая одним из бездомных, живущих в приюте им. св. брата Альберта.** ***(«Газета выборча», 23 апр.)***

♦ 18 президентов и премьер-министров (главным образом из стран Центральной и Восточной Европы) и почти две тысячи предпринимателей дискутировали о будущем континента на прошедшем в Варшаве трехдневном Европейском экономическом саммите, главным организатором которого был Всемирный экономический форум. *(«Тыгодник повшехный», 9 мая)*

♦ **«Впервые вместе съехалось столько лидеров стран Восточной Европы. На варшавском саммите ни у кого нет сомнений, что расширение Евросоюза напрямую касается России. [Однако] российская делегация не слишком многочисленна. «Преобладает прежде всего бизнес. Это не пощечина Варшаве, а признак низкого интереса. Москва не очень хорошо понимает стратегическое значение расширения Евросоюза», — сказал Дмитрий Тренин, заместитель директора Московского Центра Карнеги».** ***(«Жечпосполита», 29 апр.)***

♦ Президент Украины Леонид Кучма: «Одному Богу известно, что будет дальше. Украина находится в самом трудном положении. У нас есть своя стратегия сближения с Европой, но было бы хорошо, если бы и Европа помнила об Украине». Президент Александр Квасневский призвал поддержать европейские чаяния Украины: «Главной идеей нашего форума должна стать констатация, что двери в Евросоюз будут оставаться открытыми для других, что политика благоразумного расширения ЕС будет продолжаться». *(«Жечпосполита», 30 апр. — 3 мая)*

♦ **«Город вымер. С улиц исчезли прохожие, витрины большинства магазинов, банков и ресторанов забиты досками. Опущены металлические шторы. По столице кружат призрачно пустые автобусы и трамваи (...) В некоторых местах полицейских было больше, чем прохожих. Варшава в напряжении ожидала столкновений с альтерглобалистами».** ***(«Жечпосполита», 29 апр.)***

♦ «Не в войну с полицией, как опасались многие, а в большой хеппенинг вылилась демонстрация альтерглобалистов в центре столицы. На улицы города вышло около трех тысяч манифестантов — в основном молодых. Не было зарегистрировано ни одного инцидента. Все это напоминало скорее один из популярных в последнее время парадов музыки техно, чем политическую манифестацию (...) Меры предосторожности оказались излишними. Мирные демонстранты прошли, в частности, невдалеке от гостиницы «Виктория», где заседали участники встречи в верхах, мимо зданий Польского национального банка и министерства финансов и завершили свой марш перед канцелярией премьер-министра». *(«Жечпосполита», 30 апр. — 3 мая)*

♦ **Древесно-стружечную плиту, фанеру и пенопласт, использованные для защиты витрин и окон во время манифестации альтерглобалистов, хозяева ресторанов, торговых пассажей, магазинов и гостиниц передали обществу «Эмпатия» («Сочувствие»). Из этих материалов будут построены убежища для животных в приюте в Корабевицах. Идея этой акции принадлежит волонтеру приюта, члену общества «Эмпатия» Цезарию Вышинскому.** ***(«Жечпосполита», 30 апр. — 3 мая и 5 мая)***

♦ Частный приют в Корабевицах создала 25 лет назад Магдалена Шварц. В нем живут несколько сот собак, несколько десятков кошек, полтора десятка лошадей, три коровы, волчица и шесть медведей — пять бурых и один гималайский. Приют существует за счет денег хозяйки и пожертвований. *(«Газета выборча», 19 апр.)*

♦ **Согласно последнему отчету главного ветеринара, в приютах, дотируемых местной администрацией, живут почти 4 тыс. кошек и более 18 тыс. собак. Ежегодно умирает или усыпляется 41% кошек и 20% собак. К новым хозяевам попадает только каждая вторая собака и каж-**

дая четвертая кошка. 7% собак и 20% кошек подвергаются кастрированию. Судьба кошек в приютах особенно трагична. Они переживают депрессию, в результате чего легко заражаются болезнями, которые в условиях приюта становятся смертельными. В польских приютах вообще нет условий для содержания кошек. ***(«Газета выборча», 4 мая)***

♦ Роджер Грейв, директор бюро Всемирного банка для стран Центральной Европы и Балтии: «Польша была примером успешных преобразований (...) Сейчас поляки пытаются справиться с несколькими очень серьезными проблемами, вытекающими из польской экономической стратегии, которая включает в себя ограничение государственных расходов, реформу здравоохранения и угольной промышленности, а также крупные проекты по развитию инфраструктуры. Все это очень трудно осуществить (...) Теперь стало ясно, что ваша экономика возрождается. К сожалению, это происходит не в результате глубоких структурных реформ». *(«Жечпосполита», 15 апр.)*

♦ **Ян Кшиштоф Белецкий, президент банка «Пекао», бывший премьер-министр: «Наша экономика напоминает разогнавшийся самолет, в котором пилоты спорят, кто будет рулить».** ***(«Ньюсуик-Польша», 3 мая)***

♦ В январе объем продаж польских предприятий в страны ЕС в пересчете на евро увеличился на 9% по сравнению с январем прошлого года. Поскольку за это время объем польского импорта из стран ЕС не изменился, дефицит в торговле с Евросоюзом удалось уменьшить почти наполовину: с 700 млн. евро в январе 2003 г. до 400 миллионов в январе 2004-го. Польские предприниматели увеличивают производительность в два раза быстрее, чем их конкуренты из стран 15-ти. Значительную роль в развитии польского экспорта играют иностранные предприятия. Они производят более половины всех экспортируемых товаров. *(«Жечпосполита», 22 апр.)*

♦ **Согласно аналитическим исследованиям Европейской комиссии, после вступления Польши в Евросоюз доходы жителей польской деревни возрастут в среднем на 35%. Уже в этом году на каждый гектар сельскохозяйственных угодий крестьяне получат около 500 злотых дотаций — отсюда увеличившийся в последние месяцы спрос на земельные участки.** ***(«Тыгодник повшехный», 2 мая)***

♦ В первом квартале темп роста ВВП составил около 6%. Это заслуга промышленности, которая в марте увеличила объем продаж на 23,8%, а с начала года — на 19%. Изменения к лучшему по-прежнему происходят главным образом за счет увеличения экспорта. Однако экономисты подчеркивают, что эти изменения не были бы столь заметными, если бы не оживление на внутреннем рынке. *(«Жечпосполита», 21 апр.)*

♦ **После вступления Польши в Евросоюз каждый продукт, произведенный в государствах ЕС и имеющий знак CЄ (соответствие европейским нормам, подтвержденное положенными документами), получит свободный доступ на польский рынок. Такие продукты будут продаваться без проведения дополнительных тестов и не будут нуждаться в сертификатах, разрешениях и свидетельствах.** ***(«Политика», 1 мая)***

♦ С 1 мая начала работать строительная полиция, контролирующая магазины и фабрики стройматериалов, а также стройплощадки. Инспекторы этой полиции должны оберегать нас от волны дешевых подделок и низкокачественных материалов сомнительного происхождения. *(«Политика», 1 мая)*

♦ **«Польша не более коррумпирована, слаба и подвержена угрозе преступности, чем большинство других европейских стран. Проблема заключается в том, что в этом не уверены сами поляки, а польские умники и заграничные журналисты почти ежедневно убеждают их в обратном (...) Кто поверит, что показатели раскрываемости преступлений у польской полиции гораздо лучше, чем у голландской или французской? Кто сознаёт, что в Польше вероятность быть убитым значительно ниже, чем в Голландии, Франции и Германии? Или что в Великобритании машины угоняют чаще, чем в Польше? В чем заключается суть «аферы Рывина»? В неудавшейся попытке дать взятку, раскрытой СМИ и впервые расследованной специальной комиссией Сейма. Это повод скорее гордиться эффективностью демократии и государства, чем писать депрессивные комментарии».** ***(Клаус Бахман, «Политика», 24 апр.)***

♦ Варшавский окружной суд признал кинопродюсера Льва Рывина виновным в мошенничестве, ибо обращаясь с коррупционным предложением к Ванде Рапачинской и Адаму Михнику, он назвал себя посланцем премьер-министра Лешека Миллера. Рывин приговорен к 2,5 годам лишения свободы и штрафу в размере

100 тыс. злотых. Приговор не был вынесен единогласно и еще не вступил в законную силу. *(«Жечпосполита», 27 апр.)*

♦ **«Год назад немногие могли предположить, что приговор по делу о самом нашумевшем взяточническом скандале последних лет будет вынесен одному только Льву Рывину. На глазах тысяч телезрителей следственная комиссия Сейма приперла к стенке Роберта Квятковского (бывшего директора Польского телевидения) и Александру Якубовскую (бывшего замминистра культуры, а затем начальника канцелярии премьер-министра Лешека Миллера), обнаружила серьезные противоречия в показаниях Янины Соколовской (начальника юридического отдела Всепольского совета по делам телевидения и радиовещания) и распутала следы, оставленные при работе над дополнениями к закону о средствах массовой информации Влодзимежем Чажастым (секретарем Всепольского совета по делам телевидения и радиовещания). Для прокуратуры и суда всего этого было мало».** ***(Луиза Залевская, «Жечпосполита», 27 апр.)***

♦ Прокуратура прекратила следствие в отношении депутата «Самообороны» Дануты Хоярской, подозреваемой в сокрытии истины при заполнении имущественной декларации. По мнению прокуратуры, поступок Хоярской нанес обществу незначительный ущерб. «Это прекращение дела равнозначно утверждению, что в имущественной декларации можно писать неправду. Когда публичное лицо, депутат Сейма, скрывает истину, обществу наносится огромный ущерб», — говорит Гражина Копинская, директор программы «Против коррупции», осуществляемой Фондом им. Стефана Батория. *(«Жечпосполита», 23 апр.)*

♦ **Депутат Роман Ягелинский — лидер Федеративной парламентской фракции, объединяющей депутатов, исключенных из других фракций за скандалы или пьянство. В обмен на должности он поддерживает «Союз демократических левых сил» (СДЛС).** ***(«Впрост», 9 мая)***

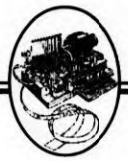
♦ Проф. Томаш Наленч, до недавнего времени вице-маршал Сейма: «В раздираемом противоречиями Сейме решающую роль играют уголовно преследуемые депутаты. Вместо того чтобы стыдиться своих действий, они требуют щедрого вознаграждения [в виде должностей]. Каждый, кто пренебрегает этической стороной дела и пытается договориться в Сейме с уголовно преследуемыми депутатами, берет на свою совесть подрыв авторитета государства. И никакой экономический рост, даже стопроцентный, не сделает эту ситуацию хоть чуть-чуть более моральной». *(«Впрост», 9 мая)*

♦ **«В Литве, Польше, Чехии и Венгрии есть серьезные политики, против которых ведутся судебные процессы или по крайней мере следствия прокуратуры, и это никак не влияет ни на их политику, ни на их популярность (...) Почему эта черта столь характерна для молодых демократий, возникших на руинах социалистического лагеря? В этих странах свершилась общественная революция невиданного масштаба (...) После революции всегда приходит время негодяев (...) Что с этим делать? Думаю, ничего не поможет до тех пор, пока канальи не научатся соблюдать правила приличия — что наверняка произойдет, но не раньше, чем через каких-нибудь двадцать лет».** ***(Мартин Круль, «Тыгодник повшехный», 2 мая)***

♦ Из доклада Петра Корыся «Безнаказанность политического класса. Конфликты интересов, коррупция, правонарушения и политическая ответственность в Третьей Речи Посполитой», подготовленного по заказу Фонда им. Стефана Батория, следует, что политические партии неохотно требуют объяснений от своих членов, замешанных во взяточнические аферы. Отрицательные герои общественной жизни часто сохраняют свое политическое влияние. *(«Жечпосполита», 14 апр.)*

♦ **Согласно опросу, проведенному институтом исследований общественного мнения и рынка «Пентор», в настоящее время «Самооборону» поддерживают 30% поляков, «Гражданскую платформу» — 27, «Право и справедливость» — 10, «Лигу польских семей» — 7, коалицию СДЛС и «Унии труда» — 6, «Польскую социал-демократию» — 4, крестьянскую партию ПСЛ — 4, Всепольскую партию пенсионеров — 3 и «Унию свободы» — 2%. Проходной барьер для партии составляет 5%, для межпартийной коалиции — 8%.** ***(«Жечпосполита», 23 апр.)***

♦ Деятели прокремлевской партии «Единая Россия» из Калининградской области подписали соглашение о сотрудничестве с варминско-мазурскими активистами СДЛС. Как сказал секретарь политсовета калининградского отделения «Единой России» Константин Поляков, теперь политики СДЛС могут рассчитывать на консультацию у российских коллег, как победить на выборах. По мнению Полякова, достаточно убедить избирателей в своей порядочности. *(«Ньюсуик-Польша», 3 мая)*



♦ **Стефан Братковский: «Это звучит почти парадоксально, но, согласно опросам, 70% нашего общества довольны своей жизнью. Довольны не только те, кому хорошо живется, но, как мне кажется, и люди, верящие в оздоровление государства, лучшее функционирование экономики и Евросоюз. Остальные 30% — это безработные (20%), погрязшие в долгах или парализованные бюрократией мелкие предприниматели, а также интеллигенты без перспектив трудоустройства. Это похоже на те времена, когда жертвы великого кризиса, взбешенные ощущением безнадежности, в США шли маршем на Вашингтон, а в Германии выбирали Гитлера. Если бы не Леппер [лидер «Самообороны»], на этой почве вырос бы какой-нибудь другой ловкий, пронырливый невежда или фашист».** ***(«Жечпосполита», 30 апр. — 3 мая)***

♦ Депутат Войцех Мойзесович, бывший заместитель Анджея Леппера: «Как-то раз, когда я еще был в «Самообороне», разговаривал я с Леппером о том, каково оно будет, когда мы придем к власти. Он мне и говорит: «Чего там, посадим тысячу человек и поглядим». [После этого] я от Леппера ушел». *(«Газета выборча», 24-25 апр.)*

♦ **«Грубо говоря, проблему Польши, Литвы и Словакии можно свести к следующему: избиратели упрямо требуют невозможного. Они уже дали шанс и левым, и правым, и в результате разочаровались в тех и других. Теперь, чтобы наказать и тех и других, они готовы поддержать демагога. Объяснять, что он не вернет им ощущения «социальной безопасности», бессмысленно: хотя раздраженные избиратели и желают улучшения, они все равно в него не верят (...) Апатия и разочарование, дополненные ощущением, что терять уже нечего, сочетаются с желанием сделать верхам назло. Демагогия, с которой мы сегодня имеем дело, соблазняет скорее обещанием рассчитаться с политиками, не выполнившими своих предвыборных обязательств, нежели перспективой лучшего будущего. «Он им покажет!» — вот как чаще всего объясняют свой выбор сторонники Леппера. Вряд ли найдется кто-нибудь, кто скажет: «Он ликвидирует 20-процентную безработицу». Популярность «Самообороны» удерживается на том же уровне, что и популярность демагогов в других странах региона. Наша проблема кажется самой серьезной, потому что «нормальная» политическая сцена у нас раздроблена».** ***(Рафал Земкевич, «Ньюсуик-Польша», 25 апр.)***

♦ «С «Самообороной» левых связывают не только тайные соглашения и стратегические союзы, но и схожее неприязненное отношение к перелому, совершившемуся в Польше благодаря «Солидарности», а также схожий нигилизм в политических повадках. Тот, кто слышал ложь левых политиков, оправдывавших свою причастность к очередным скандалам, видел в них то же презрение к правде, какое присуще Лепперу (...) «Самооборона» — это не мятеж бедных и отчаявшихся, как того хотели бы многие комментаторы. Это посткоммунистическая контрреволюция, которая наконец нашла подходящую личину и время». *(Бартломей Сенкевич, «Ньюсуик-Польша», 9 мая)*

♦ **Анджей Вайда: «Мне вспоминается одна сцена, диалог Верховенского и Ставрогина. [Ставрогин говорит]: «Откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно». Когда я вспоминаю эти слова, тайна Леппера проясняется. Кто, как не он, осквернил польский Сейм, силой захватив трибуну, доступ к которой охраняет польская демократия? Кто, как не он, безнаказанно поднял руку на чужую собственность, высыпав на железнодорожные пути зерно, принадлежащее другим? Кто позволяет себе бесчестить священное избирательное право приписками фамилий в списках поддержки кандидатов? Не только русского — польского человека тоже легче всего увлечь за собой правом на бесчестье. «Рухнет балаган, и тогда мы подумаем, как бы поставить строение каменное», — говорит Петр Верховенский. Разве вождь в бело-красном галстуке не обещает во всех газетах и на всех телеканалах в точности то же самое?»** ***(«Тыгодник повшехный», 18 апр.)***

♦ Проф. Иренеуш Кшеминский, социолог из Варшавского университета: «Несмотря на то что польское демократическое государство переживает кризис, основные правила демократии все же не нарушены, а антидемократические поползновения Леппера недостаточно сильны, чтобы поставить эти правила под угрозу. Деструктивной силы недостает и экс-коммунистам, которые оказались в большей мере коммунистами (...) нежели «экс»». *(«Ньюсуик-Польша», 3 мая)*

♦ **Согласно опросу ЦИОМа, по сравнению с мартом число поляков, заявляющих о своем доверии к Анджею Лепперу, уменьшилось на 12% и теперь составляет 41%. Недоверие к председателю «Самообороны» возросло на 14%, достигнув 44%. Самым большим доверием продолжает пользо-**

ваться президент Александр Квасневский — ему доверяют 67% поляков. За ним следует Лех Качинский (45%), а третье место с 44% доверия занимает Ян Рокита. ***(«Газета выборча», 27 апр.)***

♦ По данным опроса института исследований общественного мнения и рынка «Пентор», поляки хотели бы, чтобы более заметную роль в общественной жизни играли: Иоланта Квасневская (58% голосов), Александр Квасневский (57%) и Марек Боровский, до недавнего времени маршал Сейма, основатель новой партии «Польская социал-демократия» (53%). Анджей Леппер занял 12-е место, получив 31% голосов. *(«Впрост», 18 апр.)*

♦ **Иоланта Квасневская: «Я решила не участвовать в президентских выборах. При такой политике, при таких ее формах, какие господствуют в Польше, я не вижу для себя места. Я не понимаю такой политики. По образованию я юрист, и я не смогла бы приложить никакую из известных мне моделей политики к тому, что происходит в Польше. Я сторонница честности и солидарности в политике, а для такой политики, которая ведется в Польше, я не гожусь». Иоланта Квасневская попросила центры исследования общественного мнения не упоминать ее фамилию в предвыборных рейтингах и заявила, что она будет по-прежнему заниматься благотворительной деятельностью.** ***(«Жечпосполита», 29 апр.)***

♦ Вице-премьер и министр внутренних дел Юзеф Олексы избран маршалом Сейма. Избрание Олексы — элемент перетасовок, которые должны дать Мареку Белке возможность сформировать правительство. *(«Тыгодник повшехный», 2 мая)*

♦ **Марек Белька стал новым премьер-министром. В воскресенье президент Александр Квасневский назначил его правительство. Свои должности сохранили министры: экономики и труда Ежи Хауснер, иностранных дел Влодзимеж Цимошевич, обороны Ежи Шмайдзинский, сельского хозяйства Войцех Олейничак, культуры Вальдемар Домбровский, финансов Анджей Рачко, науки и информатизации Михал Клейбер.** ***(«Жечпосполита», 4 мая)***

♦ Конституционный суд признал незаконной реформу спецслужб, проведенную два года назад «Союзом демократических левых сил». Это означает, что 450 офицеров ликвидированного Управления охраны государства должны быть восстановлены в должностях или получить компенсацию. Ответственный за проведение реформы начальник разведки Збигнев Семёнтковский подал в отставку. *(«Тыгодник повшехный», 2 мая)*

♦ **Агентство внутренней безопасности (АВБ) сообщило, что в прошлом году «Аль-Каида» завербовала в Лондоне безработного поляка из окрестностей Здунской-Воли. Ему было дано задание совершить теракт в одной из польских церквей во время рождественской мессы. Неофит был готов на все. Однако до момента задержания он не продвинулся настолько, чтобы ему можно было предъявить обвинение в подготовке теракта.** ***(«Жечпосполита», 24-25 апр.)***

♦ После вывода из Ирака испанско-латиноамериканской бригады в польском секторе стало на две провинции меньше (из пяти первоначальных). Ответственность за обе провинции взяли на себя американцы. С июня международная дивизия под командованием генерала Мечислава Бенека будет насчитывать 6500 солдат, т.е. на треть меньше, чем прежде. *(«Жечпосполита», 27 апр.)*

♦ **15 тыс. долларов готовы заплатить в Ираке за захват в плен польского военнослужащего.** ***(Агата Яблонская, «Впрост», 25 апр.)***

♦ Популярный военный корреспондент Польского телевидения Вальдемар Милевич и его помощник, алжирец Мунир Буамран убиты террористами на пути из Багдада в Наджаф. Оператор Ежи Эрнст ранен. По сведениям катарского телеканала «Аль-Джазира», нападение на польских журналистов было заранее запланировано. *(«Жечпосполита», 8-9 мая)*

♦ **Более 5 тыс. человек приняли участие в 13-м «Марше живых», пройдя три километра от лагеря Аушвиц до Биркенау. Вместе с евреями шли 700 поляков. «Приходя сюда, мы задаемся вопросами: почему Бог допустил это? почему цивилизованный мир молчал, зная о совершающейся трагедии?» — сказал участвовавший в марше вице-премьер и министр юстиции Израиля Йосеп Лапид.** ***(«Газета выборча», 20 апр.)***

♦ Представитель немецких евреев Пауль Шпигель на церемонии открытия берлинской конференции ОБСЕ: «После расширения Европейского союза бороться с антисемитизмом будет труднее из-за антисемитизма, распространенного во многих новых странах ЕС». Эли Визель, лауреат Нобелевской премии мира, бывший узник Освенцима: «Если Освенцим не уничтожил антисемитизма, то что́ способно это сделать?» *(«Газета выборча», 29 апр.)*

♦ **«Не только шведские паспорта, выдававшиеся в Будапеште послом Раулем Валленбергом, но и польские удостоверения личности спасли жизнь тысячам евреев. Выдавал их руководивший всей**

операцией Генрик Славик. Просто удивительно, что в Польше его героизм остался незамеченным. О нем вспомнили лишь спустя 60 лет». (Славик был убит в концлагере Маутхаузен — *Ред.*) *(Тадеуш Ольшанский, «Политика», 24 апр.)*

♦ В Кракове несмотря на протесты польского МИДа и турецких властей открыт армянский хачкар — «крест-камень» памяти армян, живших в Польше с XIV в., полутора миллионов жертв турецкого геноцида 1915 г., армян, убитых во время II Мировой войны украинскими националистами, и армянских священников, сосланных в Сибирь и убитых советскими властями. Монумент высотой 2,5 метра освятил кардинал Францишек Махарский, митрополит Краковский. Посол Армении в Польше Ашот Ховхакимян говорил, что необходима не только память о жертвах геноцида, но и примирение между армянским и турецким народами. *(«Жечпосполита», 19 апр.)*

♦ Институт национальной памяти (ИНП) начал следствие по делу о катынском преступлении. Пресс-секретарь Верховного суда профессор Петр Хофманский: «Насколько мне известно, польская и российская стороны заключили неписаный договор, согласно которому следствие ведут россияне, а польская сторона оказывает посильную юридическую помощь. Однако факт остается фактом: все это продолжается уже полтора десятка лет, а следствие до сих пор формально не закрыто. На начальной стадии польская сторона получала его материалы, но в последнее время, судя по всему, россияне отказались и от этого». Директор ИНП профессор Леон Керес: «Несколько раз я просил предоставить мне возможность посетить Главную военную прокуратуру РФ, однако мне так и не удалось побывать там. Один раз случилось даже, что запланированный визит отменили в последний момент». *(«Жечпосполита», 28 апр.)*

♦ Глава Польской Православной Церкви архиепископ Савва заложил краеугольный камень в фундамент первого в истории Щецина православного храма. Строящаяся в центре города церковь, которая вместит 500 человек, будет посвящена св. Николаю Чудотворцу, епископу Мир Ликийских. Щецинские православные — это белорусы, греки, лемки, поляки, русские и украинцы. Их число оценивается в 5 тыс. человек. *(«Газета выборча», 17-18 апр.)*

♦ Белорусский КГБ задержал в Минске польского дипломата по обвинению в шпионаже. В результате премьер-министр Белоруссии Сергей Сидорский отменил свой визит в Варшаву на экономический саммит. Задержание было проведено с нарушением международных норм. *(«Газета выборча», 30 апр.)*

♦ Представитель МИДа России: «С 1 мая 2004 г. (...) польские власти будут требовать от иностранцев, в том числе граждан России (...) оригинал приглашения или подтверждение гаранта о покрытии расходов на оказание медицинской помощи. При отсутствии этих документов российским гражданам необходимо иметь при себе сумму в размере 300 злотых на каждый день пребывания в Польше (...) В этой связи российская сторона оставляет за собой право введения аналогичных условий въезда граждан Польши в Россию на основе взаимности». *(«Жечпосполита», 27 апр.)*

♦ После 1 мая условия торговли между Польшей и Россией останутся прежними. Россия не сможет изменять ставки таможенных пошлин и самовольно вводить какие-либо квоты для польских экспортеров без согласия Евросоюза. Импорт российского продовольствия в Польшу будет осуществляться в соответствии с санитарно-ветеринарными нормами ЕС, а экспорт польского в Россию — в соответствии с новыми сертификатами. *(«Газета выборча», 27 апр.)*

♦ ««Сотрудничество с Россией всегда вызывало множество опасений. Несмотря на это не было предпринято ни одной попытки определить интересы Польши в контактах с предприятиями из стран бывшего СССР», — считает Веслав Валендзяк (...) Польша должна избегать любых крупных российских инвестиций, особенно в стратегических секторах, в частности в топливно-энергетической отрасли (...) Российские фирмы можно назвать частными только в известной степени. В любой момент государство может организовать смену владельца. Поэтому в случае каждой крупной российской инвестиции есть риск, что когда-нибудь она станет орудием государственной политики». *(проф. Ян Винецкий «Жечпосполита», 19 апр.)*

♦ «Российская нефть и природный газ в Центральной Европе» — так называется отчет, подготовленный Центром восточных исследований, МИДом и министерством экономики, труда и социальной политики. По мнению авторов отчета, «экспорт энергетического сырья имеет для Российской Федерации стратегическое значение и составляет интегральную часть российской внешней политики. Цель Кремля — заложить основы экономического могущества страны и

укрепить позицию России на международной арене. Российская энергетическая политика служит, в частности, осуществлению этой цели. Стратегия российских энергетических концернов ясна (...) цель — сохранить или получить контроль над транспортными путями и нефтяными терминалами, региональным топливным рынком, а также создать плацдармы для выхода на рынок ЕС». ***(Славомир Поповский, «Жечпосполита», 19 апр.)***

♦ «Благодаря принятой 24 февраля Роттердамской конвенции ООН контроль торговли химическими веществами должен стать более эффективным. Конвенция дает право требовать полную информацию о составе и действии допущенных к торговле препаратов, а также право изымать из оборота или запрещать импорт тех веществ, вредность которых документально доказана. Конвенцию подписали 50 стран, однако Польша в их число не входит». *(Яцек Кубяк, «Политика», 24 апр.)*

♦ **«Из 455 видов обитающих в Польше позвоночных 130-и угрожает вымирание (...) Водно-болотная среда разрушается в устрашающем темпе (...) Мелиорация и интенсивная сельскохозяйственная деятельность отрицательно сказались даже на таких распространенных до недавнего времени видах, как заяц и куропатка (...) Ежегодно от охотничьих выстрелов гибло почти 500 тыс. зайцев и по крайней мере столько же куропаток (...) В сезон 2002/2003 гг. охотники убили 66 тыс. зайцев и 21 тыс. куропаток (...) В настоящее время 80% польских лесов — это хвойные монокультуры, сухие и почти лишенные подлеска (...) Глухаря и тетерева может спасти только общенациональная программа по их охране, предусматривающая, в частности, изъятие сохранившихся мест обитания этих птиц из ведения лесного хозяйства и создание там заповедников (...) Менее 200 последних лесных котов еще бродят в глухих дебрях. В Польше живет меньше 200 рысей, хотя еще каких-нибудь 20 лет назад их было почти 600 (...) Современное вымирание в масштабах всей планеты — самое быстрое в истории Земли. Причина его — человек (...) Неизвестно, к каким последствиям приведет безудержная и, как правило, разрушительная деятельность человека, в результате которой исчезают всё новые виды [животных] (...)Уничтожение видов напоминает вытаскивание заклепок из летящего самолета».** ***(Кшиштоф Дунин, «Тыгодник повшехный», 18 апр.)***

♦ «Охрана природы в Польше станет фикцией, если Сейм отклонит поправки Сената к новому закону об охране природы. В непосредственной близости от границ национальных парков можно будет строить, что кому нравится, а в парках — практически без ограничений возводить спортивные и туристические объекты (...) Я понимаю, что приближаются выборы, но почему сурки, серны и орлы должны пасть жертвой подлизывания к избирателям? Подумайте, пока маленькие кусочки нашей страны, где еще сохранилось немного дикой природы, не превратились в луна-парки». *(Адам Вайрак, «Газета выборча», 15 апр.)*

♦ **Депутаты сочли допустимым строительство различных сооружений в национальных парках и заповедниках. Там можно будет строить, в частности, «образовательные, культурные, туристические, рекреационные и спортивные» объекты.** ***(«Газета выборча», 17-18 апр.)***

♦ Чеслав Милош: «Все картины природы остались далеко позади (...) Что же будет, когда исчезнет вся природная среда человека?» *(«Тыгодник повшехный», 18 апр.)*

♦ **Двух маленьких утят спасли полицейские, несшие службу во время Европейского экономического саммита. Двое из кучки птенцов, маршировавших за своей мамой через площадь Пилсудского перед гостиницей «Виктория», упали в канализационный люк. Полицейские подняли чугунную решетку и, держа за ноги одного из своих товарищей, опустили его вниз головой в люк, а тот вытащил малышей из ловушки. Старший сержант Славомир Кучко из слупского саперно-пиротехнического отдела не чувствует себя героем. «Это был просто человеческий порыв», — говорит он. Однако он все равно стал героем международных СМИ. Его спасательную операцию описали мировые агентства, а фотография торчащих из люка сапог пользовалась большой популярностью в службе «Ассошиэйтед пресс».** ***(«Газета выборча», 29 апр., «Политика», 8 мая)***

Тимоти Гартон Аш

ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ

Расширение Европейского союза на Восток — это не только ликвидация остатков Берлинской стены, прежнего искусственного барьера между Западом и Востоком. Это беспрецедентный шаг к свободной, неделимой Европе. Впервые в европейской истории столько стран Центральной и Восточной Европы объединились со своими западными соседями в одно демократическое сообщество, скрепленное узами политики, экономики и безопасности, с равными правами и обязанностями.

На протяжении столетий восточноевропейцы были гражданами второй категории, бедными родственниками, предметом чужих политических планов и расчетов. На протяжении столетий они стыдились своей отсталости, своей провинциальности, а на Западе их высмеивали как экзотические, странные, непонятные «задворки Европы». Руритания. Трансильвания с вампиром Дракулой. Силдавия из «Приключений Тантана».

Славяне, а не рабы

Немецкий историк Леопольд фон Ранке написал историю — как он это назвал — романо-германских народов. Славян он не упомянул вообще: они-де не были творцами истории. Высокопоставленный немецкий политик объяснил мне когда-то (говоря по-английски с сильным акцентом), что историю Центральной Европы «совместно творили немцы, евреи и рабы» (по-английски — slaves). Я не сразу понял, что он имел в виду славян (по-английски — Slavs). И вот теперь славяне, которые никогда уже не будут рабами (а также не славяне — венгры, мальтийцы, эстонцы и греки-киприоты) усядутся вместе с нашими «романо-германскими народами» за общий праздничный стол в Брюсселе, а перед этим будут вместе веселиться на торжественном приеме в Дублине. В нескончаемой европейской симфонии вновь прозвучал троекратный мощный аккорд.

Все это отдаленные перспективы и громкие слова. Что значат они в повседневной жизни людей? Прежде всего то, что большее чем когда-либо число европейцев будет пользоваться большей свободой. Когда более четверти века назад я начал приезжать в эти края, мои здешние ровесники жили в другом мире. Они не могли говорить вслух то, что думают (их уволили бы с работы или исключили из института), ездить туда, куда захотят, и читать то, что им вздумается, а на витринах и полках магазинов нередко царила зияющая пустота.

Тогдашнюю действительность лучше всего описывают безрадостные анекдоты.

— Ребе, можно построить социализм в одной отдельно взятой стране? — Можно, но жить лучше в другой...

— Русские — это наши братья или наши друзья? — Братья — друзей можно выбирать.

Или такой, времен Польши пустых магазинных полок.

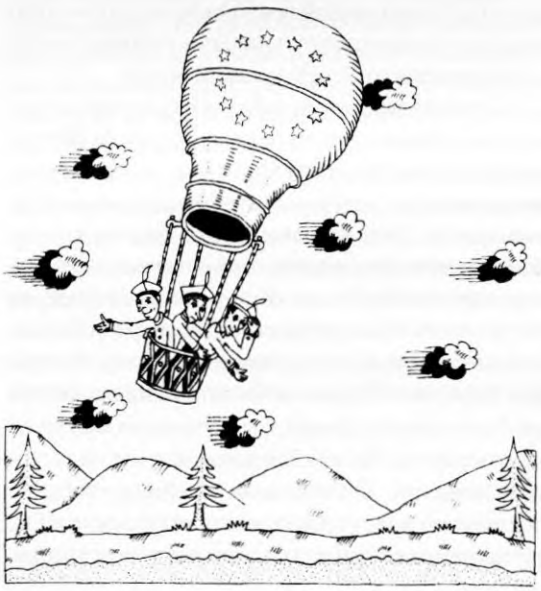
Покупатель входит в мясную лавку. «Взвесьте мне, пожалуйста, свинины». — «Извините, нету». — «Ну тогда говядины». — «К сожалению, нет». — «А баранины?» — «Тоже нету». — «Сосисок?» — «И сосисок нет». Расстроенный покупатель уходит. — «Вот идиот!» — комментирует помощник мясника. — «Да, — соглашается тот. — Но какая память!»

Перспективы, которые открылись перед сыновьями и дочерьми моих старинных друзей из Варшавы, Будапешта, Праги или Любляны, не слишком отличаются от тех, которых могут ожидать мои собственные дети. Они могут писать и читать что захотят. Могут поехать куда захотят, ограниченные лишь властью одного общего деспота — денег (вернее, их отсутствием). И могут громко прокричать в общественном месте все, что им придет в голову. На этот раз в Восточной Европе не было обязательных первомайских демонстраций, где скучающая молодежь несла портреты Ленина, Брежнева или местных генсеков помельче. Одни вышли на улицу, чтобы по собственной воле отпраздновать вступление в ЕС, другие предпочли антиглобалистские демонстрации.

Конец раздела

В Англии и Германии по-прежнему чаще можно встретить поляка или словачку в роли каменщика или уборщицы, чем менеджера или профессора. Но и это изменится. В 50-е годы в Англии няньками работали швейцарки, немки или француженки. В 70-е — испанки и португалки. Сегодня это польки и словачки, но лет через десять их, по всей вероятности, заменят украинки и турчанки. Так обычная человеческая история вплетается в ткань более широкой политической картины Европы.

Факт остается фактом: в субботу 1 мая 2004 г. Евросоюз стал гораздо больше и гораздо разнообразнее; более того, он будет и дальше расти и становиться все более разнообразным. В какой-то мере я понимаю британских и иных «евроскептиков», опасающихся уравнивания всех под единый бюрократический аршин. Но не будем забывать, что с этим расширением разнообразие уже победило. Вопрос стоит не так: не исчезнут ли, мол, наши национальные особенности в жерле некоего гигантского европейского Молоха, всесильного централизованного государства, управляемого брюссельскими бюрократами? Вопрос стоит совсем по-другому: как не допустить того, чтобы европейские коллективные органы уподобились польским поместным сеймикам XVII века, которые стали источником бунтов и расколов среди зачастую не слишком трезвых шляхтичей?



Тревоги после торжеств

Если нам это удастся, Европа станет уникальным, единственным в мире сообществом 25 (в перспективе — 35) демократических государств, насчитывающих 450 (в перспективе — 600) миллионов граждан, живущих рядом в условиях свободы, мира и благосостояния.

Я знаю, что это очень нелегкая задача. Я знаю также, что на приеме в Дублине после торжественной церемонии было множество недовольных — и среди старых членов ЕС, и среди новичков. Мне кажется, любой из нас сможет перечислить их опасения и тревоги. По средним меркам 15 прежних членов ЕС, новые страны, вступившие в Евросоюз, — в большинстве своем бедные и в течение ближайших десятилетий останутся сравнительно бедными, несмотря на свои превосходные показатели экономического роста. Во многих из них свирепствует коррупция, разваливается многопартийная система, избиратели теряют доверие к органам власти и перестают участвовать в выборах. Старые члены ЕС опасаются иммигрантов, хаоса, а также конкуренции со стороны дешевой квалифицированной рабочей силы и более мягких налоговых режимов.

Но отложим все эти проблемы до вторника, когда начнется нормальная работа. Во время этого уик-энда мы отпраздновали огромную перемену. Если сравнивать ЕС с США или с утопической объединенной Европой, мы почти всегда будем испытывать некоторую неудовлетворенность. Поэтому давайте сравним Европу после 1 мая 2004 г. с нашим собственным недавним прошлым. Вспомним, какой была наша действительность 20 лет назад, в 1984 году, не говоря уже о 1944-м. А после этого вставим в лазерный проигрыватель «Славянские танцы» Дворжака и разольем по рюмкам водку.

gazeta WYBORCZA

Ignacy Czwartos

Стефан Братковский

«ОПЫТ И БУДУЩЕЕ»,

или в какой степени этот опыт может послужить будущему

Все, о чем я буду рассказывать, — это «дела давно минувших дней», о которых помнят только глубокие старики. Сегодня в Польше все, что произошло между 1980 и 1989 гг., — это полузабытое прошлое, а эпоха до возникновения «Солидарности» — вообще нечто фантастическое, чему молодежь решительно предпочитает истории о Гарри Поттере. Они не знают, что чуда, произошедшего в 1989 г. по нашу сторону Эльбы в результате всей этой фантастики, не совершил бы никакой Гарри Поттер.

Начинать нужно с конца 40-х — начала 50-х, когда приобретали жизненный опыт те, кто впоследствии принадлежал к дискуссионному клубу «Опыт и будущее». Сталинизм парализовал польскую интеллектуальную элиту; все формы ее организации, все ее связи были либо уничтожены, либо так извращены, чтобы сделать невозможным самостоятельное мышление. Интеллектуальные круги, изолированные друг от друга, пытались выжить, маскируясь под различные «семинары» с участием всего нескольких человек, проходившие по разным адресам под видом «дружеских встреч» (и все равно нередко заканчивавшиеся тюремным заключением). Интеллектуальная жизнь возродилась вместе с «оттепелью», начавшейся после смерти Сталина; в Польше еженедельник «По просту», журнал «студентов и молодой интеллигенции», в 1955 г. стал глашатаем бунта и реформ. Он стоял во главе массового, общенародного движения, которое после кровавого подавления бунта познанских рабочих в июне 1956-го все-таки привело к принципиальным переменам осенью того же года — уже без кровавых событий и трагедий, которые обрушились на Венгрию. Польша вернула себе частное сельское хозяйство, право на существование частной мелкой торговли (хотя и всячески преследуемой); в ней появилась неофициальная оппозиция, то есть представители католических кругов в по-прежнему назначаемом властями Сейме; она приобрела относительно независимое правосудие и довольно широкую творческую свободу для писателей, деятелей театра и кино, обширное место (можно сказать, витрину) для современной музыки и довольно широкие возможности контактов с Западом. И все это — при полном сознании того, что Запад и пальцем не пошевелит, чтобы освободить Польшу от советского ига — что подтвердил разгром венгерского восстания.

Строительство Дворца науки и культуры им.Сталина в Варшаве

Однако после этого «польского Октября» 1956 г. партия быстро принялась укрощать польскую интеллектуальную элиту — закрывая различные издания или просто затыкая им рот. Сделать это было нетрудно: она управляла гигантским печатным концерном, который издавал все газеты, кроме независимых, но подвергавшихся жесточайшей цензуре католических изданий — еженедельной газеты «Тыгодник повшехный» в Кракове и ежемесячного журнала «Вензь» в Варшаве. Уже осенью 1957 г. был закрыт «По просту» (несмотря на массовые протесты молодежи), а затем продолжалась ликвидация других изданий, замена их редколлегий или объединение друг с другом под управлением нового, послушного главного редактора. Это продолжалось до середины 60-х, одновременно с преследованием «ревизионистов» в высших учебных заведениях. Страну покинула первая волна интеллигентской эмиграции во главе с философом Лешеком Колаковским. Волна реакции достигла своего апогея в ходе «антисионистской» — то есть управляемой сверху антисемитской — кампании, которая изгнала из страны новую волну ученых, писателей и других представителей интеллигенции, включая знаменитостей, ко-

торые не могли примириться с антисемитизмом. Казалось, что польская мыслящая элита окончательно раздавлена: с независимыми от партии католическими изданиями цензура делала что ей вздумается, а периодика «государственных» католиков повиновались во всем. Хотя, признаемся, эта ситуация и так была почти идиллической по сравнению с положением в СССР, в Венгрии или в только что усмиренной Чехословакии.

Новой попыткой добиться независимости печати стало с 1970 г. еженедельное приложение к газете «Жиче Варшавы» «Жизнь и современность»: формально посвященное проблемам научно-технического прогресса, оно пропагандировало демократические начинания на местах и призывало граждан к совместной деятельности. Партия терпела это вплоть до осени 1973-го. Несколькими годами позже была разогнана и редакция вновь созданного еженедельника «Литература», вокруг которого собрались многие ведущие писатели и публицисты, уцелевшие после предыдущих «карательных операций». В интеллектуальной жизни снова воцарился мрак.

Переломом стало создание Комитета защиты рабочих (КОР), основанного Яцеком Куронем после подавления массового протеста радомских рабочих в 1976 г., когда милиция зверски избивала их, прогоняя сквозь строй (эту процедуру она издевательски именовала «тропинкой здоровья»). Впервые раздался открытый голос протеста против системы. Куронь тогда выдвинул лозунг исторического значения, сегодня полузабытый: «Не жечь [партийные] комитеты — создавать [свои] комитеты».

Героическое поведение Куроня не сразу снискало широкое одобрение среди польской интеллектуальной элиты. Одни не могли простить ему, что он не поддержал польскую «оттепель» в октябре 1956 г., а также сорвал попытку возродить харцерское движение в его довоенном (скаутском) варианте, другие считали создание и деятельность КОРа мальчишеской бравадой, которая приведет к еще более интенсивному затыканию ртов и завинчиванию гаек. КОР был уникальным политическим явлением исторического значения, а с психологической точки зрения — примером смелых действий под собственными именами.

Этой смелости в какой-то степени благоприятствовал тот факт, что тогдашнее партийное руководство стремилось сохранить свой позитивный образ в глазах западных правительств, предоставлявших Польше кредиты. Поэтому и органы во второй половине 70-х свирепствовали помягче, чем раньше. Тем не менее эта «мягкость» была таковой лишь по сравнению со зверствами эпохи сталинизма. На квартиру Куроня производились налеты, организованные варшавским обкомом ПОРП, во время одного из них были избиты старик-отец и сын Куроня; другие налетчики, изображавшие рабочих, нападали на дом выдающейся актрисы Халины Миколайской, участвовавшей в деятельности КОРа; Адама Михника за руки и за ноги вышвыривали из собственной квартиры. Приговоры сыпались один за другим, а в провинции дело дошло до убийств из-за угла, виновники которых никогда не были найдены. Однако основатели КОРа уже не были одиноки: в его окружении было много молодежи, в том числе и из других городов, кроме Варшавы, а вскоре в него включилась группа интеллигентов, основателей Общества научных курсов, созданного по примеру подпольного польского университета, действовавшего после революции 1905 года. На стороне КОРа выступили и другие видные деятели польской культуры. Молодой физик Мирослав Хоецкий организовал первое неподцензурное, подпольное издательство НОВА, преследовавшееся особенно яро; уже в 1977 г. группа писателей опубликовала в издательстве НОВА свои тексты, не пропущенные в печать цензурой.

Однако проблема, как дать возможность высказаться подавляющему большинству польской мыслящей элиты, особенно из научно-академической среды, все еще не была решена. Мне казалось, что сам по себе факт протеста умнейших людей страны — это еще не все. На рубеже 1976-1977 гг. мы долго обсуждали это с бывшим публицистом «усмиренной» газеты «Жиче Варшавы», моим другом Богданом Готовским, человеком выдающегося ума и мужества, который был воплощением тактичности и скромности (во время войны, в подполье, что было известно только мне, он командовал отрядом, ликвидировавшим предателей, доносчиков и шантажистов, вымогавших у евреев деньги под угрозой доноса). Мы пришли к выводу, что, будучи знакомы с лучшими умами страны, должны сделать что-то, чтобы они могли послужить ей своими талантами, а не только подписями.

Богдан поговорил на эту тему с со своим другом Анджеем Велёвейским, одним из руководителей варшавского Клуба католической интеллигенции, организации, как и все подобные клубы, нетипичной, ибо независимой. Велёвейский, при всем своем мощном уме и огромных знаниях, был почти таким же символом скромности: он нико-

гда не рвался в руководители, хотя делал больше других. В каждом деле, включая ККИ, он был пресловутой «рабочей лошадкой» Мы встретились втроем — и Анджея даже не пришлось уговаривать. Затем в течение года мы провели десятки бесед с нашими друзьями и знакомыми, людьми, традиционно почитавшимися индивидуалистами, эгоцентриками с повышенной чувствительностью на пункте собственных амбиций. И даже если таких оказалось на деле сравнительно немного, деликатность и такт Готовского и Велёвейского сыграли в решении этой задачи неоценимую роль.

Так удачно сложилось, что в том же 1977 году Общество Свободного польского народного университета, действовавшее на обочине официальной общественной жизни, приняло решение начать работу своей «коллегии» с семинарами на различные неудобные для властей темы. СПНУ, до войны крупное независимое высшее учебное заведение, с комплексом собственных зданий в Варшаве, был ликвидирован еще в 1952 г. (на базе его филиала в Лодзи еще до этого, сразу после войны, был создан Лодзинский университет). После «польского Октября» удалось возродить лишь такое скромное общество, которое устраивало различные курсы повышения квалификации и столь же скромные семинары, в которых принимал участие и я сам. В 1977 г. общество возглавлял незабвенный Адам Узембло, логик, бывший офицер, в период сталинизма подвергшийся в застенках госбезопасности таким пыткам, что еще в 1956 г. студенты во время митинга внесли его на сцену на стуле (тогда он призывал всех воздержаться от кровопролития — «иначе это все никогда не закончится»). Варшавским отделением общества руководила неоценимая Янина Войцеховская, в прошлом боец Армии Крайовой.

После нескольких десятков бесед с друзьями, на первой организационной встрече коллегии Общества СПНУ Богдан Готовский мог заявить, что в семинаре на тему «Опыт европейской демократии» примет участие 60 «самостоятельных научных работников» (как это тогда называлось), то есть профессоров и доцентов. Это стало сенсацией для остальных участников встречи, так как на другие семинары людей собирали под эгидой одного-двух самостоятельный научных работников. Получив согласие, мы назначили на 14 ноября 1978 г. первое пленарное заседание в знаменитом зале Лелевеля в Институте истории Польской АН на Рыночной площади варшавского Старого Города. Все это происходило всего через месяц после избрания польского Папы, Иоанна Павла II, которое ввергло тогдашнее партийное руководство в состояние паники (по крайней мере на два-три месяца). Открыть дискуссию докладами по социальной политике должны были профессора Ян Роснер и Ян Маляновский. На заседание мы пригласили (в ходе тех самых частных бесед) ведущих представителей польской научной и интеллектуальной жизни, а также журналистов — независимо от партийной принадлежности (членами партии были тогда и Маляновский, и я сам, хотя и оставшийся без работы, с «волчьим билетом»; зато я мог без недомолвок выкладывать все, что думаю, на партийных собраниях в Союзе польских писателей). Эти партбилеты должны были играть роль своего рода прикрытия от возможного давления со стороны партии.

На заседание пришло более ста приглашенных. Председательствующим был профессор Клеменс Шанявский, выдающийся логик и философ, а кроме того человек, наделенный природным тактом и личным обаянием. С самого начала он ограничил регламент выступлений пятью минутами (в нашей части Европы любят говорить долго): можно было взять слово даже несколько раз, но каждый раз лишь по пять минут. Жалобщиков среди нас не нашлось, но если бы кто-нибудь начал повторяться или говорить не на тему, Клеменс лишил бы его голоса. В ходе собрания Клеменс продлевал время на несколько минут особенно интересно выступавшим ораторам и еще до завершения дискуссии объяснил: «Осмысленные пять минут иногда продолжаются семь и даже восемь минут». Эта традиция говорить кратко, начало которой положил наш клуб, вошла впоследствии в круг обычаев всей польской интеллектуальной элиты.

Доклады оставили от тогдашней социальной политики мокрое место, а дискуссия велась так, будто за окнами никакой власти не было и в помине. Один из приглашенных высокопоставленных партийных участников после нескольких подобных высказываний вышел из зала еще до окончания собрания. Впоследствии он запретил подчиненным ему журналистам (впрочем, безрезультатно) принимать участие в деятельности дискуссионного клуба. В заключение мы попросили подойти из зала тех, кто сможет посвятить какое-то время работе в коллективе, который мы назвали «обслуживающей группой» дискуссионного клуба. Кстати, именно тогда окончательно закрепилось и название: дискуссионный клуб «Опыт и будущее».

Структура обслуживающей группы была столь же хитроумной, сколь и естественной. У клуба не было ни руководства, ни устава, ни списка членов, то есть никаких атрибутов организации, которую можно было бы распустить или обви-

нить в нелегальной деятельности. С другой стороны, обслуживающая группа сама не считала себя руководящим органом: она организовывала работу клуба, обслуживала его, при случае получала нахлобучку, но не имела права высказываться от его имени. Все ее участники были равны; в отношениях между поляками эта строго соблюдаемая взаимная лояльность была чрезвычайно важна, и между нами никогда не произошло никаких недоразумений. Только один из участников, отвечавший на вопросы разосланной анкеты, высказывал недовольство, что его слишком редко цитировали. При этом нежелательные личности не могли проникнуть в клуб; один такой потом публично жаловался, что «Опыт и будущее» — это масонская ложа, потому что он «хотел вступить в этот клуб — и не смог». Тогда я сказал ему: «Обслуживающая группа никого никуда не принимает, потому что у нас вообще нет приема в члены: это не организация, у нас нет членов». Если впоследствии кто-нибудь выражал желание присоединиться к обслуживающей группе, он мог это сделать без всякого труда — разумеется, он должен был принадлежать к нашему кругу, который включал сотни людей, но наверняка не включал того недовольного, что «хотел вступить в этот клуб — и не смог».

В первоначальный состав обслуживающей группы, кроме организаторов, то есть нас троих, а также ранее «сагитированных»: великолепного публициста Казимежа Дзевановского, историка Яна Гурского, социолога проф. Яна Маляновского и уже упомянутого выше проф. Клеменса Шанявского, — пожелали войти еще трое: другой публицист с замечательной головой Анджей Красинский, молодой историк Анджей Закшевский и видный писатель Витольд Залевский. На первой же встрече в соседнем кафе мы все решили сразу же перейти «на ты». Быть может, невероятно, но в то же время и характерно, что все эти люди с первого момента подружились так сердечно, что эта сердечность все пережила. Позже к нашей работе подключилось еще 11 человек, и тоже было довольно удивительно, что в столь многочисленном коллективе нам удалось эффективно работать, несмотря на нередкие ожесточенные споры из-за формулировок. Всех нас дисциплинировало чувство долга и, вероятно... отсутствие стремления быть лидером.

Когда я просматриваю список этих последующих членов «обслуживающей группы», то вижу, что обе эти черты были присущи им всем. Назову их, чтоб подчеркнуть разнородность круга, который таким образом сформировался. Итак, это были: журналист Войцех Адамецкий, выдающийся экономист (а по моему мнению — крупнейший из тогдашних экономистов) проф. Януш Бексяк, искусствовед Анджей Осенка, урбанист проф. Ежи Регульский, виднейший историк проф. Генрик Самсонович, двое старейшин, великолепные юристы, уровня довоенных, профессора Анджей Стельмаховский и Ежи Стембрович, мыслитель и писатель, пользовавшийся нравственным авторитетом, Ян Стшелецкий, профессор Академии изящных искусств Лех Томашевский, а также уже связанный с КОРом превосходный журналист Ежи Зеленский. Хватало среди нас и всезнаек, включая пишущего эти слова, но как-то никто не старался получить удовольствие от навязывания своего мнения другим. Я посвящаю столько места этой, на первый взгляд, второстепенной теме, потому что уверен, что именно таковы условия эффективной работы подобных коллективов...

Реакция партийных властей не заставила себя ждать — отдел науки ЦК запретил Обществу СПНУ проводить дальнейшие встречи нашего дискуссионного клуба. Мы с Маляновским отправились на прием к заведующему этим отделом — чтобы вести переговоры, объяснять, что произойдет, если ведущих представителей польской интеллигенции лишат возможности высказываться. Однако приговор оказался окончательным и бесповоротным. Правда, правлению общества не было велено разгонять наш дискуссионный клуб: партийные власти не хотели компрометировать себя столь смехотворным решением, а им не пришло в голову, что можно действовать и работать без собраний.

На этот случай у нас был заготовлен запасной вариант. Почти сразу же мы начали проводить опрос на тему «О состоянии Речи Посполитой и путях, ведущих к ее исправлению». Мы вдесятером пригласили участвовать в нем (если память мне не изменяет) почти двести человек. Ответы надо было присылать в очень короткие сроки. Мы получили 52 ответа, и все они были чрезвычайно исчерпывающими и глубокими. Некоторые фактически представляли собой целые статьи. Ни один из ответов не попал в руки органов — люди, которых можно было подозревать (и которых даже подозревали), что они сообщат куда надо о своих ответах и о том, кому они их передали, явно этого не сделали: все ответы дошли до нас, а у получателей не было никаких неприятностей. Более того, один автор, который был известен своими довольно близкими отношениями с властями и которого мы пригласили скорее «по старому знакомству»,

предоставил нам ответ, особенно остро осуждавший существовавшее положение вещей и самый пессимистический: он полагал, что несмотря на все усилия добиться свободы и независимости (которыми он не пренебрегал) международное положение обрекает нас, поляков, погрязать в пучине прогнивающих общественных отношений еще на протяжении десятилетий.

Оригиналы полученных текстов мы тщательно спрятали, предварительно их отксерокопировав; на копиях были замазаны фамилии авторов и нанесены условные порядковые номера. Составление отчета заняло два-три месяца. Диагноз общего положения в стране — с цитатами из отдельных работ, со ссылками на их номера, — был сокрушительным, но не без оптимистических акцентов, а также с ценными прогнозами. Авторы отчета предвидели не только усиливающуюся социальную напряженность и кризис общества, но также и разрешение грозно надвигающегося конфликта путем переговоров. И все же отчет заканчивался памятными ироническими словами, вышедшими из-под пера Анджея Красинского: «...перемены [имелись в виду радикальные] столь же необходимы, как и невозможны».

Окончательный текст под названием «Отчет о состоянии Речи Посполитой и путях, ведущих к ее исправлению» был готов уже в начале весны 1979-го. Мы подписали его фамилиями членов обслуживающей группы как ответственных за его составление, тогда как фамилии авторов самих высказываний скрыли под номерами. Первые экземпляры мы передали примасу Польши кардиналу Стефану Вышинскому, проф. Тадеушу Котарбинскому как высшему научному авторитету страны, а также президенту Польской Академии наук и председателю совета министров ПНР. Один из этих первых экземпляров через польский Епископат мы отправили в Ватикан, для вручения Папе Иоанну Павлу II, неизменно интересовавшемуся жизнью родной страны. Следующие экземпляры были сразу переданы Хоецкому и корреспондентам зарубежных СМИ.

В Польше наш отчет был почти сразу же распространен издательством Мирослава Хоецкого. Польская служба радиостанции «Свободная Европа» начала передавать в эфир его текст отдельными разделами, западные издательства перевели его на английский язык. Одним словом, отчет сыграл отведенную ему роль. Польская мыслящая элита во всеуслышание выразила свои взгляды, основанные на знаниях и продуманном анализе. Окружение Яцека Куроня неприязненно встретило эту инициативу: иногда можно было слышать даже, что это «удар в спину КОРа». Мы были изумлены подобными откликами: мы были уверены, что наш отчет дополняет собой деятельность КОРа, и полагали, что без КОРа не было бы и нашего дискуссионного клуба. При этом ни у кого из нас не было стремления к власти, тогда как подобные амбиции проявились впоследствии в среде бывших членов КОРа. Более того, все среди нас собирали деньги на помощь КОРу, а Ежи Зеленский, мой самый близкий друг, был связан с КОРом непосредственной работой, редактировал издаваемый им подпольный журнал «Роботник» («Рабочий»).

На следующий опрос, на тему «Как выйти из создавшегося положения», мы получили уже более 150 ответов. Отчет по материалам этого опроса был опубликован в издательстве Хоецкого весной 1980-го. Летом вспыхнули забастовки и возникла «Солидарность». «Польский Август» действительно принес с собой разрешение кризиса путем переговоров. Анджей Велёвейский вошел в число советников «Солидарности», но в качестве представителя Клуба католической интеллигенции, а не клуба «Опыт и будущее». Отчет по материалам следующего опроса, «Общество перед лицом кризиса», не приобрел такой популярности, как два первых: он уже не был таким открытием, но, смею надеяться, оказался полезен польской общественности. Более существенную роль сыграли две другие публикации. Одной из них был отчет о состоянии системы здравоохранения, подготовленный Ежи Зеленским вместе с блестящим знатоком вопроса проф. Магдаленой Соколовской (для нас — Магдой), Катажиной Тымовской и другими специалистами. Второй публикацией был короткий, всего на несколько страниц, прогноз «последствий внешней и внутренней интервенции». Его подготовила специально созданная группа прогнозов и анализов (в состав которой входили Богдан Готовский, Анджей Ситинский, Анджей Щипёрский и я) — после того, как из Вроцлава было получено сообщение о составлявшихся в кругах ГБ и армии списках, которые вполне могли оказаться проскрипционными. В прогнозе было очень подробно описано вероятное развитие событий в случае вступления в страну войск Варшавского договора: предполагалось, что огромная часть солдат и офицеров польской армии вступит в ожесточенную вооруженную борьбу с этим вторжением (у нас было довольно много друзей в среде военных). На случай «внутренней интервенции», в принципе бескровный план которой мы предвидели, в прогнозе был описан тотальный общественный бойкот власти, опирающей-

ся на солдатские штыки, выход из партии двух миллионов рядовых членов, так что в ее рядах остались бы только чиновники самого партийного аппарата и члены их семей, а также полный кризис экономики, до того времени державшейся на ногах благодаря бескорыстным усилиям людей доброй воли. Если не ошибаюсь, прогноз был датирован 6 июня 1981 г.; мы немедленно его опубликовали. В то время меня положили в больницу, и прямо туда ко мне приехал министр внутренних дел генерал Кищак, стараясь убедить меня, что мы ошибаемся в своих прогнозах относительно последствий «внутренней интервенции». Стало очевидно, что военный переворот в стране неизбежен.

13 декабря того же года генерал Ярузельский совершил военный переворот, провозгласив введение военного положения. Как и предвидели авторы «Прогноза», рядовые члены ПОРП массово покидали ее ряды. Разрыв между правящим слоем и обществом превратился в пропасть. Даже актеры отказались участвовать в программах государственного радио и телевидения, а публика в театрах рукоплескала им за это сразу же после их появления на сцене.

Подготовка четвертого и последнего отчета нашего клуба, «Польша в условиях военного положения», столкнулась с самыми большими трудностями: госбезопасность совершала налеты на квартиры, где встречались члены обслуживающей группы, проводила обыски и так называемые задержания. Однако наша группа, хоть и уменьшившаяся в результате кончины Леха Томашевского и трагического самоубийства Ежи Зеленского, не утратила ни одного экземпляра ответов на опросы и ни одного экземпляра черновиков отчета. Как всегда, отчет был опубликован в непобежденном издательстве НОВА в середине 1982 года.

К сожалению, в течение ряда лет добавить к нему было нечего... Через пять лет после «польского Августа», то есть в 1985 г., Анджей Велёвейский организовал публикацию в условиях подполья следующего отчета — «Польша — через пять лет после Августа». В его подготовке приняли участие прежние члены обслуживающей группы клуба «Опыт и будущее» и авторы ответов на опросы, послужившие материалом для его отчетов.

После 1989 г., когда была завоевана полная свобода слова, клуб «Опыт и будущее» уже практически не был нужен: любой мыслящий человек мог выражать свое мнение любым способом. Кроме того наш клуб фактически не мог возродиться по чисто физическим причинам: из десяти человек первоначального состава обслуживающей группы осталось в живых только трое, а из тех, что присоединились позже, — меньше половины. Даже из 150 отвечавших на вопросы анкеты в живых к тому времени осталась всего треть. Те, что умирали, как говорили мы над их могилами, «умирали за Польшу». Встречи на одних за другими похоронах не способствовали творческой консолидации. И, что самое главное, вплоть до 1989 г. точкой отсчета оставалась «Солидарность», а не работы клуба «Опыт и будущее».

Насколько клуб «Опыт и будущее» или что-то в этом роде мог бы быть полезен сегодня? Сейчас инициатива должна исходить от следующих поколений, если они сочтут, что польская интеллектуальная элита в условиях политического хаоса зарождающейся демократии должна совместно выражать какие-то общие, совместно продуманные мнения или диагнозы, а не ограничиваться краткими выступлениями в качестве телевизионных звезд интеллекта. Ситуация формирующейся демократии вовсе не проста: умение организовать движение протеста или работать в подполье не гарантирует умения управлять, а «наследники» былого режима, которые выигрывают демократические выборы, выдавая себя за «специалистов», приводят к кризису власти еще быстрее. После успеха первых реформ — реформы Бальцеровича и реформы органов местного самоуправления — никто не интересуется не только прежним, уже забытым, но и современным опытом и организациями демократии и рыночной экономики на уровне их повседневного функционирования. Когда, например, Яцек Куронь и другой бывший член КОРа, Генрик Вуец, попытались возродить общества взаимного страхования, их не поддержал никто из их собственных сторонников и ближайших друзей...

Впрочем, все это уже касается совершенно иной тематики и может стать не более чем исходным пунктом для создания совсем иной, значительно более широкой программы, чем отчеты клуба «Опыт и будущее».

Опыт нашего дискуссионного клуба может пригодиться там, где интеллектуальная элита не получила удовлетворения от совместных размышлений над судьбами своей страны и от возможности высказаться независимо, не заботясь о сиюминутных политических выгодах. Только бы эту элиту не парализовало ощущение, что от нее ничего не зависит и потому она освобождена от ответственности за окружающий ее мир и за эпоху, в которой ей довелось жить.

Мартин Войцеховский

МЫШЕЛОВКА

«Как быстрее всего улучшить положение в Калининградской области? Объявить войну Евросоюзу и сразу же капитулировать», — шутят здешние жители с тех пор, как Европейский союз стал их ближайшим соседом

В пятницу вечером поезд Калининград—Гдыня въехал в Польшу, а в субботу вернулся уже из Евросоюза. «Ничего не изменилось, — говорит Татьяна, проводница поезда. — На границе нас точно так же проверяли, потому что вот уже несколько месяцев, как мы обязаны иметь визы, но я все равно волновалась». Ее поезд — это визитная карточка Калининграда. Три новеньких вагона с сиденьями, как в самолете, с телевидением и баром, предоставленные российскими железнодорожниками, быстро и без очереди пересекают границу. Этот поезд должен сделать Калининград привлекательнее для туристов из Польши и Германии, для бизнесменов же это символ того, что Калининград тянется к Европе.

— У нас есть шанс стать первыми россиянами, которые сумели достичь более тесной интеграции с европейскими структурами, — с надеждой говорят Владимир Ежиков, депутат областной думы, и Александр Кузнецов, глава городского округа Балтийска. — Это может оказаться для нас стимулом к улучшению условий жизни во всех отношениях. Мы не можем требовать от Москвы льгот и привилегий в связи с проблемами, которые якобы создает нам Евросоюз.

Однако расширение Евросоюза вызывает и серьезные опасения.

— Если в один прекрасный день ликвидируют границу или если уровень цен в России сравняется с польским, то все мы останемся без работы. Сейчас я два раза в неделю отвожу в Польшу на продажу водку, сигареты и бензин и зарабатываю вполне прилично, — говорит Николай из приграничного Багратионовска, которому удается ежемесячно заработать на контрабанде и мелкой торговле около 400 долларов, то есть в два с лишним раза больше средней зарплаты в области. Другой работы здесь нет.

— В результате расширения Евросоюза у многих наших фирм возрастут затраты, так как повысится стоимость транзита товаров через Литву, — предостерегает Сергей Козлов, вице-спикер местной думы. В первую очередь это повышение коснется таких товаров, как горючее, химикаты, уголь. Правда, подписанный на прошлой неделе договор между Москвой и Брюсселем предусматривает, что стоимость транзита должна быть «минимальной» и «покрывать исключительно административные расходы», но калининградские политики все равно опасаются роста цен.

— Если цены вырастут, кто повысит пенсию нашим пенсионерам, которые в среднем получают около 60 долларов в месяц? — риторически вопрошает вице-губернатор Олег Шлык.

— Москва должна подписать с ЕС отдельное соглашение по Калининграду. Тогда мы могли бы получить доступ к брюссельским фондам и рассчитывать на ряд других льгот — таких, например, как право ездить в Европу без виз, — считает депутат думы Соломон Гинзбург. Но Москва пока что не намерена заключать подобное соглашение, рассматривая его как частичный отказ от власти над Калининградом.

— Программа развития анклава в долгосрочной перспективе остается неразработанной, — говорит Валерий Бирюков, корреспондент агентства «Росбалт».

Областные руководители придерживаются концепции сохранения в Калининградской области «особой экономической зоны», но после расширения Евросоюза это в значительной степени потеряет смысл. До сих пор любой товар, привезенный из-за границы и прошедший переработку в области, можно было беспошлинно ввозить дальше в Россию. Многие предприниматели из Польши продавали мебель в Россию через Калининград, потому что так было дешевле. Однако после расширения ЕС пошлины на торговлю с Россией снизятся в среднем на 5%, так что не исключено, что прямой экспорт в Россию окажется боле выгодным.

— Через несколько месяцев станет ясно, в чем мы выиграли из-за расширения ЕС, а в чем проиграли, — говорит вице-губернатор Олег Шлык. Пока что в области царит неуверенность. Популярная газета «Каскад» поместила такой коллаж: карта Калининградской области, а на ее фоне — огромная мышеловка. Подпись гласит: «1 мая... мышеловка захлопнется?»

gazeta WYBORCZA

Януш Тазбир

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ПРОГУЛКА ПО СТОЛЕТИЯМ

На обложке этой книги мы найдем основные сведения о ее авторе: первый российский гражданин, получивший у нас диплом магистра польской филологии и степень доктора наук, автор более чем полутысячи публикаций, профессор РГГУ — университета, который был создан в Москве после путча 1991 г. «по инициативе независимо мыслящих ученых». К этой по необходимости краткой биографической заметке следовало бы прибавить, что хотя собранные в один том работы писались в разное время и в разных жанрах — от научно-популярных статей до трудов, снабженных обширными примечаниями, — все их объединяет полная понимания симпатия к истории нашей литературы и культуры. Этому сопутствует далеко идущий объективизм в показе взаимоотношений между двумя мирами, в конце концов, одного и того же христианства. По мнению Александра Липатова, на территории Речи Посполитой до эпохи разделов происходил исключительный синтез основополагающих ценностей Восточной и Западной Европы. И совершался он благодаря тесным связям того, что автор называет «Pax orthodoxa» и «Pax latina». Эти ценности создавали многокрасочный и в высшей степени интересный «Pax christiana». Сопутствуя Липатову в его свободном странствии по столетиям, мы восхищаемся не только его научной эрудицией, но еще и научной отвагой, к сожалению, все более редкой в наших гуманитарных науках. Ибо, если бы автор поступал в согласии с ныне господствующей модой, то ограничился бы одной эпохой, а соображения свои излагал бы герметическим языком, в котором такие понятия, как фантазм или парадигма, повторялись бы чуть ли не на каждой странице. К счастью, этого не произошло, и благодаря этому рассуждения Липатова об «отталкивании и притяжении двух культур» прочтет не только узкий круг специалистов.

Пора, однако, приступить к систематическому рассмотрению рецензируемого сборника. Не думаю, что Александр Липатов почувствует себя уязвленным, если, представляя содержания его труда, я стану перемежать изъявления одобрения и признания словами критики или прямого несогласия. Во-первых, прошли времена, когда одна сторона должны была быть всегда и во всем права («Ex Oriente lux!»); во-вторых, чего же стоит в гуманитарных науках труд, который не вызывает споров. Вот, например, почти в самом начале книги, наряду с похвалой польско-литовской унии и полемикой с ее критиками, считающими даже акт Кревской унии 1385 г. фальшивкой, мы находим верное противопоставление «гражданского общества» Речи Посполитой тотальному русскому абсолютизму. Однако этому сопутствует рассмотрение купеческих республик, Пскова и Новгорода, как демократических республик, о трагическом конце которых Липатов горько сожалеет. Их ликвидацию Иваном Грозным, которую — тогда еще советские — ученые так яро защищали на Международном съезде историков в Москве (1970), Липатов называет уничтожением демократических традиций Древней Руси, относящихся к эпохе до татаро-монгольского нашествия. Тут, однако, перед нами явный анахронизм, ибо Киевская Русь была нормальным европейским государством раннего Средневековья с ограниченным доступом к власти. Власть была в руках князя и назначаемых им воевод, находившихся на содержании всего остального общества, у которого не было права голоса по вопросам отправления власти. Таким образом, тут не было места для возникновения каких-то «демократических традиций».

«Собирание земель русских» путем завоевания было нормой — такая же норма действовала и в государстве Пястов. Уния Польши с Великим Княжеством Литовским прекрасно вписывается в рамки брачных контрактов, нередко заключавшихся в Европе того времени (достаточно вспомнить хотя бы территориальные успехи Габсбургов, достигнутые тем же путем). И сакрализация власти изобретена не Иваном Грозным. Тезис о том, что монарх — источник закона, но сам ему не подчинен, лег в основу абсолютизма, укрепившегося во многих государствах Европы. Зато заслуживают внимания рассуждения автора о том, почему именно русские приняли тезис о царе как Боге. Даже поверхностное озападнивание России, совершавшееся по приказу Петра Великого, было не в состоянии ликвидировать византийско-церковный характер этой власти, остававшийся в принципиальном противостоянии политической культуре западных соседей. Зато раздел «Россия и Польша — «домаш-

ний спор» славян или конфликт ментальностей?», где автор напоминает о поэтическом поединке Пушкина и Мицкевича и об отношении Достоевского к полякам, содержит довольно мало новых положений. После него идут хорошо знакомые нам по предыдущим публикациям Липатова рассуждения о влиянии польской культуры на русскую, иллюстрированные примерами самого разного времени — от Мацея Стрыйковского до Ярослава Ивашкевича. Здесь автор вновь резко подчеркивает различия между гражданским обществом Речи Посполитой и государственным обществом, существовавшим под скипетром русских царей. Прибавлю, что это отлично выражено у Дмитрия Мережковского, который уже в эмиграции написал, что у России, собственно говоря, никогда не было «мужа»: ее всегда насиловали: монголы, потом цари, наконец большевики. На роль «мужа» годилась бы Польша, если бы их связать унией, но Польша в свою очередь была для этого слишком слаба.

Раздел второй, «Европейское сообщество и национальная специфика», — это статьи о литературе, рассматриваемой в самом общем виде, усеянные весьма произвольно подобранными переводами (например, мы узнаём, что думал автор «Евгения Онегина» о роли плутовской литературы в разных культурных кругах). Обширная статья, посвященная Кириллу и Мефодию, входит в противоречие с выводами большинства польских исследователей, которые опровергли тезисы Кристины Ланцкоронской, старавшейся доказать в середине прошлого века, что кирилло-мефодиевский обряд на польских землях не только был введен раньше латинского, но и сохранялся одновременно с ним еще несколько веков. Сторонники этого головоломного тезиса доходили даже до утверждений, недалеких от научного комизма. Один из них (В.Клингер) утверждал, что важнейшее доказательство существования такого обряда — это... отсутствие доказательств: говорящих о нем письменных документов или надписей на церковных плитах. Ибо, видите ли, все они были старательно сожжены или ссечены примерно в XIV-XV вв. «правщиками прошлого». Трудно удержаться от впечатления, что вера Липатова в тезисы Ланцкоронской в какой-то степени вытекает из вненаучных причин. Существование такого обряда было бы еще одним подтверждением столь милого его сердцу тезиса о первоначальном единстве славян и о близости двух течений европейской культуры, в том числе первоначальной близости славян и германцев. О единстве, лишь позже расколотом политическими конфликтами и восстанавливающемся ныне благодаря распаду Советского Союза.

После вышеописанных рассуждений начинается — довольно неожиданно для читателя — раздел, носящий чересчур амбициозный и не до конца ясный заголовок: «Историография и поэтика: универсум — этнос — индивидуум — стиль». Здесь мы находим, в частности, описание памятников средневековой польской словесности (и сопутствующего ей национального сознания), а из следующего раздела мы узнаём о переводах на русский язык рыцарских романов. Более конкретно и ясно рисуется описание сарматских корней западного влияния на русскую культуру. Но при его чтении мешает слишком фрагментарное рассмотрение литературы предмета. Трудно, конечно, упрекать автора в том, что он не учел недавно изданную книгу Марии В. Лескинен «Мифы и образы сарматизма» (М., 2002). Удивляет зато, что он не обратился к труду Л.И.Тананаевой «Сарматский портрет» (М., 1979), где произведения искусства анализируются на широком историческом фоне. По справедливости замечена и цитируется уже классическая книга польского ученого Т.Улевича «Сарматство», изданная в 1950 году. Многие из содержащихся в ней положений сам Т.Улевич позже переформулировал, что отразилось в его обширном труде «Вопрос сарматства в польской культуре и литературе» (1979). Улевич представил здесь сарматство на широком компаративном фоне; по его следам пошел Станислав Цинарский в работе «Сарматство — идеология и стиль жизни» (в несколько раз переиздававшемся сборнике «Польша XVII века» под редакцией автора этой рецензии). Но и этой работы мы не находим у Липатова. Зато он становится в длинную очередь уже занимавшихся этим ученых, чтобы подробно описать взаимоотношения Пушкина и Мицкевича («Русский поэт и польский поэт: близость и противостояние»).

Самым интересным разделом сборника я счел бы IV — «Польская и русская литературная культура». Хотя внимание автора сосредоточено на последних трех столетиях, в первой статье он уходит в Средние века, анализируя, в частности, поэзию трубадуров и рыцарский эпос. Липатов стремится убедить нас в существовании специфически восточнославянского идеала рыцаря, сформировавшегося еще в дохристианский период. Доказательством тому должно служить Поучение Владимира Мономаха (‡1225). Объективизм исследователя заставляет автора признать, что подобный образец мы находим также у [польского летописца] Галла Анонима; не оказывается ли эта схема, таким образом, общеевропейской?

Далее Липатов возвращается к XVIII веку, констатируя мотивы сентиментального романа, заимствованного в обеих литературах с Запада (Ж.-Ж.Руссо), — как у Карамзина, так и у Ф.С.Езерского, М.Д.Краевского, А.Мостовской. Особое значение он придает историко-приключенческому роману (Вальтер Скотт), а также роли Сенкевича в развитии этого литературного жанра. Аналогом произведений Пушкина, таких, как «Капитанская дочка» и «Евгений Онегин», представляется Липатову творчество Генрика Ржевуского*, которое он ценит очень высоко, сравнивая его даже с Мицкевичем. Мне лично это очень нравится, так как, на мой взгляд, талант автора «Воспоминаний Соплицы» и «Ноября» был не меньше, чем у Сенкевича, только потом был по-барски растрачен. Во второй половине минувшего столетия Ржевуский дождался второй волны популярности. Правда, переиздание «Ноября» через 60 лет после предыдущего издания (Краков, 2000) прошло без особого отголоска, зато «Воспоминания Соплицы» переиздавались многократно. А в прошлом году были изданы его остававшиеся в рукописи историософские размышления, весьма любопытные, — «Заметки о давней Польше, старым шляхтичем Северином Соплицей... в 1832 году написанные». Может быть, и они дождутся столь же ценных размышлений Липатова, как дождалось остальное творчество Генрика Ржевуского.

Приближаясь к нашему времени, Липатов пишет о творчестве Крашевского и его восприятии в России, а также о Реймонте, которого он сопоставляет с Кнутом Гамсуном. К заметкам о российской популярности Пшибышевского стоит добавить, что на спектакли по его пьесам, если верить Исааку Дойчеру, охотно ходил сам Сталин. Можно, однако, усомниться, включил бы он Пшибышевского в канон соцреализма, который Липатов характеризует весьма язвительно. Липатов высоко ценит Марию Домбровскую и сравнивает ее со Львом Толстым, ссылаясь при этом на своего деда, который видел в Агнешке и Мартине («Ночи и дни») отражение судеб своего поколения.

На фоне предыдущих разделов несколько слабее выглядит V — «Иллюзии и реальность порабощения». Может быть, потому, что затронутые в нем проблемы: отвержение авангарда революцией, которую он хотел выражать; создание «государственной» литературы соцреализма и творчества на заказ; карьера серостей и уничтожение талантов — уже обросли обширной литературой. Зато интересно выглядит сравнение польской и советской литературы о войне. В польской войну показывали как цепь несчастий, закончившихся иностранным господством, в СССР же в изображении «отечественной войны» царил прежде всего боевой героизм, а ее темные стороны открывались лишь постепенно и поначалу только в самиздате.

Раздел VI и последний Липатов начинает с анализа отношений государства и Церкви. По его мнению, между двумя этими институтами поначалу царил прекрасный симбиоз, который был прерван только монгольским нашествием в XIII веке. Порабощение Церкви наступает с эпохи «собирания земель русских» Москвой, а позже его укрепляет Петр. В результате после свержения царского строя большевики сначала разрушили Церковь, а после 1927 г. подчинили себе ее остатки.

Очень пессимистическими вышли материалы, посвященные русской интеллигенции, которая, по мнению Липатова, как мыслящий и самостоятельный слой оказалась лишней как при белом, так и при красном «царизме». После 1917 г. часть ее ушла в эмиграцию, часть искала бегства в самоубийствах, многие пошли на компромисс с режимом, создавая идейно выдержанный тип «инженера человеческих душ» (то, что о. Юзеф Тишнер когда-то назвал одним из вариантов homo sovieticus'a). По мнению Липатова, «существующая по сей день на Западе левая или левоватая интеллигенция — это развившийся вне советских условий феномен самоуничтожения сути интеллигентского слоя — независимого, самостоятельного мышления». В этом месте хотелось бы добавить: «Ты этого хотел, Жорж Данден». Ибо можно назвать весьма заметную связку писательских имен, во главе с Чеховым и Горьким, произведения которых (особенно пьесы) служили психологическому разоружению этой самой интеллигенции. Их бестолково шатающиеся из угла в угол герои либо повторяют истертые банальности о бессмысленности жизни, либо предписывают верить в «светлое будущее», которое обязательно наступит и

* Ржевуский (традиционная устоявшаяся транскрипция, правильно было бы Жевуский) Генрик (1791-1866), граф, писатель, сотрудник проросийского «Дзенника петербурского» («Петербургской газеты»), чиновник по особым поручениям при наместнике Царства Польского Паскевиче. В русском литературоведении известен прежде всего как брат Каролины Собанской и Эвелины Ганской. Советская Литературная энциклопедия (т.9, 1935) упоминает его как «цинического апологета аристократии, ярого реакционера, продажного царского агента (...) автора многих исторических романов». Впрочем, и современный исследователь Мицкевича пишет: «Наконец, ее [Собанской] брат Хенрик Ржевуский (писатель, имевший в польском обществе репутацию коллаборациониста и агента царского правительства)». — *Пер.*

которому нельзя противиться. Недаром сам Ленин удивлялся, что жестокая диктатура большевиков столкнулась с таким слабым сопротивлением имущих классов, в которые нужно включить и интеллигенцию, так любившую вышеупомянутые драмы. Достаточно напомнить, что крупных и мелких владельцев было в России A.D. 1917 больше, чем пролетариата, именем которого Ленин с Троцким захватили власть. Это, кстати, приводит аналогию с распадом СССР и освобождением подчиненных ему стран. В XVI веке даже в коллегии кардиналов были люди, верившие в Бога, — между тем, в коммунистической «Церкви» мало кто, начиная с рядового гражданина и кончая членами политбюро, верил в осмысленность защиты строя, который принес террор и очереди. Так и русская интеллигенция только после прихода большевиков к власти убедилась, что временное правительство все-таки следовало защищать, притом всеми способами.

Книга видного историка литературы, как можно заметить, склоняет и к размышлениям, прямо вторгающимся в область историософии. Однако на исторической почве Липатов чувствует себя не вполне уверенно: неслучайно в книге нет никакого подведения итогов более комплексного характера. Его не могут заменить заключительные рассуждения о месте России в мире и перспективах дальнейшего развития этнического и культурного (не политического!) славянского единства.

Неприятно говорить, но издательство Адама Маршалека не обеспечило книге Липатова надлежащего издательского оформления. В результате она производит впечатление поспешно склеенной подборки, главным редактором которой был переплетчик. Такого рода сборник работ требует именного указателя, на который издательство не расщедрилось (времени не хватило? денег? трудно было найти составителя?). Пригодилась бы библиография литературы предмета, хотя бы основных названий. Всем добрым издательским традициям противоречит тот факт, что не указаны первые публикации включенных в книгу статей.

Во многих местах подводит перевод. Только в семи случаях указана фамилия переводчика — надо ли считать, что остальные переводы вышли из-под пера автора? Так, мы читаем, что без немецкой культуры трудно себе представить «некоторые источники и методы (?) эпохи Просвещения в Польше и России». Роман Достоевского «Бесы» «конституируется отдельно (?), как всякий шедевр» и т.д. Одни заглавия в примечаниях даны в оригинале, другие в транслитерации, третьи в переводе на польский, не всегда, кстати, точном. Заглавие известной повести Тадеуша Брезы «Стены Иерихона» («Mury Jerycho») «переведено» обратно на польский как «Ściany Jerychona». Петр Чаадаев выступает как Чардаев. Трудно усмотреть хоть какую-то последовательность в транскрипции имен и географических названий: то транслитерация русского названия, то появляется польская форма.

Другие неточности: «Две отчизны» Яна Юзефа Липского появились в 1981 г., так что никак не могли быть написаны в 1990-м; ежегодник краковского капитула автор (переводчик?) неверно называет летописью, притом в кавычках; мемориал Яна Остророга, написанный во второй половине XV века, известен только в редакции следующего столетия, возникшей под ощутимым влиянием Реформации; сведения о якобы происшедшем сожжении 14 ведьм в Дорухове ныне считаются легендой, возникшей в XIX веке. На стр. 360 автор отсылает к своей статье, помещенной в журнале «Тексты друге», забыв, что перепечатал ее в этой же книге на стр. 287-294 (по этому случаю исчезла фамилия переводчика Мазуркевича).

Примером того, насколько мало внимания уделялось актуализации перепечаток, пусть послужит упоминание книги Марии Оссовской «Рыцарская этика» (Варшава, 1973): «из последних (!) работ, опубликованных на эту тему, следует назвать...» И заметка Генрика Самсоновича, напечатанная в «Политике» в 1988 г., названа... «недавней».

В заключение хочу сказать: очень хорошо, что издан сборник работ Александра Липатова, но очень плохо, что издательство так дурно о нем позаботилось. Книга совершенно противоположна сборнику статей того же автора «Славянство — Польша — Россия. Работы по литературе и культуре» (Изабелин, «Свят литерацкий», 1999), образцово подготовленному к изданию. Он вышел как 6-й том серии «Наука о польской литературе за границей», которую редактирует А.Новицкая-Ежова. Оттуда, кстати, в рецензируемую книгу попали три статьи: «Славянская общность: историческая истина и идеологический миф», «Мицкевич и Пушкин: личная дружба или взаимное признание поэтического дара?» и «Эпическая форма «Ночей и дней», о чем читателя не информировали.

Александр Владимирович Липатов. *Россия и Польша: отталкивание и притяжение. Культура, литература, политика.* Торунь, изд. Адам Маршалек, 2003. 419 с. — На польск. яз.

Перевод
Натальи Горбаневской

Михал Гловинский

МАЙОР БЕЖАНЦЕВ

Сохранил я в памяти несколько лиц дальнего плана, таких, что не сыграли никакой роли в моей жизни, появились у меня в поле зрения на мгновение, чтобы бесповоротно исчезнуть, мелькнули тихо и молча, чтобы навсегда миновать, ибо — как часто! — у меня не было и возможности обменяться с ними хоть двумя словами. Можно было бы сказать, что речь идет о призраках прошлого, таинственных и мимолетных, не позволяющих точнее определить себя и материализовать, движущихся, как статисты, которым поручили самые скромные задачи у задника сцены, вызываемой из прошлого, — так, как если бы единственным их предназначением было затеряться в анонимности, в той бесформенной массе, напоминающей магму, какая осталась в сознании от прошедших лет. Однако так происходит не всегда. Иногда эти лица, которые, можно считать, осуждены утонуть в безымянности, составляя лишь фигуры фона, такие отдаленные, что нужен был бы сильный бинокль, чтобы отделить их от этого фона, не теряют выразительности. Я запомнил, как выглядели некоторые из них, а главное — запомнил их лица, хотя никогда не мог похвастаться зрительной памятью и уж наверняка не отличаюсь этим сейчас, когда достиг преклонного возраста; запомнил, хотя они не соединялись ни с каким конкретным опытом, важным для меня, а если и возбуждали какой-то интерес, то заведомо не слишком глубокий, скорее просто мимолетный.

Этот человек принадлежит к тем, кто закрепился в моей памяти. Я уже не так хорошо владею ее механизмами, чтобы попытаться объяснить, по каким причинам это произошло, — могу лишь сказать, что и у памяти есть свои стражники: они не играют особой роли, но появляются на сцене прошлого. Предполагаю, что в этом случае решающим был факт, что данный человек был таинственным и в то же время характерным, в частности потому, что ходил в мундире советского офицера. Как я уже упоминал, в наших местах сразу после войны стояла крупная часть Красной армии, хотя сказать, что мы получили статус гарнизонного города, было бы несомненным преувеличением; на улицах можно было видеть военнослужащих — от рядовых до старших офицеров. Они жили на казарменном положении, заняв немалую часть железнодорожных мастерских, ставших в то время перевалочным пунктом истории, ибо здесь же немцы после Варшавского восстания устроили транзитный лагерь. И вот на той же территории, огороженной старыми стенами, построили несколько жилых домов, предназначенных, как говорили в Городке, для москальских офицеров; позже, когда Красная армия из Городка ушла, а мастерские вернулись в свое прежнее состояние и стали зоной гражданской, в эти дома вселились железнодорожники.

Но человек, которого я ныне извлекаю из самых глубоких слоев памяти, жил не в этих домах. Он, может быть единственный — и наверняка один из немногих советских военнослужащих, — поселился в отдельной квартире в небольшом доходном доме, где на короткое время собралась моя семья, точнее говоря, те ее остатки, которым судьба улыбнулась и которые вышли из Катастрофы живыми. Его видели часто, но видели, да и только: он был фигурой таинственной, и никто не смог бы твердо объяснить, почему его поселили отдельно. Знали его фамилию и звание — майор Бежанцев, — но столь же трудно было твердо сказать, настоящая ли это фамилия: она могла быть псевдонимом, связанным с непроницаемыми, никому из окружающих неизвестными миссиями, которые ему были поручены. Вокруг майора клубились сплошные секреты, а вел он себя так, как будто ему важно было еще их умножить и в результате усилить любопытство — и домыслы. Так, должно быть, происходило в небольшом доме, где все жильцы знали друг друга и если не всё, то многое друг о друге знали. Майор Бежанцев совершенно явно не желал вступать ни в какие контакты с соседями, держался на расстоянии, а тот или другой из них готов был полагать, что ему запрещено произносить даже самые расхожие слова приветствия. Он проходил мимо соседей так, словно хотел уведомить их, что он их не замечает или же что они

для него существа, вылепленные из воздуха, то есть по сути дела не существуют. Этот жизненный стиль не мог оставаться незамеченным — он стал предметом комментариев: обсуждали, кроется ли за этим обычное хамство, столь характерное для большевика, дикаря с Востока, или же там таится какой-то глубокий смысл. Его лицо было застегнуто на все пуговицы, зашнуровано так, чтобы ничто нежелательное и заранее не предусмотренное не могло на нем отразиться. Я запомнил это лицо, хотя в принципе оно было еле видимо, можно сказать, спрятано под круглой фуражкой с высоким козырьком, какую носили в Красной армии. Оно казалось мне чрезвычайно статичным, лишенным, словно у мумии, всякого движения, застывшим и прямо жутко мрачным. Не видно было на этом лице и улыбки — кроме одного случая, о котором я расскажу дальше.

Но, прежде чем рассказать, должен упомянуть, что в доме на Школьной улице появились и другие русские. Во дворе, в небольшой постройке, помещалась пекарня, которую под каким-то предлогом отняли у владельца — и отдали им. Это было царство пекаря Гриши и его двух или трех подручных. Пекаря Гришу постоянно видели во дворе, когда он выходил из своего домишки-пекарни и — в разное время суток — занимался отправкой огромных буханок, которые должны были прокормить стоявшую в Городке часть победоносной армии, самой прогрессивной в мире, надежного оружия защиты мира и социализма. Думаю, что пекаря Гришу не слишком интересовали возвышенные лозунги, коими кормили армию, в которой он несколько лет служил, — наверное, кормили в большем изобилии, нежели тем, чем действительно можно было бы подкрепиться, включая и доставляемую Гришей солдатскую выпечку. Он, видно, любил свою профессию — и людей не сторонился. В контакты с жильцами дома вступал охотно; в свободные минуты, когда работа его не подгоняла, любил с ними поболтать на разные темы, а также рассказывать о своем колхозе, расположенном где-то далеко, чуть ли не на Урале. Он представлял идиллическую картину колхозной жизни — по-другому рассказать он наверняка не отважился бы, но руководил им и вполне частный интерес. Он положил глаз на мою тетку Марию. Предлагал ей жениться: правда, он женат, но это ничего — как только вернется к себе в деревню, сразу разведется. И рассказывал о небывалых чудесах жизни на цветущей, молоком и мёдом текущей советской земле: ничего лучше на свете нету, а уж особенно хороша жизнь колхозного пекаря. Голодать никогда не придется! Сделав такое замечательное предложение, он дал ей время — короткое — подумать и, когда срок истек, сунул голову в окно, выходившее во двор, и драматическим шепотом спросил: *«Ну как?»** Трудно даже сказать, что он получил отказ: Мария вообще о его предложении и думать забыла — к его великому удивлению, место колхозной пекарки ее не слишком привлекало.

Пекарь Гриша не поддерживал никаких контактов с жившим на втором этаже офицером — оба кружили по непересекавшимся орбитам. Майор Бежанцев относился к нему, как ко всем остальным, то есть не желал замечать. Он производил впечатление нелюдима, по крайней мере до определенного момента у него не появлялся никто — кроме солдата, который его обслуживал: приходил заниматься практическими делами, наводить порядок... Нормально было бы назвать его ординарцем, однако не знаю, существовала ли официально такая должность в армии первого государства рабочих и крестьян; не знаю также, как называли молодого солдата, которому поручались задачи ординарца. Этой нелюдимости, впрочем, скоро предстояло оказаться иллюзией: в изолированном и, казалось, плотно замкнутом мире майора Бежанцева внезапно появилось новое лицо — красивая молодая девушка. Многие из нашего дома ее знали: она жила где-то поблизости, и ее часто можно было увидеть и на главной в нашем районе улице Третьего Мая, но и на Школьной тоже. Говоря о ней, ее называли Яся.

Трудно дознаться, каким образом она вступила в этот от всего отделенный и, как считали, непроницаемый мир. Как сумел Бежанцев, который не привык ни с кем чужим обмениваться ни словом, познакомиться с ней и хоть ненадолго, а вступить в связь. Люди догадывались, что все произошло благодаря этому вроде бы ординарцу, парню, как все показывало, оборотистому и способному исполнять любую службу, порученную начальником. Как бы то ни было, а когда майор Бежанцев был в обществе Яси или хотя бы издали ее видел, он резко менялся. Это не преминули заметить соседи, которые встречали их лишь мимолетно, обычно когда он вместе с Ясей шел к себе домой. Не было

* Выделенное курсивом — по-русски в тексте. — *Пер.*

сомнения: он становился другим человеком, хотя по-прежнему не стремился ни к каким, пусть совершенно незначительным разговорам с соседями. Его лицо теряло свою, казалось, врожденную мрачность. Все убедились, что он не только способен улыбаться, но что когда появляется эта девушка, то он прямо сияет. Наблюдениям над метаморфозой, которую он проходил, не мешала даже советская фуражка с высоким козырьком, неотделимая от него, когда он выходил из дому. Выражение лица, которое до сих пор было у него как у бога войны, в таких случаях решительно смягчалось.

Ясе было лет восемнадцать, во всяком случае не больше двадцати. Это была красивая и шустрая блондинка, а если бы мне надо было поточнее определить тип ее красоты, то я сказал бы, что она выглядела как горничная из хорошего, может, даже изысканного, дома. В ней не было ни изящества, ни тонкости, но майор Бежанцев заведомо ожидал от нее не этих достоинств. Она была очень женственной и излучала очарование молодости. Чего еще хотеть! У нее были все данные, чтобы нравиться не только господам в возрасте, и нет сомнения, что на недостаток успеха она пожаловаться не могла. Соседи думали-думали, что же склонило ее связаться с мужчиной старше ее на четверть века, если не на три десятилетия. Была она, что подчеркивали, из набожной и крепкой семьи, в которой все было образцово. Правда, о семье и семейных традициях знали немного, потому что в Городке они поселились только во время оккупации, но говорили о них хорошо. И барышням из такой семьи заведомо не следовало пускаться в приключения с офицерами иностранной армии.

Ясе противопоставляли ее ближайшую подругу Халинку, которая вела себя примерно, обручилась и работала в одной из продуктовых лавочек, каких в то время много появилось на улице Третьего Мая, продавщицей и прислугой за всё. Несколько позже, как я помню, всеобщая благосклонность, проявляемая в нашем районе к панне Халинке, резко ослабела: оказалось, что ее жених, а вскоре уже и муж, пошел служить и стал гебешником. Был он, наверное, суров и усерден; не знаю, из фанатизма или карьеризма, — но это неважно; он быстро продвинулся по службе и стал одной из главных личностей в Городке. А панна Халинка, тогда уже, конечно, не панна, вроде бы заняла в сталинские годы место одной из первых дам города. Но в то время никто уже не сравнивал ее с Ясей, которая исчезла из поля зрения, так что мало кто о ней помнил.

Однако в то время, о котором я рассказываю, Яся была у всех на устах, и говорили о ней немало, по крайней мере в том квартале, где находилась Школьная улица. Раздражало не только то, что она связалась с человеком намного ее старше, — главное, что он был офицером армии, которую, правда, изображали нашей освободительницей, но пропаганде мало кто верил. Задумывались, почему молодая красивая девушка впуталась в такого рода аферу: любовь тут или же какая-то корысть, хотя и трудно додуматься, какая. Разные люди готовы были даже обвинить ее в серьезных провинностях: не пускается же молодая полька в романы с москалями, если она патриотка и любит свою родину. Не поступали же так польские девушки во времена разделов, если не хотели покрыть себя позором и навлечь всеобщее осуждение, не должны так поступать и теперь, хотя формально Польша — свободная страна. И тем не менее на Ясю не смотрели как на черную овцу: роман с советским офицером оценивали не так сурово, как связи с немцами во время оккупации. Уж точно никто не думал так или иначе наказывать Ясю, и она могла чувствовать себя в безопасности: в конце концов это было другое дело. Ограничивались сплетнями и недружелюбными комментариями, а она свой роман не афишировала. Ее редко видели на улицах Городка с майором Бежанцевым — он ходил по ним один, с видом службиста, наверняка сознавая свой вес и серьезность. Да и идти ему было недалеко: дорога от квартиры, которую он занимал, до ворот железнодорожных мастерских, которые по крайней мере частично были превращены в казармы, не занимала и километра.

Вся эта история, которая возбуждала любопытство жителей дома на Школьной, продолжалась недолго, самое большее несколько недель. Она завершилась естественным образом: больше не было условий продолжать ее, хотя ее герои, как можно предполагать, еще друг другу не наскучили. В один прекрасный вечер в Городок приехала жена майора Бежанцева и, конечно, поселилась в его небольшой квартире. С Ясей у нее было только одно сходство — она была блондинкой. А все остальное — сплошные контрасты. Изможденная, даже без следов былой красоты, она была ровесницей своего супруга, если не старше. И такого же, как он, роста — выглядела огромной. В ней было что-то пугаю-

щее и властное, майор Бежанцев при ней словно подвергался процессу миниатюризации. И, как можно было судить на основе мимолетных наблюдений, терял уверенность в себе, в нем проявлялась готовность смиряться: он уже не ходил так, словно весь мир ему принадлежит и словно его распирает гордость, что он — тот, кто он есть. Быть может, он опасался, что кто-нибудь сообщит строгой, несомненно державшей его под каблуком жене о пылком романе с молодой красивой полькой — и начнутся неприятности. Одна вещь, однако, вернулась к прежнему состоянию: с его лица исчезла улыбка, оно стало, может, еще мрачнее, чем раньше. Уже не было причин к хорошему настроению.

Майор Бежанцев исчез из нашего поля зрения внезапно: быстро, в один прекрасный день, выселился из дома на Школьной, а квартиру тут же дали какой-то польской семье. Вскоре закрыли и пекарню, работавшую под водительством колхозника Гриши, хотя советские части еще некоторое время стояли в Городке. Не знаю, какова была судьба майора Бежанцева после отъезда со Школьной, — я не встречал его ни на улице Третьего Мая, ни на пересекавших ее.

Я мог бы додумать, почему мой герой так внезапно исчез, что́ тут было решающим, а также задаться вопросом, зачем собственно я описал всю эту историю, если она не завершается никаким драматическим событием, — попросту нет концовки, которая придала бы ей какой-то смысл. Майор Бежанцев появился неожиданно — и быстро исчез из поля зрения. Чтобы удовлетворить требования повествовательного искусства, ничего не придумывая и не погружаясь в прекрасную область миражей вымысла, мне приходится довольствоваться догадками и в результате рассказывать о том, что могло случиться. Итак, майор Бежанцев выселился из дома на школьной, потому что с тех пор, как приехала жена, начались семейные скандалы. Но если скандалы действительно были, то ссорящиеся стороны надевали на них глушитель; любопытные и вечно сплетничающие соседи ничего не говорили насчет того, что из квартиры доносился шум. Но даже такие негромкие или всего лишь потенциальные раздоры могли стать достаточной причиной: офицер победоносной социалистической армии не может проявлять свои слабости на глазах у туземцев, особенно если не пьян, — он же, кажется, водкой не злоупотреблял, а может, просто не пьянел — во всяком случае никто его в состоянии алкогольного помрачения, пожалуй, не видел.

Не исключено, что этой внезапный перевод был связан с опьяняющим, хоть по неизбежности и законченным, романом с Ясей. Может, его сочли за не соответствующий социалистической морали, которая в случае надобности умела быть пуританской, и не осталось ничего другого, как склонного к романам майора надлежащим образом наказать. Но могла быть и какая-нибудь другая причина. Нельзя заранее признать неправдоподобным и такое, например, положение вещей: задачей майора Бежанцева было наблюдать за нашим местечковым обществом, изучать его настроения или просто заниматься слежкой, — а это, конечно, значит не только присматриваться извне, но и, как говорят в социологии, наблюдать с участием, т.е. входить в повседневную жизнь, разговоры и т.п. Человек, постоянно держащийся в стороне, неспособный установить хотя бы незначительные контакты, такие обязанности выполнить не мог, у него не было для этого никаких данных. И его отозвали, так как он не справился. А может, всё решили соображения, о которых я не в состоянии догадаться, даже не сумею их себе представить. А мог сыграть роль и просто случай. Нет, я не в состоянии, так как слишком мало знаю об этом человеке, он составляет для меня немногим больше эпизодической фигуры из послевоенного детства, фигуры, которую я по странной случайности запомнил, хотя она могла улетучиться из памяти, как множество других фигур, двигавшихся перед глазами, чтобы исчезнуть в тумане. Может быть, я запомнил эту фигуру, потому что она привлекала меня своей таинственностью. И действительно, в этом зрительном образе ничтожны черты, которые были бы бесспорными или очевидными. Но не подлежит сомнению, что майор Бежанцев покинул Городок явно быстрее, чем его товарищи.

Могу прибавить, что скоро уехала и Яся. Мне кажется, это случилось ранней осенью, вскоре после того, как роман, о котором я рассказал, достиг своего преждевременного конца. Говорили, что она уехала на запад, то есть на Западные земли. Не знаю, как сложилась ее жизнь, не знаю, появлялась ли она когда-нибудь в Городке.

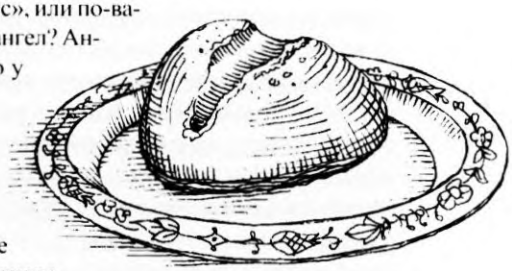
Ян Курчаб

Перевод Ольги Давиденко

БУЛКА

Ян Курчаб

Прописали нам булку на диету. Сестра Фелиция говорит порезать ее на ломтики и намазать медом. Сделайте так. Сестра Фелиция умная и знает толк в наших болезнях, как сам доктор. Они все в этом санатории специалисты по язвам. Только, видите ли, если б все язвы можно было просветить рентгенами. Порежьте себе и мою булку, порежьте. Она так замечательно пахнет. Вы, пожалуй, раза в два моложе меня, сколько вам еще до 120 лет? Вам 23? 23... Как раз в этом возрасте я последний раз держал такую булку в руке. Такую... она даже не была похожа на такую, но это была булка. И потому что булка... потому что булка... потому что булка, это была вовсе не булка, она была «мелех хамавес», или по-вашему владыка смерти. Вы говорите, ангел? Ангел смерти? Это у вас, наверно. Это у вас, наверно, есть и черные ангелы... Та моя булка не лежала на такой тарелочке в цветочек, как эта, и тарелочка не стояла на такой белой скатерти и в такой столовой, а за окном было и не зелено, и не бело, и не так, как говорил тот поэт, что читал вчера стихи. Не помню, как он сказал, но непременно необходимо, чтобы родился такой поэт, который расскажет это вместо меня и всех, кто уже никогда этого не расскажет. Итак, дорогой мой, было это в Майданеке, а это такое слово, которое не имеет никакого цвета... Приятного аппетита, приятного аппетита, пусть вам пойдет на здоровье. Ведь мы там о таком времени молились, чтобы сидеть за столом с людьми, чтобы на столе лежали булки и чтобы эти булки были людям на здоровье... Теперь я немного боюсь, как бы вы не потеряли терпенья и не потеряли аппетита, потому что эта история с булкой начинается с большого паскудства, с такой огромной бочки на колесах, куда мы грузили все свинство от абортов, из такой глубокой ямы, в которую мы спускали ведра на веревках и тащили эти ведра наверх, чтобы перелить их в бочку, а если такая веревка оборвалась, надо было быстро спрыгнуть в яму и вытащить свое ведро — да, дорогой мой, быстро, ибо если кто не поторопился, то получал такого пинка от капо, что вместо ног падал в то дерьмо головой... И без пинка нужно было спешить, чтобы ведро не ушло в самый низ и чтобы не пришлось искать его на ощупь в том свинстве. Ой, такое простое слово, как п р ы г н у т ь, или второе — и с к а т ь. И еще третье — и з т а к о й я м ы, по скользким стенам, на которых... Нехорошо, вижу, вы перестали есть — может, я перестану говорить? Нет? Ну хорошо, я уж не стану рассказывать, как после такого прыжка вытирали мы травой одежду, и руки, и лицо, и тело под робой. Мы на ту траву писали, чтоб ее немного смочить: дождей тогда не было, а к колодцу нам нельзя было ходить. Под угрозой смерти. А за супом в обед и за кофе утром ходили мы отдельно — как «дреккоманда»*.



Когда наша бочка была уже полнехонька, так полнехонька, как того желал наш капо, то мы, дорогой мой, начинали толкать ее перед собой через весь апельплац** до ворот лагеря, а потом на поле, чтобы выросло прекрасное и питательное зерно для немцев. Для победоносной армии этого короля смерти, этого нашего «мелеха хамавеса». И толкали мы это паскудство нашими паскудными руками, и не приведи Господь, чтобы хоть капля упала на апельплац или по дороге к воротам. Толкали мы восемью скелетами, для которых была бы слишком тяжела даже детская коляска, и восемью измученными душами, которые чаяли Божьей милости. Вы смеетесь над этим чаяньем? А я вам скажу, что нет чаянья без Бога, и скажу вам еще, что я молился Богу и говорил ему: «Господи, это молюсь Тебе я, Файвель, сын Арона из Требини», — так как я думал, что Он может меня в этих грязных лохмотьях и с перемазанным лицом не узнать. Может, поэтому не мне однажды приказано было слизать на апельплаце брызгу с нашей бочки — не мне, а длинному Янкелю. И не меня избил как-то раз штурмфюрер,

Dymitr Szewionkow-Kismielow

* Дреккоманда (нем. Dreckkommando) — бригада говновозов. — *Здесь и далее прим. ред.*

** Апельплац (нем. Appelplatz) — место в концлагере, где проводилась поверка заключенных.

когда ему показалось, что бочка течет и нужно собирать в шапку все, что разлилось, а потом надеть эту шапку, и стать смирно, и не дрогнуть, когда свинство стекало по лицу. Но Бог не всегда мог смилостивиться над Файвелем, сыном Арона: у него еще было столько других, и поэтому...

У Бога был еще старый Лейб Секунда, на тридцать лет старше меня и в тридцать раз слабее, с больным сердцем, которое наверно только потому еще и билось, что уже не было никакого тяжелого труда в этом скелете. Лейб Секунда не толкал бочку, только держался за нее, чтобы не упасть. Был один такой отрезок пути перед вахтой, где нам приходилось проталкивать бочку бегом, чтобы немецким легким и носам не втягивать еврейскую вонь, и тогда Лейб Секунда всегда говорил мне:

— Файвек, если не долечу, скажи ей, что я умер ночью, во сне, что ничего у меня не болело...

А я говорил ему:

— Реб Лейб, не только долетите, но и будете на моей свадьбе и будете вести ее под свадебным балдахином.

Потом, когда мы уже пролетели довольно далеко, надо было остановить бочку и вернуться к воротам, и стать в строй, и отрапортовать, что восемь евреев из дреккоманды выехали за ворота. Тогда охранник бил хлыстом по лицу того, кто рапортовал, и мы могли вернуться к бочке. Каждый раз рапортовал кто-нибудь другой, но за Лейба я рапортовал — и за себя. Сейчас я вам скажу, почему как раз я, еще только расскажу, как эта бочка становилась хуже самого худшего немца, когда мы с ней въезжали на вспаханное поле. Мы ее тогда проклинали, как бешеные, и тащили всеми жилами, а она врезалась колесами в землю и останавливалась. Тогда мы прицеплялись к колесным спицам и поворачивали их, как еврейскую судьбу, прямо до плача. Потом вынимали колышек или шпунт, и она становилась немного легче. И был только один миг, когда Лейб Секунда переставал плакать, а я немного улыбался. Когда человек идет семь дней через пустыню и теряет в высохшей голове слова и мысли и когда встречает после этих семи дней ручеек, то, конечно, вот это и есть тот миг с улыбкой. Эти мои семь дней и семь дней Лейба Секунды воняли самой худшей из работ и были очень тяжки, но каждое ведерко вытягиваемого дерьма, каждая полнехонькая бочка приближала этот миг, такой коротенький, когда... ох, не объясню — может, и вообще нет слов на такие мгновения. Это мгновение начиналось уже на краю поля, когда издали мы видели еврейских женщин, тянувших такую же бочку, как и мы. Только женщин было больше, и мы не сразу видели, есть ли она среди них, есть ли е щ е она среди них. Издали все евреи были как запыленные кусты, высохшие кусты. Но было в поле одно такое место, где, как бы того ни хотели немцы, эти две бочки, встретившись, должны были разминуться, — это и был тот миг, когда Лейб выпрямлялся, а я улыбался. И мы обнимались глазами: я, жених Регины, и Лейб, ее отец, — обнимали глазами эту девушку и воровали ее взгляды, так как мгновение было кратким, а нас у нее было двое, а она у нас — одна. Скажу вам, что никакое свинство ничуть не убавило от ее красоты. И отец говорил ей:

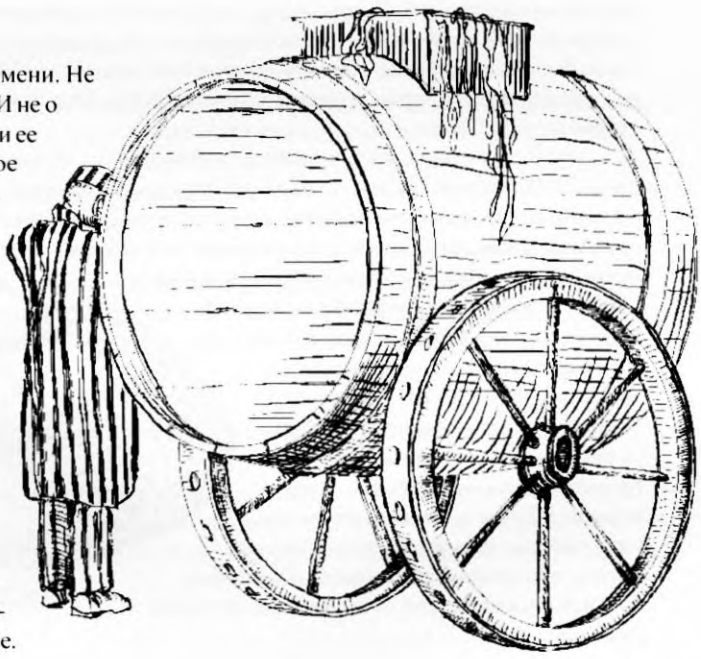
— Гуся, дорогое мое дитя.

А потом я говорил ей:

— Регусь, Регусь!

И она отвечала:

— Любимые мои! — И больше не было времени. Не было, ибо охранник с вышки смотрел в бинокль. И не о том, чтобы нас бить, шла речь, но однажды избили ее — до потери сознания. Попробуйте понять такое еврейское счастье между двумя бочками с дерьмом — это было самое большое счастье и самая большая печаль. Я понимал старого Лейба, и он — меня, до войны я был приказчиком в его галантерейной лавке, а Регина была дочерью, которая заставляет родителей жмуриться от счастья. Говорю вам: надо опасаться жизни, которая вводит в дом такое счастье, как Регина.



Потом была пустыня, сразу после поворота головы.

Сейчас расскажу вам об этом. Еще только вот что: Лейб Секунда и я заплатили двум евреям из дреккоманды недельную хлебную пайку, чтобы они уступили нам свое место при этой благородной работе. А кусок хлеба в те времена значил больше, чем теперь целая буханка, поверьте мне.

Теперь уж я расскажу о булке. Я говорил:

— Реб Лейб, выбросьте это из головы. С ней вообще всё не так. С ней вообще всё не так. Одной булкой больше, одной меньше, что это значит для человека?

А он отвечает:

— Одна отцовская булка значит целая буханка. — Слышите? Целая буханка. И дальше говорит: — Целая буханка для отца, который не откусит от этой буханки ни кусочка, и целая буханка — для дочки, хоть бы она была меньше куриного яйца.

Что знал я тогда об отцах и детях? Так реб Лейб думал, и послушайте, что из этого вышло.

Когда уже лежали мы рядом в своем уголке, отведенном дреккоманде, он сунул мне под одеяло что-то очень небольшое в бумажке и сказал:

— Файвек, ты ей это отдашь, подарок от жениха.

Слышите: от жениха. Он пошел искать эту булку к тем, что каждый день ездили в городок за хлебом. Он дал себе выбить из зубов две золотые коронки. Он мог получить столько кнутов, сколько у человека волос на голове, а добрым предстояло быть мне.

— Нет, — сказал я, — реб Лейб, я — нет, это вы дадите дочке булку.

— Ты дашь. — А старый Лейб умел заупрямиться. — От отца это будет только еда, а от жениха — подарок, *матуне*. — Мы, евреи, так называем подарки.

Вот и взял я эту булку, и спрятал на животе под лагерной робой, и пошел утром вместе со всеми на апельплац, и, вот ведь как, хотелось мне спрятаться под землю: не мог же я вдавить булку в середину живота, и она этак немного торчала, а у нашего капо глаз был страшнее рентгена. И меня несло в нашу яму с дерьмом, как в рай, ибо я чувствовал, как эта булка вкручивается мне шурупом в живот и как болят все кишки со страху. Я уже видел раз такого с колбасой в кармане. Точно говорю вам: там этой колбасы было с палец, а так его избили, потом притащили к водоему, где повара мыли посуду, и приказали влезть, и держали сапог на его голове, и кричали:

— Говори, кто тебе дал колбасу? — А когда он уже задыхался, отпускали и спрашивали: — Говори, кто тебе дал колбасу? — А он ничего не отвечал, тогда его снова толкали в воду и когда отпустили сапог, чтобы он глотнул воздуху и ответил, то он уже не поднялся, так и остался в воде. И вот я стоял с этой булкой и думал: скажу я, что она от реба Лейба или нет, — но что человек знает о себе? Страх — это чужой дух, который входит в тело и делает с человеком что хочет. Потом такой дух отходит, и человек снова верит в Бога, в разум и людей, но люди уже не верят человеку. Что я мог знать о таком моменте? Так сильно я об этом думал, что даже не услышал команды на работу и последним тронулся с места, когда другие уже шли к навозной жиже.

И снова было как каждый день. Может, даже немного лучше, так как ведро ни разу не сорвалось и не нужно было спускаться в яму — и булка не испачкалась. Потом мы толкали бочку, и снова было хорошо: ни разу ничего не хлюпнуло на апельплац. Потом мы выехали за ворота, и надо было бегом возвращаться к будке, чтобы отрапортовать, но мне удалось оставить булку за бочкой, и снова было все в порядке. Потом я спрятал мой *матуне* под блузу, и мы въехали в распаханное поле. Старик держался за бочку и глядел на ту бочку, что с другой стороны поля. Глядел и глядел, а я ему говорю:

— Не гляди так: с вышек смотрят в бинокли, — но он ничего не слышал. Он только глядел. А мы толкали бочку, из которой лилось бурое свинство, и тянули ее, чтобы дотащить до места встречи и не опоздать. Я вам скажу, что все мы восьмеро толкали как никогда — как будто должно было состояться Бог знает что, так как реб Лейб рассказал им. И мы были уже в десяти метрах, и в девяти, и в восьми, и все ближе, и она уже тоже глядела на нас, и уже наши глаза как бы связались веревками, и остался только метр, и теперь нужно было бросить пакетик ей на землю, и евреи от нашей бочки должны были заслонить пакетик, и я уже держал его в руке, потому что колеса нашей телеги и колеса их бочки были в шаге друг от друга, и тогда старый Лейб сказал:

— *Хусен кале мазелтов...* — и мои евреи сказали: — *Мазелтов...* — и из-за этого *мазелтова* я опоздал на полколеса. Что это значило? Сейчас вам все переведу. «Хусен» значит жених, «кале» — невеста, а «мазелтов» — пожелание счастья. Так у нас говорят, когда молодая пара стоит под балдахином. Тогда бросают на пол бокал и давят его ногой, так как разбитое стекло приносит счастье, и говорят: «*Хусен кале мазелтов*». Этой булке предстояло стать нашим венчальным кольцом. Так задумал реб Лейб и плохо сделал, что не сказал мне об этом. Очень плохо. Может, он боялся, что я буду его разубеждать, не знаю уж... Не сказал, а я удивился. Я не удивился бы, если бы в тот момент упал с неба сам Мойше Ребейну, то есть Мессия, а удивился, что так должно выглядеть мое венчанье, что балдахином венчальным будет небо, а свидетелями — две эти вонючие бочки. Я тогда даже рассердился и бросил булку немножко слишком далеко. Впрочем, может быть, и не слишком, да только у нее так стояли слезы в глазах, что она не сразу за ней нагнулась. И, может, обе бочки простояли на одну секунду дольше из-за этой неожиданной еврейской свадьбы. Потом мы долго ничего не говорили, только толкали бочку, пока она не стала легкой. Только тогда старый Лейб сказал, что он уже никогда больше не будет толкать бочку, потому что за ним идет «мелех хавамес», то есть ангел смерти, что он знает, что это не ритуальное венчание, но Господь Бог тоже знает, что другого быть не может, поэтому он поговорил с Господом Богом, и Господь Бог согласился признать это венчанье ритуальным, и его дочь не останется одна на свете. А я ему сказал, что, мол, реб Лейб, я на все согласен, но почему вы мне не сказали? Тогда он спросил, надел бы я, что ли, свадебный наряд, и другие евреи смеялись, но этак, с мокрыми глазами. Не умею рассказать, что было в этом венчании святого, но одно скажу, что мы возвращались в лагерь как с настоящей свадьбы. А перед воротами один еврей сказал:

— Ну, Файвек, сегодня за тобой праздничный ужин. — И все мы смеялись.

Потом у нас было немного времени до ужина и поверки, я сел в одном дальнем углу и думал о ней, и когда мы сможем встретиться как муж и жена, и как будет выглядеть наша спальня. Во мне, понимаете, был печальный праздник, такая дождливая суббота. Понимаете? Дождливая, но суббота. Ну, не важно.

Старый Лейб говорил евреям:

— Выдал дочку, евреи, *мазелтов*, выдал дочку.

Потом пришел ко мне и сказал:

— Будешь ей мужем и отцом. Я иду утром в «камельблок». Нет больше сил. Совсем нет. Ей скажешь, что работаю в другой команде.

И уже не было времени на разговоры, так как начиналась поверка. А «камельблок» — это, дорогой мой, такой предпогребальный дом. Страх, как там люди лежали, никто им стакана воды не подавал, никто не помогал выйти по нужде. Гнили и кончались, и никто не мешал, вот и вся прибыль от «камельблока».

Но желание Лейба не исполнилось. Стояли мы уже на апельплаце, и капо пересчитал нас всех, и другие капо пересчитали своих евреев, и всё было как каждый день, когда пришел оберкапо, а потом пришел комендант и еще двое, и потемнело у меня в глазах. В правой руке коменданта был бич, а в левой — булка, обыкновенная булка без бумаги. Все еще темно было у меня в глазах, когда комендант спросил:

— Кто потерял булку?

И была такая тишина, как среди мертвецов. И снова я услышал тот же вопрос. И то же мертвое молчанье. И крик оберкапо:

— Drekkomando austreten!***

И деревянные ноги пошли с деревянным сердцем на середину апельплаца.

И снова оберкапо крикнул:

— Кто подбросил женщинам булку?

Тогда дух страха вошел в меня, и стиснул зубы, и наполнил мир темнотой. Нет, это еще не была темнота, это еще не был скрежет зубовный, это вообще еще ничем не было. Я тогда еще видел коменданта, и оберкапо, и двоих в блестящих ботинках, и большое каре евреев, которых было восемьсот, я тогда еще не был мертвецом. Чувства покинули меня тогда только, когда комендант сказал:

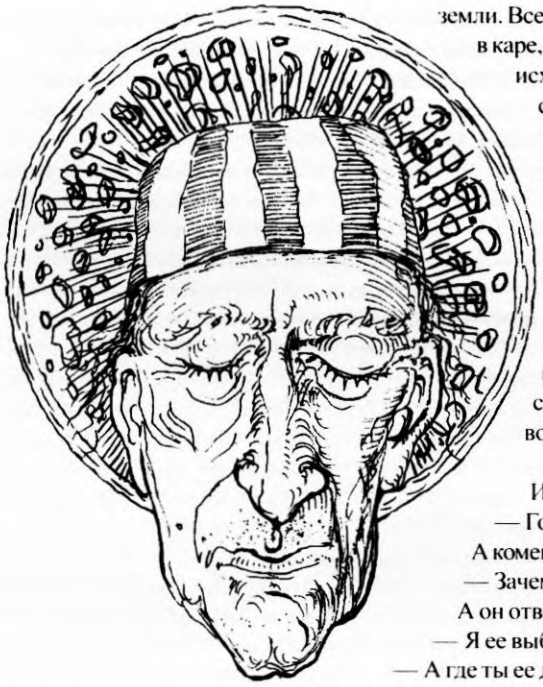
— Alle acht aufhängen sofort!****

Вы понимаете по-немецки? Он приказал всех восьмерых повесить. А там была виселица, только мы привыкли к ней, мы на ней не видели ни одного повешенного.

Что я тогда думал? Я думал: «*Alle aufhängen, alle aufhängen, alle aufhängen, alle aufhängen...*» Вот что я думал. Во всей голове не было места ни на что другое, даже на обычное «О Боже!». Я был деревянным человеком, который врос в землю, и если бы мне приказали двигаться, то им пришлось бы вырвать меня из этой

*** Команда говновозов, выйти вперед! (нем.).

**** Всех восьмерых повесить сейчас же! (нем.).



земли. Все стало деревянным. И старый Лейб возле меня, и все евреи в каре, и комендант. Только на моей деревянной шее что-то происходило, когда капо и еще один привязывали веревку к виселице. Привязывали веревку, это я видел живыми глазами, которые вылезли из деревянного лица. И от этой веревки нашел на меня крик. Я начал, да, представьте себе, это я начал кричать. Не знаю что, но я... Что я мог кричать? Кричал криком, страшно громким криком. И сразу потом кричал кто-то другой, и все кричали, вся восьмерка — нет, не вся. Старый Лейб не кричал, а знаете, как я об этом узнал? Очень просто. Капо так врезал мне по морде — я думал, у меня голова слетит с шеи. И бил всех кричащих, но не Лейба — реб Лейб не кричал. И снова стало тихо и мучительно, капо выбил мне два зуба, и во рту была кровь. Тогда снова комендант спросил:

— Кто бросил булку?

И реб Лейб сказал:

— Господин комендант, это я бросил булку.

А комендант спросил:

— Зачем бросил?

А он отвечал:

— Я ее выбросил, она провоняла.

— А где ты ее достал? — спросил комендант, а мы слушали Лейба всем нутром, где кровь опять ожила. И слышали, как Лейб сказал, что нашел эту булку возле кухни, а потом ответил, что не знал, что надо отдать, а комендант кричал, что он «дрек-юде» и что булку украл. А реб Лейб согласился:

— Да, украл.

Вы знаете, он сказал «украл» так, как я вам сейчас говорю, спокойно. И мне кажется, что из-за этого спокойного «украл» так все кончилось.

Комендант сказал:

— Бери булку, кусай.

Реб Лейб взял, поднес ко рту, и тогда комендант ударил кулаком по булке так, что она вбилась в рот наполовину, как тот шпунт в нашей бочке. А немцы схватили Лейба за руки и связали их за спиной. А у реба Лейба глаза вылезли из орбит, и невозможно было смотреть на это лицо с убегающими с него глазами и с этой страшной булкой. Ему приказали стать на табуретку, но он не мог. Сам не мог. И тогда позвали меня и еще одного, чтобы ему помочь. Представляете, меня! И я подошел к ребу Лейбу, и взял его под руку, и голову так низко опустил, что видел только его бахилы. Тогда я плакал. И, скажу вам, в том плаче была страшная жалость к старому Лейбу и ужасная просьба к Господу Богу, чтобы Лейб умер как можно быстрее. Когда ему надели петлю, все его лицо кричало: «На каком свете мы живем?..» И еще больше он стал вопросительным знаком, когда убрали табуретку, когда тело вытянулось в направлении, знаете, в каком направлении? Вы скажете: случайность, а я не мог спать ночами, когда вспоминал это лицо с булкой, повернутой в направлении женского лагеря, в сторону его дочки.

Так он и остался до следующего утра. А восемьсот евреев стояли в огромном каре, и скажу вам, что ни по кому из тех, кто умирал раньше, не было такого кадиша, как по ребу Лейбу. Держали нас два часа на апельплаце, и все два часа восемьсот евреев молились за умерших. Опять с самого начала, опять заново.

Такое у меня было, дорогой мой, венчанье и такая свадьба.

Как вы думаете, сильно ли я тут виноват?

Ян Курчаб (1903-1969), краковянин, автор сборников рассказов: «Что такое человек», «Война не убивает матерей», «Письмо Войтеку», а также популярных книг для молодежи: «Семь зеленых тетрадей», «Если бы я был мальчиком».

Анна Янко

Перевод Натальи Горбаневской

НА УЛИЦЕ ИОТЕЙКО

Помню комнату в квартире на улице Иотейко в Варшаве, озаренную солнцем, ту комнату, где, словно в каком-нибудь этнографическом музее, стояли рядышком народные статуэтки святых на полках под потолком. А на кухне — много голубого и множество разнообразных чашек, стоявших на полочках и на холодильнике.

Помню, как мы вдвоем стоим на коленях перед открытым шкафом, кажется в передней. Маленькая седая голова Анны раз за разом наклоняется и исчезает в глубине, где вечным сном спят куклы. Куклы Анны Каменской спрятаны на дне шкафа. Тайна — к которой я допущена, ибо тогда была еще в достаточной мере ребенком. Прекрасные, желанные куклы, такие, каких у меня самой никогда не было. Разве это не несправедливо, чтобы взрослые имели право на кукол, которые на самом деле положены детям? И чтобы взрослые запирали эти маленькие существа в шкаф, в то время как столько девочек о них мечтают и могли бы о них позаботиться? Зачем тете Анне куклы, когда у нее есть свои живые дети и ей не нужно играть ни в дом, ни в мир, потому что давным-давно ей все можно делать поправде?

А потом пришел Павел, который показался мне таким рослым и красивым, сел возле нас на диван, мать обняла его нежным взором, запустила ладонь в его чуб и сказала: «Разве у него волосы не зеленые, зеленоватые, как сено, высушенное на солнце?»

Ну да! Анна права. Я была настолько взволнована пребыванием в ее доме, таком непохожем на мой, что случилось чудо и я действительно увидела зеленые волосы Павла.

Когда моей сестре было 13 лет, она была влюблена в Янека, старшего из двух братьев, у нее даже стояла его фотография на письменном столе. У Янека были светлые, миндалевидные глаза под хорошо прочерченными бровями, но я уже с тех пор и навсегда предпочла Павла, потому что Павел был заколдован: у него были зеленые волосы.

В следующий раз, может быть годом позже, Анна Каменская, тетя Анна, взяла меня с собой на рынок неподалеку от своего дома, убогий базар, где можно было купить все ненужные вещи в мире. На тряпках, расстеленных прямо на земле, лежали бренные останки имущества былых времен, ценные в давние годы обломки семейных домов, что распались, увечные доказательства существования, которое пропало. Какие-то полуразбитые лампы, потрескавшиеся соусники, вилки с торчащими во все стороны зубьями, обгрызанные ложки, пожелтелые нитяные салфетки. Это были не вещи. Это были слёзы вещей...

И Анна ходила среди них как сиделка среди больных, склонялась к ним с глубоким сочувствием, прямо напряженная от боли, словно оказалась в пропасти сострадания. А все эти старые люди, торговавшие на базаре, иногда смущенные, стыдившиеся своего положения, а иногда наглые и навязчивые, — распродавали всё свое перед самой смертью. Анна же принимала на себя их оставленность и нищету.

Это были Иововы покупки. Доброта от отчаяния.

Я осторожно продвигалась вслед за Анной, которая была моей проводницей по этому чистилищу, у меня открывались глаза и перехватывало горло.

Ко мне у тети Анны была доброта легкая, теплая, сердечная. Она часто одаряла меня мелкими подарками. Я получила от нее какого-то Степку-растрепку в голубых штанах, индийскую медную тарелочку, круглую раскрашенную деревянную коробочку, такую легкую, что она переворачивалась, когда подуешь, и маленький коврик на две ступни, вытканный из красной и зеленой шерсти, и две чашки, две под пару, потому что когда кому-нибудь желаешь не быть одиноким, надо дарить ему вещи по две.

Когда я подросла, Анна перестала быть «тетей по уговору», стала «пани Анной», автором многочисленных книг, которые я постепенно читала, трагической поэтессой.

Помню открытку с пустынным, драматическим пейзажем, которую она прислала где-то в середине 70-х моим родителям. На обороте написала: «Это мой внутренний пейзаж».

Вскоре после этого, как-то ночью, я прочитала ее «Белую рукопись», сборник стихов, посвященный умершему мужу — Яну Спеваку. Я тогда была в кого-то влюблена и каким-то образом ассоциировала эти траурные плачи со своей юношеской любовью. Молодость бывает периодом наибольшей беззащитности в жизни. Чтение «Белой рукописи» было для меня огромным потрясением, внезапным посвящением в тайну и раз

навсегда в моем представлении соединила в пару любовь и смерть. Memento mori, amor. Помни, смерть разделяет влюбленных. Помни, что ты умрешь, любовь. Я написала письмо Каменской на бумаге, мокрой от слез. Она тут же ответила:

«Я тебя ранила. Чем я тебя ранила? Своим страданием. Твой протест, что так писать нельзя... твой бунт — это не только страх, это отказ от со-страдания. Ты прочитала «Белую рукопись» нервами. Не всегда в похвалу поэту тот плач, который он возбуждает».

Она была права. Я пережила страх. Ибо страх ходит по свету, разыскивая, в кого бы успешно вселиться. Ходит от человека к человеку и примеряет наши судьбы. А дорога через стихи ведет его, скорее всего, прямо к цели.

Вскоре после этого я писала у профессора Марии Янион дипломную работу «Мотив изгнания в лирике Анны Каменской». Много раз перечитала все стихи Анны, а также стихи Яна Спевака. Вновь проникалась их страданием, в сердце у меня открывались чужие раны. Несколько лет я провела за кулисами театра их жизни, где шла драма нелегкой любви, яростной смерти, адским пламенем пылающего одиночества. И извлекла из этого ошибочные выводы: и меня, мол, ждет всё то же самое. И я ведь тоже Анна, и я — с сохранением надлежащих пропорций — пишу стихи, и мое переживание мира, как мне тогда казалось, точно такое же!

Когда Каменская прочитала эти 50 страниц машинописи моей работы, куда я вложила всю душу, одновременно изболевшуюся и полную энтузиазма, работу, которую моя знаменитая научная руководительница оценила на отлично, — ничего хорошего она не сказала. У меня даже возникло впечатление, что она как будто раздражена тем, что опять кто-то не сумел прочитать то, что в ее поэзии всего существенней.

Когда я была на улице Иотейко в последний раз, в 1984 г., за два года до ее смерти, комната со статуэтками святых показалась мне мрачной. На дворе опускались зимние сумерки. Анна на кухне заваривала чай, а я ходила вдоль полок с книгами, всматриваясь в расставленные там старые фотографии, темные как дым. Это были снимки матери Анны Каменской, ее мужа, теток и других неизвестных мне лиц. Всех этих людей уже нет в живых, думала я, но глаза их по-прежнему глядят. Взгляды умерших, узники фотографий, обладают удивительным светом без источника, каким-то затерянным в пространстве светом, которым они спрашивают: «Умер ли я?»

И снова ко мне подкатил страх, тот самый, что я переживала, впервые читая «Белую рукопись». И я подумала: этот страх хватает меня за горло и проверяет, не пригодится ли ему моя судьба. Меня вновь охватила эмоциональная беззащитность и то иррациональное ощущение зараженности отчаянием, словно мне вынесен приговоре и жизни предстояло быть пожизненным заключением. Значит, я буду в старости одинокой женщиной, которая кормится лишь нехваткой, сожалением, болью? О нет! Мужество прежде всего.

Растите, доспехи, под моей кожей, хоть бы я стала от этого серебряной и холодной. В этом доме живут духи, и я хотела бы поплакаться своими слезами! Что-то не в порядке.

Анна вернулась с кухни. От чая в чашках идет пар. Едим ватрушку. Анна очень любила пирожные, всякие лакомства, вино, маслины. Вообще любила есть и пить и вовсе не была святой, как хотелось бы некоторым ее почитателям... Часто она портила не только свои дружбы, но и свои стихи. Была она существом страстным, горячим, полным противоречивых чувств. Бывала категоричной, несправедливой, а может, и жестокой. Но — и безгранично доброй, сочувствующей боли. Быть может — то гордой, то смиренной. При этом нежной, любящей и жаждущей любви. Была полна простоты, но, может, и хитра; мелочна — и полна достоинства. Жуткая. Чудесная. Настоящая. Снова и снова созидающая свою человечность.

Она влекла меня и парализовала.

Долгое время я относилась к ней как к моей личной мастерице поэтического слова, но и боролась с нею в себе. Благодаря ей и против нее написала немало стихов. Последним из них было «Преображенье»:

Куклы у тебя в шкафу поседели
Ручки чашек хрупки не ухватишь
Ложка что откуда только не ела
с голоду померла
Наплаканная подушка высохла заскорузла

А ты счастливая сегодня помолодела
Бегаешь где-то не смотришь за домом

Как тебя теперь называть тетя пани
Если ты то в панну вырастаешь
То в ребенка умаляешься

Теперь я та старая
Перед преображеньем

Анна Каменская

Перевод Натальи Горбаневской

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1973-1979

(Отрывки)

• Стихотворение — зачастую неожиданность для самого автора. Только с перспективы видно, что оно вписано в некую последовательность мыслей, что оно почти необходимо и существовало еще до того, как быть написанным. «Второе счастье Иова», написанное, за исключением первого фрагмента, в течение одного дня, возникло на вид легко. «Творческие муки» растянулись на целый год, прошедший с первого стихотворения. В замысле сразу было произведение крупной формы, но не хватило дыхания. Целое созревало втайне, пока не обнаружилось в течение одного дня.

• Теперь, даже если бы я хотела выйти из рамок религиозной тематики, это было бы невозможно. А я хотела бы выйти, чтобы покончить с «цеплянием» за библейские мотивы, за связанное с верой культурное содержание и начать по-другому, с другой стороны ***реализовать*** веру в поэзии. Однако ни одного этапа не перескочить.

• Описать свет, некий отблеск света на лице человека.

• Если нет уже ничего, даже веры — остается еще молитва. Вопреки неверию, вопреки безнадежности. Это значит, что остается еще что-то сильнее и надежды, и веры. Какая-то искорка любви, которая в любой момент может привести к тому, что все заново взорвется существованием.

Позволь мне любить. Эта молитва всегда будет услышана. Это точка опоры для любого мира.

• Замолчать — великое искушение. Но чтобы замолчать — надо быть кем-то. Великим было молчание Мицкевича. Великим — по своему значению и скрытому красноречию.

• Все мои задачи слишком трудны для меня. Мне приходится к ним подпрыгивать. Но я утешаюсь тем, что разрыв между задачами и талантом — место для любви. Каждый раз, как говорит Норвид, мне приходится «молиться в себе».

• Сны играют большую роль в моей жизни. Я еще помню выразительные сны моего детства и ранней молодости. Был один замечательный религиозный сон. Я шла в каком-то большом человеческом шествии, зная, что всё устремляется к Богу. Пейзаж как со страниц Библии.

• Любовь — зона безопасности.

• «Художественное мировоззрение». Я осознаю свою наивную иллюзию насчет того, что труды творцов, например поэтов, суммируются на какой-то плоскости, создавая одну великую поэзию. Поэтому я так ценю любое творческое усилие, поэтому занимаюсь скромными, малыми поэтами, в чем меня не раз упрекали.

А ведь это иллюзия. Поэзия — это индивидуальности, отдельные творческие биографии, никогда не поддающиеся суммированию. И все это впитывается в болото забвения, преходящести, в вязкую подпочву повседневности.

• Дар поэзии — говорить обычно, по-человечески, называть вещи и понятия. Мы постоянно об этом забываем, и нам кажется, что уже всё сказано.

• Абсурд — это приостановка ума. А ведь ум обязан неустанно производить лишь смыслы. Когда этой работой пренебрегают, мы чувствуем себя внезапно подвешенными в вакууме. Смысл становится вероятным благодаря усилиям, какими мы его достигаем, благодаря активности, всегда нелегко преодолевающей склонность к инерции и лени. То, что труднее всего, — то и истинно. Нечто — истиннее, чем ничто.

• Двойственность — это наш способ видеть и воспринимать. Мать и отец, добро и зло, земля и небо. Так, будто каждая истина имеет форму полуистины, пока не будет дополнена своей противоположностью. Мы осуждены на эти полуистины. Единство истины достигается доверием ко всей истине, а это значит — верой.

• Основное усилие поэзии — используя язык, выйти за рамки языка. Иногда легко перепрыгиваешь препятствия, величину которых не воспринимаешь.

• Зло происходит в нас из того, что мы мало молимся. В том смысле, что не всегда приносим свое доброе всегда высшему и всегда лучшему, тому, в чем наши жизненные устремления и само наше «я» приобретают надлежащее измерение.

• Стихи — монологи, вытекающие из отворенных вен.

• Никогда. Никогда. Никогда. Всю тетрадь хотела бы исписать одним этим словом.

• Человек не может так бросить камень, чтобы не попасть в Бога.

• Собственно говоря, поэты должны сами писать о своей поэзии, потому что критики всегда проваливаются. Критик цепляется за что-то одно, за одну цитату и на ней строит целую теорию. Но поэзия — вовсе не система, а скорее путь. В то время как критик рисует поверхность плоскую, как доска, поэт идет дальше. Но и в этом тоже есть возможность проявить смирение. Критики, навыкшие расшифровывать сложные и запутанные стихи, не в состоянии понять стихи простые и написанные дословно, без шифра.

• Стихи возникают путем исключения излишка из целого навала слов и мыслей. Они достигают какой-то окончательной кристаллизации, но они и лишены всего — они беднее.

• Псалмы родились как будто два раза: по-древнееврейски и на латыни. И могут рассматриваться не только как оригинал и перевод, но как два текста — текст-источник и текст-родник, из одной вены веры. Существуют несомненные ошибки латинского перевода, но они санкционированы временем и традицией, упрочены и освящены.

• Библия — это начало, исток. Но и в нас — всякое начало, а значит, мы носим в себе свою Библию, и свою Книгу Екклесиаста, и свое Откровение.

• Тихие стихи — так же, как есть белые стихи.

• Древнееврейский язык. Прикасаюсь к нему устами, как к священной книге. В его буквах замкнуто время. Здесь ступают Саул и Давид, и поэт-изгнанник плачет на этом языке. Даже тишина говорит по-древнееврейски. Бог молчит на этом языке.

• То, что пишешь, всегда должно быть свидетельством. Это единственное достоинство литературы. Все остальное — искусственность, а не искусство.

Есть люди, которым надо было бы дать в руки перо: «Пиши!» Но есть и такие, у кого перо следовало бы отобрать. Пусть бы немого помолчали. Тогда они начнут писать себя. Дети так живут. На первый взгляд, бессознательно, а ведь в детстве всё записывается в себе глубже и прочнее.

• Мои занятия древнееврейским продвинулись довольно далеко. Я уже воспринимаю великолепную структуру этого языка, его здания-биньяны. Каждый биньян меняет, иногда совершенно, значение слова. Древнееврейский язык обладает несравненной сжатостью и силой словотворчества. Строгость и точность. Корни глаголов (коренья) обычно нуждаются лишь в трех звуках — из них, как из зерен, вырастают все формы. В различных, часто непохожих на корень формах таятся эти три звука, словно печати. Никакой перевод не в состоянии передать мелодику псалмов. Здесь происходит какое-то естественное волнообразное колыхание фразы, в котором, однако, есть глубокая необходимость. Свободные и в то же время строгие стихи — идеал поэзии.

Занятия отнимают у меня много времени. Я веду целые горы своих собственных словарей, обычных, тематических, тетради с цитатами, с идиомами, со склонениями и спряжениями.

Иногда у меня возникает впечатление, что это нереальный язык, какая-то фантастическая постройка, в которую меня впустили, как во дворец из сна. Это вытекает из полного бескорыстия моего ученья, ибо, пожалуй, лишь с Господом Богом я могла бы говорить по-древнееврейски.

• Поэзия выражает боль жизни, как бы мы ее ни понимали, какую бы меняющуюся со временем функцию ей ни приписывали. Или иначе: она есть ***усилие*** преодолеть боль.

• Перевести в поэзии значит: прочитать как можно более глубоко.

В переводе сильнее всего сопротивление родного языка. Надо всё лучше знать родной язык, пробудить все его возможности, оттенки, значения, одушевить его суровость, извлечь из него блеск, пригашенный постоянным употреблением.

• Я всегда ощущаю что-то подозрительное в понятии красоты. Может, это вытекает из опасения, что сублимированная «красота» оставляет за своими пределами реальную действительность, в которой все смешано, где нет ни чистой красоты, ни чистого добра. Понятие красоты тем самым противоречит истине о сложном, запутанном мире, противоречит истине.

• Кажется несомненным, что художественное творчество тесно связано с жизненной силой человека, с его эротизмом в платоновском смысле слова. Случаются и чисто умственные произведения, но им не хватает силы, размаха и внутренней музыки.

• Туман. Люблю просыпаться в тумане. Контуры мира стерты, звуки подавлены. Встаешь как в мягкой вате. Или дождь, когда небо в тучах спускается, снижается, чтобы поравняться с землей. В дожде всегда есть что-то освежающее, очищающее, стихия, в которую легче всего погрузиться с головой.

• ***Знание*** в мистическом смысле — это не юродство. «Потому что немудрое Божие премудрее человеков» (1 Кор 1:25).

• В последнее время не говорят, что пишут стихи, статью, эссе, а — пишут тексты. И это действительно тексты.

• Стихотворение должно быть пришпилено к миру конкретностью, некрасивостью. Жизнь прицепляется страданием. Иначе стихотворение исчезло бы, а жизнь улетела.

• Жаркие дни. Открытые окна. Однообразный шум города. И вдруг в этом шуме я слышу освежающий, из всего выбивающийся звук — топот конских копыт.

• Писать стихи бестелесные, почти без слов, приближаться к невозможности, где исчезает искусство, а становится Слово. Мне трудно писать стихи. Но это так, словно входишь туда, где воздух всё более разрежен, всё труднее дышать.

• Библейский бестиарий. Хотела бы я еще это написать.

• Сколько раз при писании стихов я вычеркивала даже союз «и», потому что уже он кажется мне пустословием.

• Постепенно ухожу из своего тела.

Выбрал ***Л.Ш.***

Анна Каменская

Перевод Натальи Горбаневской

БЕЛАЯ РУКОПИСЬ

Фрагменты

Памяти Яна Спевака

Анна Каменская

И это — счастье
идти стихами твоих мыслей
откидывать волосы со лба
моего лба твоего
и глаза открытые мои глаза твои
поднимать к синеве лета
ты в одиночестве я
и смотришь в небо смотрю
отлетающее
стол стоит у окна
липа нам сыплет на рукописи пыль
собираю ее теперь
пчела запоздалая
за мёдом запоздалым
каждая буква готовится отлететь
каждая крылышки чистит
смотришь удивленный
я думал умереть это значит
не уметь любить тебя
летят в твои руки
черно-белые буквы
и каждая ошибка
каждый пропущенный письменный значок
приглашает тебя на танец
на бытие

Paulina Zielona

◆

Идти аркадами твоих мыслей
ощущать на губах тяжесть слов
а это пальцы молчания
идти всё глубже дальше
в гущу мыслей в толпу корней
идти без надежды
без ожиданий
как камень
запертый в углах
своего кристаллического свершения

◆

Все фотографии подлетают
сражаются улыбками
глаза рот руки
обращаются указуют
распространяют обманы
фальшивки выдуманные тем хуже
что одеты в правдоподобие
притворяются что подмигивают
что улыбаются
дуются
вращаются вокруг оси
подбираются к очам как ночницы
это не ты
не ты

◆

Плачея
бьющая в рукописи лбом
раздирающая сухие бумаги
раскачивая тяжкое тело
лбом колотясь о стенки шкафа
причитальщица с грудью разодранной до смертной крови
перед закрытыми воротами
усердная как на своих похоронах
вопящая
отворись земля

◆

Это лишь трагедия геометрии
две прямые пересеклись в пространстве
и отскочили друг от друга в бесконечность
так зачем же Евклидову точку пересеченья
оплакивают слезами

◆

Словно палевый Днепр
пахнущий горькими травами
что бежал в веселой компании вихрей
вдруг стал дыбом
и мокрым лбом ударясь о небо
рухнул на соленую землю
Только ржаная солома волос
плыла тепло
над холодным лбом
с маленьким голубым шрамом
который мать обезболивала губами
над другим шрамом от лопаты
которую уронил соузник
и откуда кровь потекла на снег
а теперь так лишенный боли
как сугроб снежной пурги
под которым лежат два зеленых замерзших
озера глаз
и захлопнутый рот

◆

Стихи истекают из вен
несудоходные моря слов
окаменелый голос
высохший на солнце одиночества
шепот просыпающегося песка
Где ты где ты
живой из крови и плоти
чтобы я могла прикоснуться
собственным телом прикрыть окружить
в дыхании задержать
в касании удостоверить
Не нужно мне другое бессмертие
кроме бессмертия тела
Боже всё к чему ни притронусь
отпадает от меня всё чего ни пожелаю
умирает всё что призываю
отходит
В каких плодах еще пульсирует
сок наших лет
в каких оживает вкусах и красках
Здравствуй же
мудростью времени
уходящего и одновременно длящегося
всем что проходит незамеченным
незамечаемым
Глубоки пропасти слов
как же мне их перейти
разве что птица крылом их взвесит
и понесет к твоим устам
горстку моего языка
крик моего сна

Лешек Шаруга

ПОЭЗИЯ МОЛИТВЫ

Анна Каменская (1922-1986) впервые напечаталась в 1945 г. на страницах еженедельника «Одродзене» («Возрождение»). В 1949 г. вышел ее первый сборник стихов — «Воспитание». В своем творчестве, как и большинство писателей ее поколения, она не избежала соцреалистического эпизода, однако после 1956 г. начала создавать свой собственный поэтический язык, в чем ей несомненно помогал ее интерес к народной литературе, в том числе и русской (она издала сборник переводов русской народной лирики «Полынные зелья»), а позже и постоянно углубляемое изучение Библии: в поисках истоков Писания она пошла вглубь тайников древнееврейского языка.

Переломным в ее творчестве стал сборник «Белая рукопись» (1970) — цикл траурных стихотворений-плачей, написанных после смерти мужа, поэта Яна Спевака. Опыт утраты и одиночества, интенсивность его переживания привели к тому, что немощь перед словом Каменская превратила в поэтическое средство выразительности. Вторгаясь в область молчания, в пространство Несказуемого, она пересекла границы формальной «правильности» во имя искренней правды, поддержанной личным опытом и болью молитвы. В одном стихотворении она подчеркивает:

Молитва не отворит неба
темнота смешается с кровью
развернутся пальцы мертвых предметов
выпустят нас из рук

То, что преходяще и до боли конкретно, в то же время исчезает, уходит. Созерцание мира в этих стихах поднимает героиню над преходящестью материи. Произведения Каменской, оставаясь похвалой бытию — единственному и неповторимому дару, — устремляются к мистике, точкой отсчета которой становится не столько истина познания, сколько этика существования, сосредоточенность на ответственности за ход вещей и за других людей.

Ее «Записная книжка», в котором она также посвящает много места жизни и поэзии, творит личность, названную. в стихотворение Милоша доброй: «Добрый человек, — пишет Милош, — не обучится хитростям искусства». Но вопрос об искусстве и его хитростях не стоит в поэзии Каменской. Эта поэзия создает пространство встречи с другим человеком — с живыми и мертвыми: она есть стремление отыскать общность даже ценой отказа от того, чтобы быть «хорошим поэтом». Впрочем, взгляд Милоша и взгляд Каменской не исключают, но дополняют друг друга. Милош, как он писал в одном стихотворении, служит «родной речи»:

Моя верная речь,
может, все-таки мне положено тебя спасать.
Вот и буду по-прежнему ставить перед тобой блюдечки с красками
светлыми и чистыми, если это возможно,
ибо в несчастье нужна какая-то гармония или красота.

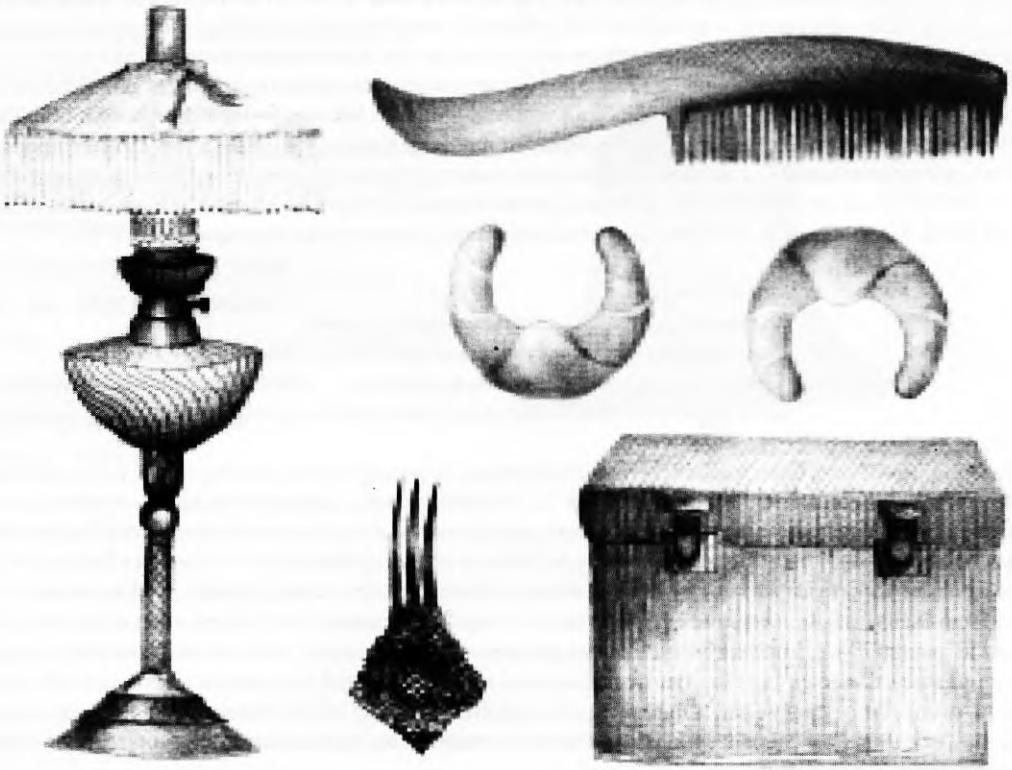
Того же по сути дела ищет в своей поэзии и Каменская. Разница состоит, однако, в том, что основополагающий вопрос для Милоша — форма, а значит, как бы это ни толковать, приоритет отдается эстетике, а не этике. При этом не теряет значения родственность обоих художников, вытекающая из их интереса к Библии; оба они, каждый по-своему — Каменская как толкователь, Милош как автор переводов — толмачи Библии. И, значит, из того же самого опыта вырастают у Милоша «поиски более вместительной формы», а у Каменской — то, что можно было бы назвать молитвенной формой поэзии. Верно описывает опыт автора «Белой рукописи» Ивона Смолька: «С конца 70-х (...) поэзия была не важна или намного менее важна, чем само внесловесное, созерцательное стремление к Смыслу. (...) Она уже не добивалась художественной выразительности, способа передачи, метафор, стиля, силы сравнений. Она трудилась над Истиной». И ей не нужно было учиться «хитростям искусства», ибо не в этом направлении устремлялось ее творчество, расположенное в молитвенной сосредоточенности, на границе молчания.

Чеслав Милош

Перевод Натальи Горбаневской

ЧИТАЯ «ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ» АННЫ КАМЕНСКОЙ

Читая осознал как она была богата а я беден.
Богата любовью и болью, плачем и снами, и молитвой.
Жила среди близких, мало счастливых, но помогавших друг другу,
Соединенных все обновляемым на могилах пактом живых с умершими.
Ее радовали травы, полевые розы, сосны, картофельные поля
И запахи знакомой с детства земли.
Не была выдающимся поэтом. Но это справедливо.



Моника Булай

ПАЛЬМЫ НА ПРОСПЕКТЕ НЕФТЯНИКОВ

Поляки в Баку

Вышки, выросшие посреди Каспийского моря, стали воплощением идеи, родившейся в голове польского инженера. Точнее их было двое, но первого никто не принимал всерьез.

Вертолет взмывает вверх. Я протискиваюсь между спящими служащими, узлами, выкрашенными перекисью волосами, цветами в декольте, обнаженными и крепкими бедрами. Это женщины-служащие нефтяного рая, они отправляются на работу, на самую середину моря. Запах баранины. Вертолет советского производства с азербайджанским триколором: голубой — цвет нации, красный — прогресса, зеленый — ислама. Далеко, над степями Туркмении, встает солнце.

Баку: горящие факелы, нефтяные вышки, тени от заводских зданий и погруженные в сон жилые муравейники эпохи Хрущева и Брежнева. Белый Город нефтяных магнатов, псевдоготика, псевдобарокко, стиль модерн и мечети. Внутренний Город — средневековый лабиринт переулков, символ азербайджанской культуры, которую при советской власти отодвинули на обочину. Конструктивизм 20-х годов и псевдо-Корбюзье. Черный Город — самый мрачный район. А потом вдруг — Апшеронский полуостров, ужасающая, бесплодная пустота.

Приземляемся на узкой платформе. На 50 километров вокруг — сплошь мосты, трубопроводы, насосы, вышки, лестницы, подвешенные над коричневой жидкостью. Я осматриваю первый трубопровод, первый барак, монументальный памятник рабочим, которых штормом сбросило в море, крохотный пруд с гипсовыми крокодилами, образцовую поликлинику и музей президента Алиева. Есть и мраморная доска, посвященная Нефтяным Камням — искусственному острову на сваях.

Нефтяные Камни стали металлоломом советской империи. В 40-е годы городом на сваях гордились в Советском Союзе, он были образцом для норвежцев и американцев, а сегодня здесь добывают нефти и газа меньше, чем на любой другой платформе. Вышки посреди Каспийского моря выросли из идеи, родившейся в голове польского инженера. Точнее, их было двое. Но первого никто не принимал всерьез.

Хвалился море поджечь

1873 год. В Баку вспыхнула нефтяная лихорадка. Очень быстро город стал одним из самых богатых и оживленных в мире. Баку, «Божий город», выросший на сухой, как перец, земле, где веками поклонялись огню, превратился в метрополию технического авангарда. В то время как Америка продолжает перевозить нефть парусниками, в бочках и жестяных бидонах, братья Нобели после нескольких лет пребывания в Баку начали отправлять нефть во все концы света пароходами. Баку, вавилонская башня, жемчужина Ближнего Востока. Так же, как Бейрут, Александрия, Каир или Стамбул, но языком бизнеса и культуры здесь был русский. Пришельцы не вполне ясного происхождения чувствовали себя здесь как дома. Азербайджанцы, армяне, лезгины, грузины, евреи и персы. Для поляков это место ссылки, «жаркая Сибирь». Но на рубеже веков тут начинают появляться не только бывшие ссыльные и их потомки — солдаты царской армии, но и великие таланты.

— Этот проект под номером 1274 был представлен в 1896 г. в горный департамент, — говорит историк Марек Лех. Он из Львова, католик, после женитьбы стал членом бакинской мусульманской семьи, увлеченно занимается «раскопками» прошлого, эрудит, заядлый путешественник, туристический агент, коллекционер жемчуга, бирюзы и кораллов. — И был это первый в мире проект добычи нефти с морского дна. Его автором был польский инженер Витольд Згленицкий.

Инженера сочли сумасшедшим, который похваляется море поджечь. Геолог Згленицкий, начальник горного надзора, сам выкупал участки, отмечал нефтеносные районы, разрабатывал всё новые и новые патенты. Перед смертью он завещал бóльшую часть своего имущества Кассе им. Мяновского, фонду, поддерживавшему развитие польской науки. Идеи Згленицкого после его смерти подхватил и продолжил инженер Павел Потоцкий. Он, однако, решил сначала засыпать залив Биби-Эйбат. Голландская школа: сначала — плотина, потом — дамба, а сверху — горы песка. В песке он бурил скважины и ставил вышки. Он не успел увидеть советский Баку: в 1919 г. вследствие глаукомы он потерял зрение. Незрячий инженер из рода графов Потоцких по-прежнему руководил строительством вышек и их обслуживанием. От новых властей он получил охранную грамоту, дававшую ему неприкосновенность, право подписывать счета и свободу в принятии решений. Ленину требовалась нефть. Через несколько лет над засыпанным заливом забил черный фонтан.

Квартира Трофимовых. Комната, в которой жил Есенин

Будуарчик

В 2000 году и.о. польского посла в Баку докладывал: «Поляков в Баку нет». Я ищу тени.

Ядвига Казимировна Ивановская приветствует меня напевным «Дзень добры» и потчует горячим чаем.

— Дедушка, родственник Сапег, проиграл имение в карты. Отец сбежал из царской армии. Работал тут у Ротшильда и братьев Нобелей. По нефтяному делу.

Будуарчик с портретами предков, образки. Молитвенник — «тысяча девятьсот шестой год, Краков, вознесем сердца горé, молитвенник для обоего пола».

— Бабушка крестила меня в польском костеле. В 30-е годы его снесли. Мама с папой плакали, такое горе. Плошко проектировал. Внутри было сказочно красиво, свет и картины, а в высоту — на 11 этажей. На развалинах костела выстроили дом культуры НКВД. А потом был 1937 год, ссылали в Сибирь, на Колыму. Мама побросала книги в печь, оставила только «Пана Тадеуша».

Другая лестница: широкая, мраморная. Открывают сестры Трофимовы. Младшая, Вера Георгиевна, в роговых очках, — инженер-энергетик, учит польский язык по пластинкам. С воскресенья начнет посещать первые открывшиеся здесь курсы польского языка при католическом приходе. Стыдливо показывает крестик: «Вчера я стала оглашенной, теперь меня зовут Мария».

— Она еще молодая, 38-го года, некрещеная, — старшая, Ирина Георгиевна, любит рассказывать давнишние истории. — Дедушка, ксендз, сбежал с барышней из рода Тышкевичей. Потом он стал генералом. Наши родители только в день свадьбы признались друг другу в своем аристократическом происхождении. Лучше было не знать.

От буржуазных апартаментов, превращенных в коммуналку, уцелела одна комната, угол с плитой. На стенах оборванные дореволюционные обои в цветочек. Они помнят визит Есенина. Коллекции странных гигантских бабочек, собранные на рубеже веков. Сборники стихов.

— К нам приходят бакинские поэты, студенты. Говорят, что здесь такая аура. И Европа. Им хочется посидеть у стола, за которым писал стихи Есенин.

Ирина Георгиевна раскладывает семейные альбомы. Офицерские галуны старательно вырезаны ножницами.

— Это был 1938-й, страшный год. А вот Юзеф Гославский, из бабушкиной семьи. Он приехал в Баку в 1892 г., чтобы строить собор Александра Невского. Собор снесли вместе с костелом Пресвятой Девы Марии, руками заключенных: мусульмане отказались — они ведь жертвовали средства на его возведение.

Гославского назначили главным архитектором Баку (после него, до прихода большевиков в 1920 г., этот пост занимали только поляки). Он проектировал монументальную ратушу, дворец Тагиева, занимавший целый квартал. Дома с галереями, обращенными на север, откуда летом дует прохладный ветер.

— Он создал бакинский модерн, — говорит Ирина.

Польский рыцарь возле собора

В Баку на рубеже веков состояния создавались за один день. Самыми богатыми стали местные роды «татар», как тогда называли азербайджанцев, людей ниоткуда, часто неграмотных. Тагиев был каменотесом, Мухтаров возил товары в Тифлис, в отчем доме Нагиева не всегда хватало хлеба. Богатые «татары» путешествовали, осматривали Европу. Потом они учреждали на свои деньги школы для девочек, театры и газеты, финансировали научные исследования и благотворительные заведения. В 1918 г. Азербайджан провозгласил независимость и, опережая реформы Кемаля Ататюрка в Турции, стал первым мусульманским государством, где женщины имели избирательные права.

Светлая венецианская готика — Исмаилия, которую называли «архитектурной симфонией», — стала шедевром другого польского архитектора, Плошко. Недавно весь город: христиане, евреи и мусульмане — собирал средства, чтобы привести в порядок стены этого старинного благотворительного центра, основанного «татарским» богачом Нагиевым. Вернулись на место суры Корана, исчезли советские звезды. Рядом стоит изящное здание мусульманской женской школы, еще один шедевр Гославского. Портал оплетен языками пламени: огонь — символ Баку.

А на крыше каменного дома миллионера Мухтарова, построенного в псевдоготическом стиле, стоит польский рыцарь.

— Напротив Гославский возводил собор Александра Невского. Полумесяц, который должен был украшать дом Мухтарова, ранил чувства христиан, — говорит Марек Лех. — Поэтому Плошко заменил его польским рыцарем. Теперь это единственное напоминание о соборе.

Красные туфельки

Серый бетон, отваливающаяся штукатурка, наполовину ампутированные перила. Газовые трубы окаймляют дверь. Галина Константиновна Савержевская в красных туфельках ведет меня на последний этаж «хрущевки».

— Бабушку по линии отца звали Елена Владиславовна Бжезинская, по матери она была Ржевуская. Отец командовал кавалерийским эскадроном в Красной армии, в революцию воевал с меньшевиками. Во время II Мировой войны пропал без вести, не вернулся с фронта. Мама, гречанка, ходила в православную церковь, но крестилась слева направо. Говорила: не ищи предков, КГБ замучит. Она работала на телеграфе, знала, кого должны были забрать. Один родственник с бабушкиной стороны говорил, что кузен Бжезинский стал польским дипломатом. Вроде бы это был отец Збигнева Бжезинского. Я видела его по телевизору, с Алиевым. Збигнев — умный человек. Я привыкла к мысли, что он наш родственник.

Ржавая вода капает из пустых кранов

— Ходили с транспарантами: «Долой русских, армян, евреев». Это был 1991 год. Я продала семейные реликвии, но деньги в одночасье превратились в кучу мусора, и пришлось остаться. Теперь продам квартиру, поеду умирать в другое место.

«I» без точки

— 90-е годы, — рассказывает мне старая азербайджанка, — принесли и хаос, и надежду. Война с Арменией, взаимная резня, советские ракеты, нацеленные на Баку. Первыми пошли на снос памятники. У некоторых только головы поменяли. Потом сменили алфавит.

При ее жизни — уже в третий раз. В 1918-м — с арабского на латиницу, в 40-е — на кириллицу, по распоряжению Сталина.

— Теперь у нас «i» без точки, то есть турецкая латиница. А в фамилиях самое главное — окончания. Армянское стало опасным. У большинства — русские. Но можно вернуться к персидскому или турецкому.

Пирожные на Пурим

Семен, раввин Баку, православный епископ Алексий и глава шиитов Закавказья шейх Паша-заде ездят на одной и той же машине на дипломатические приемы, встречаются в храмах, возле пиров — каменных святилищ, почитаемых народом. Шииты бьют поклоны плечом к плечу с суннитами, а открытие новых мечетей празднуют и христиане, и евреи. Раввин Семен советует мне, закусывая пирожными, испеченными на Пурим, праздник еврейских детей: «Читай Коран, читай, там наши пророки названы по имени». Не видно и следа религиозной монополии мусульманских народов.

В 1991 г., после обретения независимости, на смену советскому атеизму пришла светская конституция современного государства. Может быть, это знамение Заратустры, символ первой религии этой страны, впитавшей как губка, анимизм, иудаизм, христианство и ислам. И всяческие ереси.

Могила

Могила Павла Потоцкого расположена на берегу залива Биби-Эйбат. Ветер. Развалины. Искореженные стальные конструкции. Тут ничего не вырастет, не расцветет. Потоцкий отнял у моря бакинскую нефть. Но море берет реванш, соленая вода убивает пальмы на проспекте Нефтяников.

DUŻY FORMAT

Автор благодарит Марека Леха, превосходного экскурсовода по Баку, польские авиалинии «Лот» и польское посольство в Баку.

Ян М. Фийор

ЛУЧШИЕ КАДРЫ ПОЛЬСКОЙ ЭМИГРАЦИИ,

или поляк все сумеет (за границей)

Могут ли представители Полонии быть для поляков тем же, что ирландские эмигранты для Зеленого острова? Да, с уверенностью утверждает профессор Ян Лабановский, биохимик из американского университета Нотр-Дам. По его оценке, в «лучшую кадровую команду» польской эмиграции могут, например, войти две тысячи научных сотрудников, которые трудятся в университетах США и занимаются преимущественно высокими технологиями

— Еще столько же — это менеджеры и специалисты высокой квалификации в американском технологическом бизнесе, — высчитал Ян Крынский из Американо-Польской экономической палаты в Чикаго.

Польские эмигранты — уже не только производители колбас из чикагского района Джекоу, владельцы строительно-ремонтных фирм из Гринпойнта или ремесленных мастерских в Хэмтрэмке. Это люди, которые сумели «перековать» свои идеи в деньги, действуя в самых современных отраслях. И это большие деньги! Например, собственность Эндрю Филиповского превышает 500 млн. долларов, Теда Витковича — 300 миллионов, Зигмунда Свитковского — 150.

— Среди стран, где я мог бы делать капиталовложения и где существует подходящий экономический климат, я неизменно выберу Польшу. Свои должны поддерживать своих, — считает профессор Петр Монцаж, бизнесмен из фирмы «Экспонент» и преподаватель Стэнфордского университета.

— В Польше по-прежнему нет подходящих условий для бизнеса, — утверждает, однако, Филиповский, который в 1999 г. ликвидировал свой польский филиал. И это ответ на вопрос, почему другим удается вовлечь в экономические проекты своих самых способных и самых богатых эмигрантов, а нам — нет.

Александр (Алек) Шлам, 52 года
Место рождения — Клодзко.
В эмиграции с 1969.
Место жительства — Атланта, США.
Специальность — электроника, информационные технологии.
Состояние — 20 млн. долл.

В США выехал за год до окончания Вроцлавского электромеханического техникума. Получив в Технологическом институте штата Джорджия в Атланте диплом с отличием, несколько лет работал в фирме «Локхид Мартин». Запатентовал такое популярное устройство, как экспедилер (автомат для телефонных разговоров), а также телефонный идентификатор. Журнал «Форбс» сравнил его с Эдисоном и Беллом. Не без оснований: у Алека Шлама 50 патентов. А еще 170 его изобретений ожидают регистрации.

В 1978 г. он начал производство экспедилера, затем организовал фирму компьютерных программ «Мелита» (слившуюся впоследствии с фирмой «и-Шер»). Фирмы Шлама заслуженно оказались на компьютерной бирже «Насдак»: «Мелита», например, располагала филиалами в 46 странах мира, в том числе и в Польше.

В 2001 году «и-Шер» (стоимость 750 млн. долл., 100% акций принадлежали Александру Шламу и его жене Галине) перешла под управление фирмы «Дивайн», которая в результате ошибочных решений ее руководителя обанкротилась. Шлам лишился значительной суммы; он рассчитывает вернуть часть капитала в ходе идущего судебного процесса о несостоятельности фирмы. Затем он создал (вместе с другим польским эмигрантом — Богданом Гилем) новую интернетную фирму.

Петр Сушицкий-Танака, 35 лет
Место рождения — Ополе.
В эмиграции с 1986.
Место жительства — Иокогама, Япония.
Специальность — информационные технологии.
Состояние — 15 млн. долл.

Выехал из Польши в КНР на медицинскую учебу, которую прервал в 1989 г., после кровавой расправы со студенческими демонстрациями на площади Тяньанмынь. Во время учебы познакомился со своей будущей женой Ацуко, с которой и переехал в Японию. В Токийском университете прошел курс управления заграничными предприятиями. После университета несколько лет работал в японском металлургическом гиганте «Ниппон-стил», занимаясь экспортом стали.

В 1999 году основал в Иокогаме сервисную фирму NCM в секторе информационных технологий, которая ежегодно увеличивает свой оборот на 90% и уже имеет филиалы в Польше, на Филиппинах и в Таиланде, где обслуживает в числе прочих клиентов и компьютерную сеть королевской семьи. В ближайшее время NCM намеревается открыть представительства во Вьетнаме и Камбодже.

Петр Монцаж, 45 лет
Место рождения — Познань.
В эмиграции с 1975.
Место жительства — Сан-Франциско, США.
Специальность — информационные технологии, энергетика.
Состояние — 18 млн. долл.

Выехал в США после окончания средней школы. После учебы на строительном отделении Колорадского университета защитил диссертацию в Стэнфорде. Вскоре стал вице-президентом и главным экспертом фирмы «Фейлер анализис», известной сегодня как «Экспонент» и вошедшей в престижные списки «Насдака».

Петр Монцаж — один из главных пайщиков «Экспонента». Профессор Стэнфордского университета, он занимается также научными исследованиями. Считается выдающимся специалистом в области диагностики причин строительных катастроф.

Тадеуш (Тед) Виткович, 53 года
Место рождения — Кодень.
В эмиграции с 1965.
Место жительства — Бостон, США.
Специальность — физика, информационные технологии.
Состояние — 300 млн. долл.

Выехал с семьей в Канаду, окончил физфак в Торонто (до того учился в Варшаве), работал несколько лет в канадской телекоммуникационной отрасли, в том числе в «Нозерн телекоме».

Последние 23 года трудится только в собственных фирмах. Основал и продвинул на биржу «Насдак» фирму «Артел», которую позднее выкупил концерн «3 Ком».

Следующим начинанием Витковича была фирма «Кросс комо» по производству компьютеров, управляющих сетями (в течение некоторого времени она была конкурентом сетевого гиганта «Сиско системс»).

Четыре последних года Виткович работает в «Адлексе», своей третьей по счету компьютерной фирме. В ее гданьском филиале «Адлекс-Польска» заняты 60 программистов; фирма успешно действует на европейских рынках. В этом году «Адлекс» будет вписан в реестр «Насдака».

Зигмунт (Зигги) Свитковский, 56 лет
Место рождения — Гданьск.
В эмиграции с детства.
Место жительства — Мельбурн, Австралия.
Специальность — физика, информационные технологии.
Состояние — 150 млн. долл.

Эмигрировал с родителями сначала в Германию, затем в Австралию. Его жена Ядвига — полька. Окончив физфак Мельбурнского университета, начал научную карьеру, став в 25 лет профессором. Двумя годами позже покинул вуз и занялся бизнесом.

В течение нескольких лет руководил филиалом «Кодака» в Тихоокеанской зоне — этому предприятию под его началом, согласно рейтингу журнала «Форчун», неоднократно присуждалось звание международной фирмы года.

Затем Свитковский стал шефом «Опутса», одной из самых крупных австралийских телекоммуникационных фирм. После чего ему предложили работу в обслуживающей Тихоокеанский регион фирме «Телстра», пятом в Австралии по величине акционерном обществе (капитал — 30 млрд. долл.). На протяжении четырех с лишним лет Свитковский остается председателем наблюдательного совета этой фирмы и ее директором с годовым окладом свыше 2,5 млн. долл.

Сейчас «Телстра» находится в стадии приватизации, направленной на то, чтобы удвоить ее рыночную стоимость. Благодаря этому она станет самой крупной фирмой Южного полушария. Свитковский также имеет долевое участие в менеджерских акциях своей фирмы, оцениваемое в 80 млн. долл.

Изабела Роман, 50 лет
Место рождения — Сопот.
В эмиграции с 1978.
Место жительства — Чикаго, США.
Специальность — биохимия, фармацевтика.
Состояние — 100 млн. долл.

Выпускница Гданьской медицинской академии. Окончив аспирантуру по биохимии, получила возможность стажироваться в университете штата Вашингтон в Сиэтле, где в течение нескольких лет занималась научной работой. Пять лет назад вместе с мужем создала частный исследовательский центр (свыше 250 научных сотрудников), осуществляющий клинические исследования по заявкам фармацевтических фирм.

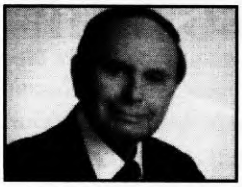
Год назад корпорация TRA была продана (почти за 100 млн. долл.) гиганту на рынке медицинских услуг — акционерному обществу IPG, занимающемуся, в частности, маркетингом в сфере здравоохранения.

В 1999-2002 гг. Изабела Роман была председателем Американской академии врачей-фармацевтов.

Эндрю Дж. («Флип») Филиповский, 53 года
Место рождения — Краков.
В эмиграции с детства.
Место жительства — Чикаго, США.
Специальность — информационные технологии, Интернет
Состояние — 500 млн. долл.

Дебютировал в акционерном обществе «Каллинет», которое, прежде чем разросся «Майкрософт», было самым крупным в мире предприятием по производству компьютерного обеспечения. В 90-е гг. основал DBMS, свое первое предприятие, производящее компьютерные программы, а затем вошел в реестр «Насдака» с фирмой «Платинум технолоджи». В 1999 г. Филиповский продал ее фирме «Компьютер ассошиэйтс» по рекордной для того времени цене 3,6 млрд. долл. Очередным его начинанием было создание фирмы «Дивайн», которая после почти четырех лет успешной деятельности, приносившей около 800 млн. долл. в год, объявила в феврале 2003 г. о своей самоликвидации.

Два года назад мультимиллионер основал новую фирму «Силк роуд тек», которую готовит к выходу на биржевую арену. Перед кризисом сектора новых технологий состояние Филиповского достигало миллиарда долларов.



Феликс Зандман, 74 года
Место рождения — Гродно.
В эмиграции с 1946.
Место жительства — Филадельфия, США
Специальность — физика, электроника.
Состояние — 260 млн. долл.

В США приехал в 60-е гг. (до этого жил во Франции, где получил диплом и защитил диссертацию по физике в Сорбонне). Основатель, главный акционер (свыше 7% долевого участия) и председатель электронной фирмы «Вишей интертекнолоджи», в которой занято 20 тысяч человек. Фирма имеет филиал в Израиле, а ее ежегодные доходы превышают 2 млрд. долл.

Автор многочисленных научных трудов, имеет много наград, в том числе польскую медаль «За заслуги». Журнал «Форбс» считает его одной из самых влиятельных фигур в американской электронной промышленности.

Витольд (Виктор) Маркович, 59 лет
Место рождения — Варшава.
В эмиграции с 38 лет.
Место жительства — Нью-Йорк, США
Специальность — информационные технологии.
Состояние — 360 млн. долл.

Окончил математические факультеты в Варшаве и Хайфе. В США создал фирму по производству программного обеспечения «Математика». Одним из ее первых клиентов была макрофирма «Набиско», производитель пищевых продуктов, а затем владельцы лотерейных сетей в Нью-Джерси. Маркович создал первую полностью компьютеризированную систему игры в лото.

Через некоторое время его фирма трансформировалась в зафиксированное в реестре «Насдака» объединение «Дж Тек». После десяти лет деятельности оно имело филиалы в 50 странах мира, в том числе и в Польше, а ежегодные доходы достигали 400 млн. долл. В 1998 г. Маркович (вместе с партнером) продал «Дж Тек» и разместил капитал в консалтинговой фирме «Мейви менеджмент» и в корпорации венчурного капитала «Сноу Марк» (с капиталом около 600 млн. долл.).

Кшиштоф Аппельт, 51 год
Место рождения — Познань.
В эмиграции с 1975.
Место жительства — Сан-Диего, США.
Специальность — биохимия, фармацевтическое производство
Состояние — 60 млн. долл.

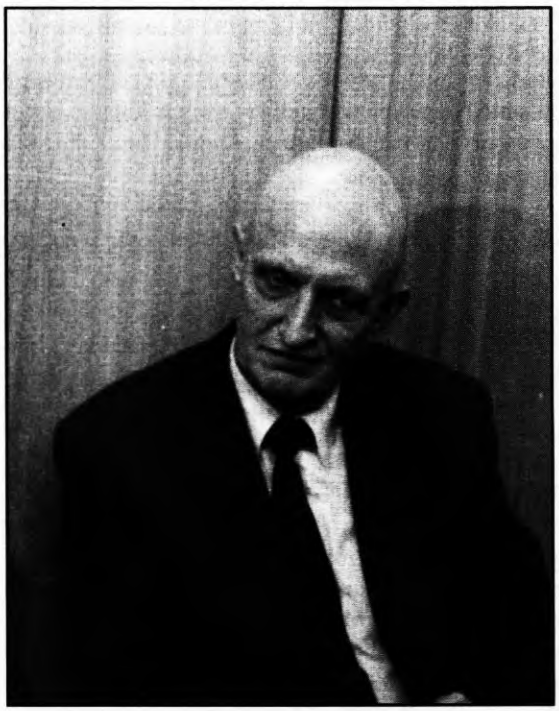
Окончил биофак Познанского университета им. Адама Мицкевича. Диссертацию защитил в Институте Макса Планка в Германии. В 1977 г. выехал работать в университет Сан-Диего (Калифорния). Ему было предложено место в биотехнологической фирме «Агурон фармасевкэлс», где он разработал «Вирацепт», одно из первых и наиболее известных лекарств против СПИДа. Фирма «Агурон», где он был пайщиком, в 1999 г. была продана Пфицеру. Аппельт стал в то время партнером фармацевтической фирмы «Кворекс», где занимался созданием антибактериальных лекарств. Он создал антибиотик семейства ингибиторов джираза-Б (начат процесс регистрации этого препарата). В настоящее время «Кворекс» (оприходованная стоимость около 250 млн. долл.) готовится к дебюту на бирже «Насдак».

wprost

Гжегож Пшебинда

АНДЖЕЙ ДРАВИЧ — ЖИВОЙ И СВОБОДНЫЙ

В седьмую годовщину кончины



Он умер 15 мая лета Господня 1997-го, как раз в день рождения своего любимого писателя Михаила Булгакова. Если бы он был жив — а зачем умирать рано утром здоровому, живому и обаятельному мужчине, которому всего-то 65 (таким мы запомнили его в Кракове)? — так вот, если бы он был жив, он высмеял бы встречающиеся иногда в польских газетах заявления о «слабости и старении «Мастера и Маргариты»», об острой «необходимости написать эту книгу заново...» (так говорил весной 2002 г. Кристиан Люпа, ставивший тогда «Мастера и Маргариту» на сцене краковского Старого театра). Впрочем, если кто хочет, пусть пишет — в конце концов, как говорил Достоевский, «все позволено». Между тем у многих из нас, учеников и друзей Анджея, верных читателей Булгакова сегодня и в прошлом, Дравич до сих пор стоит перед глазами как живой. Вспомним строки из стихотворения «Марбург» Бориса Пастернака, одного из любимых поэтов Анджея:

Тут жил Мартин Лютер. Там — братья Гримм.
Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.
И все это помнит и тянется к ним.
Все — живо. И все это тоже — подобья.

О, нити любви! Улови, перейми.
Но как ты громаден, отбор обезьяний,
Когда под надмирными жизни дверьми,
Как равный, читаешь свое описанье!

Как равный — именно так Анджей Дравич встречался и разговаривал со многими живыми легендами свободной русской литературы — в России, Польше, Париже и во многих других местах. Он знал Анну Ахматову, бывал у Надежды Мандельштам, встречался с вдовой Булгакова. Он любил говорить, что «в России нужно жить долго, а потом еще иметь хорошую вдову». Только благодаря русским вдовам сегодня мы можем читать стихи Мандельштама и «Мастера и Маргариту». Если бы не они, русские вдовы, советской госбезопасности действительно удалось бы отправить эту литературу в небытие. Дравич дружил с Иосифом Бродским, хорошо знал Юрия Трифонова, Андрея Синявского, Владимира Максимова, Георгия Владимова. Владимовского «Верного Руслана» он перевел на польский и в начале 80-х годов теперь уже прошлого, XX столетия очень рекомендовал его своим краковским студентам (других у него тогда не было: Варшава выставила его за порог университета). Будучи одним из тогдашних учеников Дравича, я с волнением и доверием слушал его наставления: «В моем личном каталоге, — говорил он, — «Верный Руслан» Владимова — одна из самых важных русских книг».

Он знал и искренне любил еще очень многих русских. Простите мне очередные воспоминания, но ведь, наверное, именно так — лично — мы должны поминать наших живых усопших. Когда в 1986 г., впервые выехав в Европу, я начинал знакомиться с русским литературным Парижем, рекомендации Дравича открывали передо мной все

двери. Владимир Максимов, Наташа Горбаневская, Андрей Синявский, Ирина Иловайская-Альберти — все они, услышав фамилию Анджея, становились еще теплее и сердечнее. Когда в конце 1994 г. «Тыгодник повшехный» поручил мне взять интервью у Булата Окуджавы, я, конечно же, попросил Анджея помочь мне — и в московской квартире Булата в Безбожном переулке его рекомендательное письмецо тоже возымело магическое действие. Когда-то «Тыгодник» напечатал стихотворение Окуджавы «Замок надежды» в переводе Дравича, сидевшего тогда в лагере для интернированных:

Я строил замок надежды. Строил-строил.
Глину месил. Холодные камни носил.
Помощи не просил. Мир так устроен:
была бы надежда. Пусть не хватает сил.

Сизиф Окуджавы, в поте лица катящий наверх свой тяжелый камень, — таков был герой Дравича в трудные 80-е. В мае 1983 г. Анджей написал: «Не надо пытаться искать ответ на русский вопрос. Достаточно честно задать его и не подсказывать неправду». Он хотел, чтобы поляки задавались этим вопросом, и потому, например, призывал их читать Андрея Платонова, которого наряду с Булгаковым, Зощенко и Бабелем считал величайшим русским прозаиком XX века: «Надо странствовать вместе с Платоновым по следам его героев — сначала далеко вглубь, а затем наверх (...) И оттуда, из глубины, надо отправляться в его края и в материализовавшуюся в них историю. Тот, кто поймет до конца, наверное обретет свободу».

Он очень не любил, когда кто-нибудь — неважно, сами русские или их польские попугаи, — говорил: «Умом Россию не понять». Он был убежден, что подобные метафоры могут играть роль самосбывающихся предсказаний, в условиях же перемен в новой России они явно не ко времени, так как ведут к апатии ума и бездействию. Основой размышлений Дравича о России всегда была мысль о том, что «русские — тоже люди». Не все у нас понимали это, а многие до сих пор не понимают, слишком часто отождествляя такую точку зрения с прокоммунистическими и великорусскими симпатиями.

Впрочем, мне и самому казалось тогда, что, поддерживая в своих статьях Михаила Горбачева и даже называя его «русским интеллигентом в действии», Дравич непростительно ошибается. Однако в корне ошибались как раз антикоммунистические критики Горбачева. Самому мне помог осознать это Окуджава во время записи уже упомянутого интервью: «Когда-нибудь люди Горбачеву памятник поставят. Хотел он того, или нет, он сделал великое дело. Нынешние судьбы Европы, России и Польши связаны с его именем».

В 1995 г. в интервью, опубликованном в №24 журнала «Кресы», Дравич говорил о десяти годах преподавания в Институте русской филологии Ягеллонского университета: «Краковский центр русистики в Ягеллонском университете всегда пользовался доброй славой. До войны это была настоящая кузница польской русистики. Потом, во всё более тяжелые в смысле цензуры годы, в условиях идеологического контроля краковяне отличались смелостью и естественностью, которые повелевали им просто учить студентов, включая в программу неофициальных писателей. Я убедился, что в Кракове это не считалось конспирацией, но рассматривалось как нормальная научная деятельность и долг перед студентами. Все эти счастливые краковские годы я вместе с коллегами делал то, что мне нравилось. Надеюсь, что и нашим студентам это принесло некоторую пользу».

Да, принесло, и я могу засвидетельствовать это вместе с другими.

Войцех Карпинский

ТАЛИСМАНЫ НЕТОРОПЛИВОГО ПРОХОЖЕГО

I.

Ежи Стемповского еще до войны окружала легенда. После войны она только укрепилась. Он, однако, оставался в тени. Печатал немного. Сам он говорил, что не любит «чернить бумагу», — так он определял писательский труд. И в то же время его считали самым замечательным польским эссеистом XX века. Кем был этот, как он сам себя называл, «неторопливый прохожий», «одинокий странник»?

Родом он был из зажиточной помещичьей семьи, с XVIII века осевшей на Украине, из той «полуторной шляхты», лучшие представители которой обладали большими заслугами в польской интеллектуальной жизни. Его отец Станислав Стемповский, либеральный публицист, был ведущей фигурой польского масонства. Ежи Стемповский ходил в школу в Варшаве, продолжал учебу у частных учителей и в гимназии в Одессе, экзамен на аттестат зрелости сдал в 1911 г. в Немирове. Учился в Кракове, Мюнхене, Женеве, Цюрихе и Берне. Уже в отроческие и юношеские годы поражал всех необычайной эрудицией. Он жил в кругу разных культур, интересовался многими областями науки и искусства, знал много языков. Была ли у него какая-то одна страсть, придававшая направление его трудам и дням? Пожалуй, нет — он старался точно и отстраненно наблюдать мир. Внимательно и со скептической улыбкой он анализировал пульс общественной и интеллектуальной жизни. Его вполне характеризует анекдот, который он сам рассказывал: в годы его студенчества в Германии существовал Kirchensteuer, церковный налог; каждый постоянный житель должен был заявить о своем вероисповедании, в чью пользу он бы хотел вносить плату. Стемповский оставил соответствующую графу незаполненной. Вызванный в учреждение, где ему велели дать честный и правдивый ответ, он вписал: вольтерьянец. Годы спустя, просматривая немецкие статистические данные того времени, он прочитал в рубрике «вероисповедание»: «вольтерьянцы — 1».

Он бы мог оставаться зажиточным эрудитом-дилетантом, проводящим время в путешествиях и ученых диспутах. Первая мировая война и революция положили конец такому существованию. Семья лишилась имущества. В 1919 г. Стемповский вернулся из Швейцарии в Польшу. Недолго работал в министерстве иностранных дел, в качестве журналиста присутствовал на заседаниях Лиги Наций в Женеве. Потом был корреспондентом Польского телеграфного агентства в Берлине. В мае 1926 г. [во время военного переворота Пилсудского. — *Ред.*] работал в президиуме совета министров. С 1929 г. Стемповский отошел от правящей группы сторонников Пилсудского, получил должность в Государственном аграрном банке. С 1935 г. он преподавал на режиссерском факультете Государственного института театрального искусства, где обучал самостоятельному прочтению классических текстов. В памяти слушателей он остался как блестящий преподаватель.

К писательству Стемповский относился сдержанно, с недоверием. Возможно, потому что ставил перед собой самые высокие требования. Многие годы спустя, в очерке «Как чернят бумагу», открывающем его сборник «Эссе для Кассандры», он сам признавался: «Выход из молчания, которое кажется естественным состоянием мысли, — это своего рода отступление от ее амбиций». К счастью, он решился на такое отступление, совершил «выход из молчания». Еще до войны он написал несколько эссе, которые навсегда вошли в польскую литературу: «Пан Жовиальский и его наследники», «Химера как тягловый скот», «Полномочия рецензента».

В межвоенный период он дружил с многочисленными украинцами, белорусами, татарами, грузинами, оказавшимися после большевистской революции в Варшаве. Принимал он участие и в жизни русской эмиграции в Польше. В Варшаве Стемповский жил у друзей — Мечислава и Вихуны (Людвики) Реттингер. В то время он испытывал острое чувство надвигающегося несчастья, как в общественном, так и в личном плане. Не склонный к интимным признаниям, он точно сформулировал это в одном из своих писем: «В 1928-1929 гг. я принял решение разойтись с пилсудчиками, даже самыми умеренными, видя бесплодие любых усилий, направленных на то, чтобы затормозить мчащуюся к

катастрофе машину (...). Вдобавок ко всему на мне лежала ответственность, которой сегодня нет, за сохранение жизни больной раком женщины, к которой я был безмерно привязан. Сохранение ее жизни в течение почти 13 лет было моим шедевром, chef-d'oeuvre, capolavoro, самым удачным и невероятным начинанием, предпринятым вопреки всяким разумным расчетам. На это мне нужно было иметь немного денег, несмотря на мою склонность к бескорыстию. Поэтому я был вынужден взяться за небольшую работу в банке, предварительно написав статейку о некой модной тогда разновидности кредита, чтобы иметь возможность сойти за специалиста. Но больше всего меня мучило ощущение краха, сознание всеобщей катастрофы, свидетелем и актером которой я был, как матрос на тонущем корабле, где исполнение своего долга уже ни к чему не ведет и не дает даже иллюзии нравственного удовлетворения. Отвлечься от всего этого комплекса понятий — задача непростая. С этой целью мы должны прийти к какому-то рассмотрению прав личности, я имею в виду нравственные права, перед лицом великих катаклизмов» (Кристине Марек, 5 мая 1947). Женщиной, чью жизнь он старался сохранить и к которой был «безмерно привязан», была пани Вихуна, Людвика Реттингер. Ее тени посвящено «Эссе для Кассандры». Пораженный ее смертью, к ней — «к Луизе» — обращал он «Notes pour une ombre» [«Записки для тени»].

В сентябре 1939 г. Стемповскому удалось перейти венгерскую границу до того, как восточные земли были заняты советскими войсками. В Венгрии он тяжело заболел, много недель провел в горной местности (что описал в очерке «Книгохранилище контрабандистов»). Он получил приглашение от группы друзей из нейтральной Швейцарии. Через Будапешт, Белград, Загреб, Триест, Милан в апреле 1940 г. он добрался до Мури под Берном. Он намеревался через несколько недель выехать во Францию, где находилось польское правительство в изгнании и где сосредотачивалась интеллектуальная жизнь польской эмиграции. Немецкое вторжение во Францию перечеркнуло эти планы. Полтора десятка лет Стемповский жил в Мури. Затем переехал в Берн, где поселился в доме друзей, Динеке и Генри Цаут.

Во время войны он поддерживал связь с польскими властями в Лондоне. Посылал доклады о политическом положении. В 1942 г. совершил поездку в неоккупированную зону Франции, установил там связь с польским и французским движением Сопротивления. После войны остался в эмиграции. Писал Стемповский под псевдонимом Павел Хостовец. Был связан с «Институтом литерацким» и «Культурой» Ежи Гедройца. Оба отлично дополняли друг друга и взаимно сознавали достоинства другого: Гедройц нашел в Стемповском великолепное перо и ценного советника с исключительным кругозором, а Стемповский-Хостовец получил в «Культуре» трибуну — открытую и обладавшую близкой ему иерархией ценностей. Оба верили в неизбежность изменения послеялтинского порядка в Европе. Оба не питали иллюзий, что процесс этот будет легким. Оба понимали принципиальную роль, которую должно сыграть свободное и разумное слово. Стемповский ясно выразил это убеждение в письме Кристине Марек: «Литература — это единственное проявление той не поддающейся расчету силы, которая заключена в эмиграции. Если ее не станет, эмиграция сожмется до явлений предсказуемых, сумма которых при трезвом расчете будет близка к нулю».

Как только позволяла политическая ситуация, он отправлялся в поездки по Европе. Результатом их были очерки, публиковавшиеся в «Институте литерацком» (еще в Риме) и в «Культуре». В ноябре и декабре 1945 г. Стемповский посетил оккупированную Германию и Австрию («Дневник путешествия в Австрию и Германию», Рим, 1946). Был в Италии на рубеже 1947-1948 гг., когда коммунистическое влияние, казалось, достигло апогея. Возвращался в Германию, когда из западных оккупационных зон родилась Тризония (1948-1949), когда нарастало «экономическое чудо», приносившее все более заметные плоды. Часто ездил в Италию. Регулярно посещал дом «Культуры» в Мезон-Лаффит. Умер Стемповский в Берне 4 октября 1969 г. в возрасте 75 лет.

Он планировал написать много произведений, задуманных широкомасштабно (об истории литературных методов; обширные воспоминания, разделенные на тридцать глав; антологию, показывающую блеск и нищету эмиграции в западной традиции; о колонизации Лигурии); книги эти не появились, но мысль о них вдохновляла его письма и эссе. По-французски он написал «La terre bernoise» [«Бернская земля»], вышедшую в Женеве («Либрери Э.Дроз») в 1954 году. По-польски вышли в «Библиотеке «Культуры»» его избранные очерки: «Эссе для Кассандры» (1961) и — посмертно, но подготовленные им самим — «От Бердичева до Рима» (1971)».

Он был превосходным мастером эпистолярного жанра. Переписка составляет основную часть его творчества. Это была своего рода частная газета о публичных делах. Его неизданная переписка выходит в свет, но, к сожалению, слишком медленно. Каждая из этих публикаций важна, если проливает свет на личность Ежи Стемповского, «неторопливого прохожего», внимательно присматривавшегося к бурям Европы XX века.

«Записки для тени», дневник, который Стемповский вел в 1940-1942 гг., а по сути письма, написанные Тени, тени любимой женщины, которую он потерял в начале войны, — это текст, по многим причинам принципиально важный для понимания личности Стемповского и его творчества.

II.

Нелегко определить формулу его писательства. Ян Котт, считавший себя его учеником, признавался: «Стемповский научил меня писать, читать и не доверять. Быстрей всего я научился писать, много лет заняла у меня наука чтения, не доверять я научился только тогда, когда голос пана Ежи был столь тих, что его с трудом можно было расслышать».

Константы Еленский видел силу Стемповского-Хостовца в его богатом оттенками социологическом и историческом воображении: он смотрит глубже, шире, как бы в нескольких измерениях. «Хостовец чувствует себя как дома в широчайших рамках так называемой западной цивилизации, независимо от века и места: везде, где человек призван оставить свой отпечаток на природе, везде, где между личностью и обществом ведется диалог Антигоны и Креона, везде, где существует разрыв между чувством вины и мечтой о свободе. В этом смысле западной цивилизации принадлежат классические Афины и сегодняшняя Москва, Тивериада евангелистов и современное Чикаго. «Космополитизм» Хостовца — одновременно извечный и предвещающий. Эта легкость перемещения между эпохами, странами, способность наблюдать не только извне, но и «изнутри» имеет у Хостовца свой эквивалент и в отношении к профессиям, общественным классам. Это, пожалуй, особенно редкая черта (...) Хостовец способен с одинаковой непосредственностью общаться с лауреатом Нобелевской премии и контрабандистом; с миллиардером и сыщиком; с великим артистом и деревенским неграмотным».

Превосходный портрет его литературного творчества нарисовал Юзеф Чапский. Он начинает очерк, цитируя в немецком оригинале первую строфу стихотворения Гофмансталя «Manche freilich...»* И добавляет, что не берется ее перевести. От ее магии не осталось бы ничего. Он пересказывает стихотворение Гофмансталя, сохраняя его магию и в то же время рисуя точный портрет Стемповского: «Одни умирают, пишет поэт, там, где скрипят тяжелые весла кораблей, другие стоят у кормила, знают полет птиц и звездные края. Одни увязли в корнях запутанной, полной хаоса жизни, другие имеют свои храмы при Сивиллах-царицах. Но на этих легких счастливцев падает тень — тень от задавленных в хаосе жизни, и связаны они друг с другом, эти легкие и те тяжелые, как воздух с землей (...) Усталость забытых народов он не может убрать из-под своих век, и ужаснувшаяся душа его не в силах стереть из памяти немое падение далеких звезд. И все судьбы, вросшие в его судьбу, — это больше, чем гибкий пламень его жизни и его узкая лира». От Гофмансталя Чапский переходит к Стемповскому: «Я не знаю никого, кто бы так, как автор «Эссе для Кассандры», казался предназначенным для жизни с Сивиллами и лучше, чем он, знал полет птиц и звездные края, но именно на него падает тень от всех, кто прикован к тяжелым веслам в хаосе жизни, и никто не чувствует сегодня сильнее, чем он, «усталости совершенно забытых народов». Гофмансталь пишет, что во всяком «высшем мышлении» таится чудо общности, единства дня нынешнего с прошлым, жизнь умерших — в нас, и только этому мы обязаны тем, что изменчивость времени полна смысла, что мы не ощущаем ее как серию отдельных и бессмысленно повторяющихся тактов. Вечное — это сегодняшнее, и оно полно содержания». Чапский незабываемым образом определяет магию писательства Стемповского, замечая то, что в нем едва ли не с аполлоническим совершенством живо и напоено чувством: «Эти слова, с виду простые, всегда неожиданным образом подобранные и связанные, метафоры, поражающие не изощренностью, но как раз повседневностью,

---

* Приведем эту строфу в переводе Игоря Лощилова:

Многих, верно, ожидает гибель
Возле весел, что несут корабль;
А другим, стоящим у кормила,
Внятен птиц полет и страны звезд.

Ред.

поясняющие, а не затемняющие смысл текста, многочисленные и удачные переводы на польский иностранных слов, бриллиантовые цитаты, взятые из девяти языков, дыхание фразы, свободное и в то же время экономное, — кажется, что мы могли бы всегда распознать автора среди сотни всевозможных текстов: сама форма мысли, округлая и совершенная, — это магический сплав. Поэзия и музыка, намного реже живопись, дают такие переживания, которые ускользают от рациональной оценки, ибо принадлежат иному измерению».

III.

Стемповский видел разрушенную Европу и представил критический анализ ее восстановления — в материальном и нравственном смысле. Он описывал руины Мюнхена и Франкфурта, описывал наступление тоталитарной идеологии и тоталитарного подхода к обществу и душам. И он, так вжившийся в традиции, искал новых течений. Именно поэтому он помогал в строительстве европейского дома. Он знал, что эта конструкция не может быть возведена вопреки традициям, людьми с пропавшей памятью. Мысленно он возвращался к своей малой родине. Для него это были карпатские полонины и швейцарские пейзажи, книги греческих, латинских, итальянских классиков, а также произведения малоизвестных польских прозаиков XIX века. И произведения новые, смело глядящие в будущее. Стемповский брался судить и современное творчество. Он не боялся, что именно на этой территории можно легко ошибиться, но считал это обязанностью — оценивать, выбирать. Программный очерк «Границы литературы» (1958) он начинает с признания: «Как-то жарким летом, будучи молодым человеком, я прочитал подряд все драмы Шекспира. Случай этот оказал решающее влияние на мое последующее чтение а, может быть, и на многие другие решения. «И дана мне трость (...) и сказано: встань и измерь храм Божий (...) и поклоняющихся в нем», — говорится в Откровении. Трость эта была в моих руках. С тех пор я беспардонно отбрасывал все книги, которые, на мой взгляд, были хуже, чем «Троил и Крессида». Я следовал — может быть, несколько наивно — одному из самых старых критериев, какими пользовались читатели, придающие какое-то значение своему занятию; нечто подобное есть уже в знаменитом некогда Послании к Пизонам Горация**: «Чуть с совершенства сойдет, упадает на низкую степень!» [пер. М. Дмитриева]. На практике это не представляет трудностей. При известном навыке узнаёшь сразу и почти безошибочно, может ли данная книга содержать хотя бы одну страницу шекспировского класса».

Стемповский писал о Фукидиде и об амстердамской бирже, о Гомере и об искусстве авангарда. Он старался облекать мир в как можно более ясные и точные формулировки — во всей его сложности, сохраняя верность памяти и воображению, с мыслью о будущем. Иногда его суждения подвергались эволюции. В апреле 1952 г. Ежи Гедройц упомянул в письме к нему о коротком тексте Э.М.Чорана, рассматривавшего блеск и тени изгнания; текст появился во французском журнале, и Гедройц хотел напечатать его в «Культуре» с комментарием Стемповского. Тот, прочитав, с возмущением ответил: Чорана не интересует проблема изгнания, он хочет лишь шумно выступить; в молодости он наверняка дразнил нищих и передразнивал калек; теперь он тычет пальцем в беды эмигрантов. Гедройц счел это мнение слишком суровым; он обратился к Гомбровичу с просьбой перевести и прокомментировать текст Чорана (высказывание на этот счет Гомбровича, великолепное, поражающее меткостью и свободой суждений, оказалось в его «Дневнике» и представляет собой один из самых мудрых текстов на тему изгнания, писательского долга и писательской силы). Двумя годами позже Стемповский написал «Rubis d'Orient» [«Восточный рубин»]. В необыкновенно мастерском и вместе с тем очень личном эссе о Чоране он оценивает его прозу как образцовую: «Э.М.Чоран — несравненный мастер слова. Давно уже не видно было прозы столь плотной и в то же время живой (...). В хаосе мыслей, представляющих собой как бы предвосхищение*** сумерек, проза Чорана — один из самых актуальных литературных образцов. Она обладает легкостью, предсказывающей нравы будущих путешественников без багажа, и в то же время извечным упорством шлифовальщиков, перерабатывающих слова в талисманы».

Действительно ли это эссе о Чоране? Пожалуй, скорее о роли литературы, такой, какой она могла бы быть, о какой мечтал одинокий странник, какую хотел бы видеть неторопливый прохожий. Для меня с тех пор, как я прочел этот текст, это прекрасное эссе о «разбойных писателях», об одном из них, о Стемповском, о его мечтах и свершениях, о его тайных талисманах — о роли слова на территориях

** Более известном как «Наука поэзии». — *Ред.*

*** В оригинале — галлицизм «префигурация» от фр. préfiguration. — *Ред.*

цивилизационных стычек и конфликтов, в периоды «истории, спущенной с цепи». Иногда нужно тотчас бежать. Унести с собой можно только то, что уместится в кармане, как драгоценные камни, то, что сохранится в памяти, как мудрая формулировка. Эти талисманы могут принести спасение. «Между отшлифованным словом и драгоценным камнем существует вдобавок глубокое функциональное родство. Вынужденный провести зимние месяцы 1939-1940 гг. в одиночестве в неосвещенном здании, я вскоре заметил, что от двух брошенных библиотек и жизни, проведенной за чтением, у меня осталось, собственно, только то, что сохранилось в моей ненадежной, размытой различными катаклизмами памяти. В зимние вечера, освещенные лишь тлеющими за приоткрытой дверцей печки дровами, я старался составить опись памятных вещей. Долгое время я слышал только обрывки музыки. Лишь потом в этой текучей материи стали появляться слова. Сперва это были одни отрывки стихов или лаконичных надписей. Порядок их появления из забвенья определялся не более близким или более далеким языком, а отшлифованностью слов, их интонацией или предназначением вечно жить на каменных плитах. Эти первые сияющие в ночи слова были как драгоценные камни, которые в случае бедствия можно обменять на коня или безопасное укрытие. Тогда мне стало ясно, что в них — мой единственный шанс жизни и возрождения из пепла прошлого».

IV.

Стемповский не раз упоминал, что пишет, имея в виду прежде всего отечественного читателя, там, в Польше, которая подчинена официальной коммунистической идеологии и потому более чем когда-либо заинтересована в свободной мысли. Чем интересовал он меня, когда я читал его в Варшаве, в тайно провезенных номерах «Культуры» и книгах «Института литерацкого»? Он был важен для меня как гражданин Европы, вжившийся в ее традиции, но также как один из строителей польского дома. Одно без другого остается неполным. Каково его место среди свободных голосов, среди разбойных писателей, каковы истоки его писательской силы, чуткости, проницательности, укорененности в традициях и в то же время новаторства (ибо во всем этом нуждается писатель, чтобы стать для других примером внутренней свободы)? Было же много эрудитов; наверное меньше было (но все-таки они появлялись) людей осмысленной культуры, то есть со знанием прошлого, которое важно: оно позволяет понять сегодняшний день, отворяет окна в будущее; существовали, тоже не слишком многочисленные, люди, понимающие общественные процессы. Все эти достоинства, столь редкие, присутствуют в довоенных текстах Стемповского. Но надо было чего-то большего, чтобы он стал одним из творцов, покровителей и реализаторов польской «школы реальности», «школы свободного голоса», «школы четвертого польского языка». На это понадобился шок военного времени, утраты независимости, союза двух тоталитаризмов, шок «времени презрения» — презрения и подозрительности к человеку. Понадобилась двойная эмиграция, из родной страны, но и из национальной мифологии, понадобилось соединение великой культуры со схождением на «нулевой уровень стиля», понадобилось осознать разделение и внутреннее расслоение «атмосферы жизни» и «атмосферы литературы» в культуре Запада второй половины XX века. Понадобилось пройти через все бросаемые вызовы, когда слово кажется совершенно формализованным, неспособным ухватить хоть что-то из действительности, когда знаки подвергаются непрерывному распаду, когда поток слов — это в то же время невозможность выразить, вход в молчание. Принципиальный вызов в этой ситуации — критический «выход из молчания». Совершить это сумели некоторые польские писатели. В этом их значение. Среди них — Стемповский. Каждому из них безусловно пришлось пройти через период испытаний и вызовов. И эта перспектива представляется мне необходимой для понимания места Стемповского в современной литературе, как и места в творчестве Стемповского его частных дневников, писавшихся для милой его сердцу тени.

Наверное, понадобилось и еще что-то, нечто большее всего перечисленного мною, чтобы в мучительных попытках его слово пробилось через плотины молчания. Понадобилась искра чувства, блеск увлеченности, чтобы из скептика и аристократа (так охарактеризовал достоинства Стемповского в местами шаржированном, но точном его портрете Вацлав Збышевский) вырос живой писатель, нервной рукой прикасающийся к действительности. «Записки для тени» — частные дневники, не писавшиеся с мыслью о публикации. Но публичные дневники, великолепные заметки о поездках в Германию, Италию, Голландию, Югославию, печатавшиеся в «Культуре», составляют важный вид творчества Стемповского. Еще до войны он опубликовал очерки, такие, как «Пилигрим» (впечатления о пребывании в Голландии и Германии зимой 1923-1924 гг.), «Новые впечатления одинокого странника» или «Европа в 1938-1939 гг.», но послевоенные дневники, особенно первый, заслуженно самый известный, «Дневник

путешествия в Австрию и Германию» (ноябрь-декабрь 1945), обладают скрытым, приглушенным, но столь выразительным отпечатком частного голоса, живого голоса, наделенного поэтому значением, уловимым и для других. Источник этой тональности голоса, многие сюжетные линии самых лучших эссе Стемповского мы находим в «Записках для тени». Наверное, каждый читатель Стемповского-Хостовца запомнил внезапный взрыв эмоций, так отличающийся от, казалось бы, приглушенного тона рассуждений: в «Дневнике путешествия в Австрию и Германию» он записывает свои мысли, когда в Европе, едва приходящей в себя после катаклизма, покрытой развалинами городов, еще недавно бывших записями прошлого человечества, ему, как и миллионам других, приходится ждать: пропусков, возможности возвращения в страну или выезда из страны, лучшего будущего.

«Вынужденный — как все — ждать, я заворачиваюсь в спальный мешок и закрываю глаза. Соседние дома лежат в руинах, улица вымерла. Морозный воздух лежит на ней без движения. В полумраке я слышу собственное дыхание.

Думаю, что в такой тишине эмигранты слышат шум своих рек. Достаточно сосредоточиться в памяти, чтобы среди сотен других распознать шум своей реки. Каждая из них говорит своим языком. Одни гремят и грохочут, другие звенят по неглубокому дну, в одних слышно клокотание водоворотов и шорох пены, перемещающейся над глубиной, в других, наконец, вода нема (...).

Наибольшей магической силой обладает Черемош, который среди всех горных рек один-одинешенек плывет в тени столетних пихт и елей. Воды его бурно пенятся в каменном русле, журчат на покрытых гравием мелях, звенят по камням, бормочут в теснинах, шумят и грохочут по скалам, и каждому из этих тонов, слегка запаздывая, вторит низкое, темное, басовое эхо дремучего леса. Мне кажется, что если бы незрячий, старый, терзаемый лихорадкой и безумием, я снова услышал этот шум, годы блужданий по бездорожью опали бы с меня как лохмотья злополучия, и я вновь стал бы самим собой.

Нечто подобное стало темой романа Жана Жироду, где молодой француз, пораженный амнезией, воспитывается как немец, носит бороду и цветные кальсоны, и снова становится самим собой, читая, как ловят рыбу в его департаменте.

Быть собой, быть собой — this above all, говорит Полоний — можно, кажется, только в какой-то связи, конкретной или идеальной, со своей рекой, с пейзажем своей малой родины, родной или приобретенной».

Это признание веры в малую родину впервые прозвучало в «Записках», которые Стемповский вел для любимой тени.

V.

В «Записках» Стемповский спустился на нулевой уровень — стиля, литературы, речи. За год до этого рухнул, уже не в первый раз, но теперь исключительно жестоко, мир, в котором он жил. Он лишился родины — и даже если ему случалось чувствовать себя в ней чужаком, то теперь ему пришлось бежать, чтобы спасти жизнь. Он потерял любимого человека.

Стемповский оказался в изгнании, среди чужих. И в этой ситуации немоты он старается что-то сказать, заговорить. Он ищет слова́, которые могли бы доставить радость тени. «To please a shadow» — так Иосиф Бродский озаглавил написанный уже по-английски очерк памяти Одена, желая порадовать тень, и потому выбрал новый, чужой язык, который был языком восхищавшего его замечательного поэта. Стемповский стоял перед принятием решений, наверное еще более радикальных. Оба вели поиски нового языка, этого требовала эмигрантская литература XX века, если ей предстояло обрести свободу и силу голоса. Стемповский отлично понимал это. Он сам, как всегда, замечательно, определил эту ситуацию, когда в очерке «После наводнения» так представлял вызовы, бросаемые пишущим: «Когда злободневность известной моды проходит, литературные журналы и витрины книжных магазинов напоминают местность, по которой прошло наводнение. Серая масса липкого и отслаивающегося на солнце ила покрывает все. Трудно сразу догадаться, где еще неделю назад стояли белые и оранжевые стены домов, цветочные грядки, группы кустов и где журчал по камням ручей. Возвращение к старому, равно как и переход к чему-то новому, требует усилия воображения». И дальше Стемповский четко определяет нынешнюю ситуацию литературы (шире — культуры): «Все мы — пишущие и молчащие — ищем слова́, необходимые для установления контакта с миром, который изменился вокруг нас и перерос наш прежний запас терминов и понятий. Все мы знаем, что не завоюем его никакой красивой фразой, не отгородимся от него никакой дымовой завесой вымысла, что мы должны принять его к сведению и для его описания нам необходим язык точный, дельный, ясный, соответствующий нашему опыту».

Кшиштоф Маслонь

ТРАКТАТ О ЛЬВАХ И ПАРАЗИТАХ

Говорят, что своим «Кочеванием до смерти» Владимир Максимов оскорбил русских писателей и эмигрантов, диссидентов и правозащитников, людей, пользующихся высочайшим нравственным авторитетом, и т.д. и т.п. Мало кто обратил внимание на то, что этот писатель, в 70-е годы вынужденный эмигрировать и в 1995 г. скончавшийся в Париже, безжалостно сводя счеты, не пощадил и себя самого.

Уже первые отрывки из «Кочевания за смертью», опубликованные в «Континенте»*, вызвали немалую бурю. А что уж говорить, когда вышла вся книга... Литературные круги как «русского Парижа», так и московские сошлись во мнении, что своим «Кочеванием до смерти» Максимов оскорбил чуть ли не всех. Но он не пощадил и себя. Ибо он наделил своими чертами и убеждениями не только главного героя книги**, но и прямо ввел на страницы романа Льва Самсонова — действующее лицо под настоящим именем и фамилией Владимира Максимова.

«Я помню его саркастическим алкашом, — вспоминает герой-рассказчик, — с неизменной присказкой в застольном разговоре: «Все на свете говно, кроме мочи, но сверхспектральный анализ показал, что моча это тоже говно». Ничто не обещало в нем его будущей метаморфозы. Он изредка, даже не без некоторого успеха печатался, что-то ставил в кино и театре, переводил с подстрочников ради хлеба насущного, но в основном был известен хмельным эпатажем и публичными выходками. По всем признакам его ожидала судьба многих и многих литературных светляков, безвестно канувших в крикливой суматохе ярмарки тщеславия. (...) Встречались мы с ним от случая к случаю, больше пили, чем разговаривали. Я в своих эмигрантских передрягах, наверное, давно бы забыл о нем, если бы он сам не напомнил о себе весьма неожиданным образом. Его имя вдруг замелькало в сообщениях из Москвы: он подписывал крамольные письма, давал громкие интервью. Вскоре он опубликовал здесь и первый свой роман».

Выезду Максимова на Запад действительно предшествовала публикация его произведений в «тамиздате». «Семь дней творения» вышли в 1971 г. во Франкфурте, два года спустя там же вышел «Карантин», а в 1974 г. Максимов выехал во Францию. Как оказалось — навсегда, хотя в России — после распада СССР — он бывал. Умер он в возрасте 65 лет.

Из-за занавеса условностей и схем

Во Францию Максимов уезжал без особой надежды на возвращение. Правда, в СССР он «что-то» издавал, «что-то» писал для театра, переводил, сотрудничал с кинематографией, но не за это его вышвырнули из Союза советских писателей и не за это дважды направляли на психиатрическое лечение. Период «разоблачения культа личности» к тому времени уже давно считался ушедшим в прошлое — вместе с «Мы обживаем землю» и «Жив человек», произведениями, которыми Владимир Максимов в начале 60-х вошел в литературу, еще на волне «оттепели» после XX и XXII съездов КПСС.

---

* Первые отрывки из романа, называвшегося тогда «И Аз воздам...», были напечатаны в №51 (1987) и 54 (1988). Они носили чисто исторический характер и никакой бури не вызвали. Вызвал бурю следующий отрывок, где роман уже носил окончательное название, напечатанный в №79 (1994), за год до смерти писателя, т.е. тогда, когда журнал издавался в Москве. Книгой роман (вместе с двумя более ранними) был издан в Москве в том же 1994 году. — *Здесь и далее прим. пер.*

** Основным прототипом главного героя был писатель Михаил Демин, бывший зэк, брат писателя Юрия Трифонова, автор романа «Блатной». Но немало своего Максимов в этот образ действительно добавил (вплоть до того, что отдал герою написанные им самим куски исторического романа).

В 70-е уже обязывала брежневская «стабилизация», которую нарушали несколько непокорных писателей во главе с Александром Солженицыным. Максимов был одним из них, вдобавок сбивал на неверный путь Юрия Любимова, главного режиссера Театра на Таганке, для которого, в частности, сделал инсценировку «Бесов» Достоевского. Собственная проза Максимова в то время была уже в высшей степени непроходимой через цензуру.

Полученное Максимовым разрешение выехать во Францию было тождественно приговору к эмиграции. А в январе 1975 г. в этом были поставлены точки над «и». На основании ст.7 закона от 19 августа 1938 г. президиум Верховного совета СССР постановил «За поступки, оскорбляющие достоинство гражданина СССР, лишить гражданства СССР Максимова Владимира Емельяновича». «Поступком, оскорбляющим достоинство гражданина СССР», было учреждение журнала, который Максимов создал в Париже, став его главным редактором. За советом и помощью он обратился к Александру Солженицыну, который рекомендовал ему побывать у Ежи Гедройца и воспользоваться опытом «Культуры». Так Максимов и поступил, и в редколлегию «Континента» вошел не только Гедройц, но и Юзеф Чапский, и Густав Герлинг-Грудзинский (напомним также, что среди прочих членов редколлегии был и знаменитый драматург Эжен Ионеско).

В программном заявлении «Континента», представленного как *«литературный, общественно-политический и религиозный журнал»* (выделенное курсивом — по-русски в тексте. — *Пер.*), были сформулированы следующие принципы и цели, предваренные заверением в готовности говорить от имени всего континента культуры стран Восточной Европы:

«1. Безусловный религиозный идеализм, то есть, при главенствующей христианской тенденции, постоянный духовный союз с представителями других вероисповеданий.

2. Безусловный антитоталитаризм, то есть борьба против любой разновидности тоталитаризма: марксистского, национального, религиозного.

3. Безусловный демократизм, то есть принципиальная поддержка всех демократических институтов и тенденций в современном обществе.

4. Безусловная беспартийность, то есть категорический отказ от выражения интересов какой-либо из существующих политических группировок».

Наряду с Максимовым в редакцию или редколлегию вошли Александр Галич, Игорь Голомшток, Наум Коржавин, Андрей Синявский, из первой эмиграции — Зинаида Шаховская и Странник (архиепископ Иоанн Сан-Францисский), хотя Максимов не скрывал, что не слишком рассчитывает на понимание и поддержку «старой» эмиграции, а из Советского Союза — Андрей Сахаров.

Коммунизм — синоним фашизма

Четыре года спустя после выхода первого номера «Континента» появился новый русский эмигрантский журнал «Синтаксис» под редакцией Марии Розановой и Андрея Синявского. В нем в числе прочих печатались Венцлова, Зиник, Амальрик, Копелев. Здесь просто навязчиво провозглашался плюрализм по принципу противопоставления «Континенту», программа которого объявлялась чересчур русской, то есть недостаточно европейской и к тому же несовременной.

Идеологические расхождения или даже расколы в русской эмиграции возникли вокруг личности, вероятно, самого знаменитого изгнанника — Александра Солженицына, публицистику которого нередко обвиняли в антизападной и славянофильской направленности. В полемике, которая разгорелась между Солженицыным и остававшимся на родине Сахаровым, Максимов и «Континент» стали на сторону автора «Архипелага». Владимир Буковский в статье «Почему русские ссорятся» (1980) поставил этот спор в более широкий контекст, противопоставляя мышление Солженицына и других антикоммунистических диссидентов оппозиционно настроенным левым, получающим поддержку на Западе. Нет сомнения, с Солженицыным Максимову было по дороге, с Синявским — наверняка нет.

После публикации знаменитого памфлета Максимова «Сага о носорогах» больше никто не питал иллюзий. Русист Люциан Суханек так писал о портретах этих «носорогов»:

«В них Максимов изображает западных и русских левоватых «прогрессивных радикалов» — мыслителей и художников, писателей, которые во имя идеи глухи к преступлениям коммунистов, убеждены, что возможен «социализм с человеческим лицом». Изображены у него также некоторые русские эмигранты, на родине пережившие гонения, а здесь «преображающиеся» в закоренелых неомарксистов, сторонников «третьего пути» и использующие в своих целях «все трагические противоречия современного мира: национализм, антисемитизм, религию»».

Ревизия строя

На Максимова, разумеется, обиделся Синявский, да и Копелев, который писал:

«Субъективно В.Максимов желает свергнуть метафизическое зло коммунизма, защитить достоинство России, поучать темных туземцев дикого Запада, которые не понимают, как опасна для них свобода слова, ужасы плюрализма и недостаточный культ сторонников и покровителей Максимова. Но объективно он больше всего помогает советской пропаганде и западным сталинцам».

Это уже была очевидная чушь, так что ничего удивительного, что Максимов не побоялся заявить, что «по странной случайности» целью нападок всех эмигрантских «свободомыслящих» оказывается круг людей и начинаний, не удовлетворяющих советскую власть вообще, а КГБ в частности.

«Гласность» Максимов встретил без энтузиазма. Он оставался недоверчивым, подписывая в 1988 г. Кельнское обращение, авторы которого призывали не к перестройке, а к пересмотру господствующей в СССР идеологии и построению новой политической системы. Он дождался конца ненавистного коммунизма, дождался и перенесения «Континента» в Москву, где главным редактором журнала стал Игорь Виноградов. А сам Максимов стал ездить в Москву, но возвращался оттуда во все худшем настроении. Дела на родине, по его мнению, не шли как надо, власть захватили перекрасившиеся коммунисты, а в литературе первую скрипку начало играть поколение, которого писатель не понимал. После смерти Максимова в «Литературной газете» был напечатан некролог, и одним из подписавших его был, как ни парадоксально, Михаил Горбачев.

Писательское одичание

В эссе «Вожди и культура» Максимов писал:

«..несостоявшийся стихоплет Сталин берется определять, кто есть «лучший и талантливейший поэт нашей эпохи»; еле-еле барабанящий на фортепьяно Жданов поучает Шостаковича нотной грамоте; придворный паяц Каганович курирует постановки Булгакова в Художественном театре». Ему самому пришлось жить в несколько лучшие времена, он дебютировал в 1956 г., а первые повести публиковал в период десталинизации. Это, однако, продолжалось недолго, и уже в 60-е годы писатель стал участвовать в акциях протеста против бесчеловечных начинаний коммунистических властей и проводимой ими политики удушения культуры. В мире, где нобелевский лауреат Шолохов жаловался на съезде, что осужденных за публикацию своих сочинений на Западе Синявского и Даниэля не поставили к стенке, для Максимова не было места.

Отвращение вызывали у него двуличные писатели и поэты типа Евгения Евтушенко. Иосиф Бродский вспоминал, что в Америке «Евтух» жаловался ему: «В Москве Максимов спрашивает меня, дали ли мне уже чин подполковника КГБ...» В «Кочевании до смерти», рассказывая об одном из эмигрантских сочинителей, герой-рассказчик говорит:

«Глядя на него, я неизменно вспоминал одну гениальную старуху (Надежду Мандельштам. — *К.М.*): «В своем одичании и падении писатели превосходят всех». Она знала, что говорила: ее мужа — великого поэта — эта братия затоптала походя, в драке за место в раю с центральным отоплением и раздельным санузлом. На своем веку я часто оказывался на таком дне, где говорить о добродетели было так же бессмысленно, как проповедовать воздержание среди онанистов, но никогда и нигде, кроме писательской братии, мне не доводилось встречать столь безукоризненной и ничем не замутненной аморальности. За редчайшим и, прямо сказать, непростительным исключением. Стыдно сказать, ради какой мизерной малости — жалкой публикации, лестного упоминания в рецензии, гонорарной подачки — любой из них был готов на любое преступление и святотатство, разумеется, если это могло сойти с рук безнаказанно. Если бы я мог предположить, что меня ожидает на этом гнусном торжище уязвленных самолюбий, я бы предпочел худшую суму и злейшую тюрьму всем на свете трубам избранной мной доли».

Желчью и кровью сердца

Максимов знал, о чем пишет. В молодости он познал мир советских тюрем исправительных колоний и лагерей. Свидетельство этому времени он дает в «Кочевании до смерти», включая в роман и отрывки отличной прозы из времен гражданской войны в России, в связи с чем уместно вспомнить, что ему принадлежит также крайне интересный роман об адмирале Колчаке — «Заглянуть в бездну». Однако не эти главы «Кочевания» возбудили эмоции у русских читателей, и не они заинтригуют читателей в Польше, но портрет русской эмиграции, перечерненный, во многих местах карикатурный, наверняка не всегда справедливый, но сколь же необходимый.

Разумеется, в обидевшихся на Максимова недостатка не было — хотя бы, например, за то, что он напомнил о «тихом, но бесконечном запое» Александра Галича (в романе — Горелика). Но на самом деле важно не то, что он исчислил, сколько алкоголя употреблял русский бард, а то, что припомнил свой с ним разговор, когда Галич «спрашивал на все лады, вернемся ли мы когда-нибудь в Россию». «А я, — вспоминает герой-рассказчик, — все никак не мог взять в толк, что она ему, оплеванному этой самой Россией с головы до ног, крещеному еврею, и чего он там забыл? Я, чисто русский, давно не испытываю к ней ни любви, ни ненависти, даже любопытства и того не осталось. (...) Я бы ухом не повел, если, однажды проснувшись, узнал об ее исчезновении с лица земли...»

Несомненно, о многих пишущих людях Максимову было что сказать куда похуже. В его писательстве было много желчи, но еще больше крови сердца. Владимир Буковский, некогда друг Максимова, его сотрудник и даже формально секретарь (точно как Адам Михник при Антонии Слонимском) так вспоминал его: «Максимов был страшно взрывчатым, стихийным, полон раздирающих его эмоций. Он был способен поссориться со всем светом и всех оскорбить. В колонке редактора он выписывал такие вещи, которые обижали людей, а в конце концов не он один представлял «Континент». Когда мы протестовали, он отвечал, что колонка редактора — то место, где он наконец может сказать, что думает, а остальная часть журнала его не волнует. В последние два года его жизни мы не разговаривали друг с другом, поссорились. Когда через год после смерти Максимова мы устроили континентскую встречу, оказалось, что только Кузнецов оставался с ним до конца в нормальных отношениях». Но стоит и привести слова Анджея Дравича, который, говоря о безжалостности, с которой Максимов сводит счеты, сказал: «Его право». Право Владимира Максимова.

Смешанная группа хищников

С особой страстью автор «Кочевания до смерти» писал о редакторах и директорах радио «Свобода», хотя очевидно, что на радио и он, и другие эмигранты находили одну из немногих возможностей заработка. Нет сомнения, что к суждениям и оценкам Максимова следует подходить осторожно, но в силу своей резкости они наверняка не менее любопытны, а зачастую и полны открытий. «Кочевание» вызвало у меня ассоциации с «Дневниками» Стефана Киселевского и «Трактатом о гнидах» Петра Вежбицкого. С этим последним не только потому, что один из героев романа характеризует эмигрантскую среду зоологически: «Прямо как в том анекдоте: смешанная группа хищников — львы и мандавошки».

Отчасти жаль, что у нас не было своего Максимова — может быть, тогда дом в Мезон-Лаффите не превращали бы в мирскую Ясную Гору***. К сожалению, единственную известную мне попытку демифологизации польской эмиграции предпринял Анджей Брыхт («Политическое убежище»). Но в отличие от Владимира Максимова это не был человек с чистыми руками и такими же намерениями.

«Кочевание до смерти» — книга горькая и огорчительная, но в то же время она представляет собой удивительное, таящееся за грубостями и иконоборчеством воздаяние почестей тем, кто в эмиграции — среди, как писал Мицкевич, «запоздалых сожалений, неистовых раздоров» — спасал русскую литературу. А потом совершил свой последний путь на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Владимир Максимов. *Кочевание до смерти.* Перевела [на польский] Генрика Бронятовская. Варшава, «Роснер и К°», 2004.

RZECZPOSPOLITA

*** Дом в Мезон-Лаффите — место пребывания и работы журнала «Культура» и его издательства. Ясная Гора — монастырь, где хранится чудотворная икона Божией Матери Ченстоховской.

Богуслав Дептула

ОЧЕРК БУДУЩЕГО

«Нам не хватает Малевича», — написал поэт-авангардист Тадеуш Пейпер в мартовском номере журнала «Звротница» за 1927 г., приветствуя прибытие Малевича в Варшаву. Сегодня нам еще больше его не хватает, ибо у нас нет возможности в ним встретиться. Но в то же время мы можем взять в руки три посвященные ему книги, которые диаметрально меняют состояние наших знаний об этом художнике.

Главным образом мы обязаны этим Анджею Туровскому, крупному знатоку творчества Малевича и автору двух посвященных ему публикаций: «Малевич в Варшаве» и «Супремус Малевича».

Заглавие первой книги может ввести в заблуждение. На самом деле это полная и исчерпывающая монография творчества художника (500 страниц). Приезд в Варшаву, состоявшийся в марте 1927 г., становится у Туровского лишь предлогом для почти детективного исследования.

Большое значение в этом исследовании приобрели вид и содержание выставки, которая состоялась тогда в зале Польского художественного клуба, на первом этаже гостиницы «Полония». Эта ретроспектива показывала все этапы развития живописи Малевича в его стремлении достичь супрематической полноты абстрактного освобождения. Туровский доказывает, что это была продуманная, во всей полноте авторская экспозиция достижений Малевича и первый его шаг в покорении Европы.

Направление было прямым: Варшава—Берлин—Париж. Из Варшавы Малевич поехал в Берлин. Там у него открылась выставка, но внезапно его отозвали в Советский Союз. Больше он уже никуда никогда не поехал. Выставка в Париже состоялась лишь в 1957 г. в галерее Денизы Рене. Она была озаглавлена несколько ошибочно: «Предтечи абстрактного искусства в Польше».

Итак, Варшава как первая цель. Наверное не самая главная, но нужная. Имелись в виду польские, точнее польско-русские корни Малевича, а также немалая группа польских художников, доброжелательно, а то и просто восторженно относившихся к его художественным достижениям. Художник, родившийся в Киеве, дома говорил по-польски, потом научился украинскому, а затем и русскому — и писал он по-русски. Однако спецификой письменной, а вероятно, и устной речи Малевича было смешение этих языков и в каком-то смысле неполное владение ими.

Исходя из пребывания Малевича в Варшаве, Туровский реконструирует все, что могло быть связано с этим важнейшим художественным визитом межвоенного двадцатилетия. Он начинает с того, что находит и подтверждает польские корни художника, детально воспроизводит как ход пребывания Малевича в Варшаве, так и весь вид выставки. Потом он описывает выставки в Берлине (1927) и Париже (1957). Наконец дает характеристику всего творчества Казимира Малевича и завершает напоминанием об «иконоборческой» акции Александра Бренера, который 4 января 1997 г. зеленой краской написал знак доллара на поверхности «Белого креста на белом фоне» из собрания амстердамского Городского музея.

«Супремус Малевича», хоть и носит характер отдельной книги, по сути дела был задуман как каталог недавней выставки одной картины этого художника в варшавском Национальном музее. «Супрематизм. Беспредметная композиция» (1916, масло, холст, 80x80 см) из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств пробыл в Варшаве 20 дней. Анджей Туровский дополнил это произведение четырьмя работами польских художников: Генрика Берлеви, Катажины Кобро, Генрика Стажевского и Владислава Стшеминского, несколькими снимками и текстами, в результате получилась необыкновенно красивая выставка.

Банкет в честь К.Малевича на фоне его выставки.
Варшава, март 1927

Каталог представляет собой отличное введение в творчество и теоретическую мысль Казимира Малевича. Особенно ценным представляется словарик, озаглавленный «АБЦ Малевича». Здесь встречаются такие статьи, как, к примеру, «Цвет», «Беспредметность», «Белое», «Бог».

Окончательное дополнение к уже углубленным знаниям о художнике составляют «Стихотворения и тексты» создателя супрематизма, почти полное их собрание, составленное и подготовленное Адамом Поморским. Он же вместе с Агнешкой Любомирой Петровской — переводчик сборника. Тексты эти очень трудны для перевода, хотя бы из-за смешения языков. Может быть, лучше было бы его озаглавить «Программы и пророчества». Не слишком легко продираться сквозь эти визионерские, но иногда безумно конкретные тексты. Малевич не любил прошлого, предпочитал будущее, поэтому писал: «Много говорят о гениальности всего старинного — да, оно гениально постольку, поскольку оно самобытно времени. И гениально постольку, поскольку оно составляет силуэт к будущему. Но и мы не менее гениальны. Наш телефон, телеграф, пути сообщения, наш кубизм, футуризм — гениальность нашего времени» (11 июня 1918).

Вот так наши знания о творчестве и жизни Казимира Малевича почти в один момент становятся полными. В значительной степени мы обязаны этим проекту «Варшава—Москва. 1900-2000», осуществляемому в рамках деятельности Института им. Адама Мицкевича, где проект координирует Петр Новицкий, присяжной русофил и неизменный сторонник подлинного сближения между нашими народами.

TYGODNIK POWSZECHNY

Агнешка Клох

В ОТПУСК НА ПОЛИГОН?

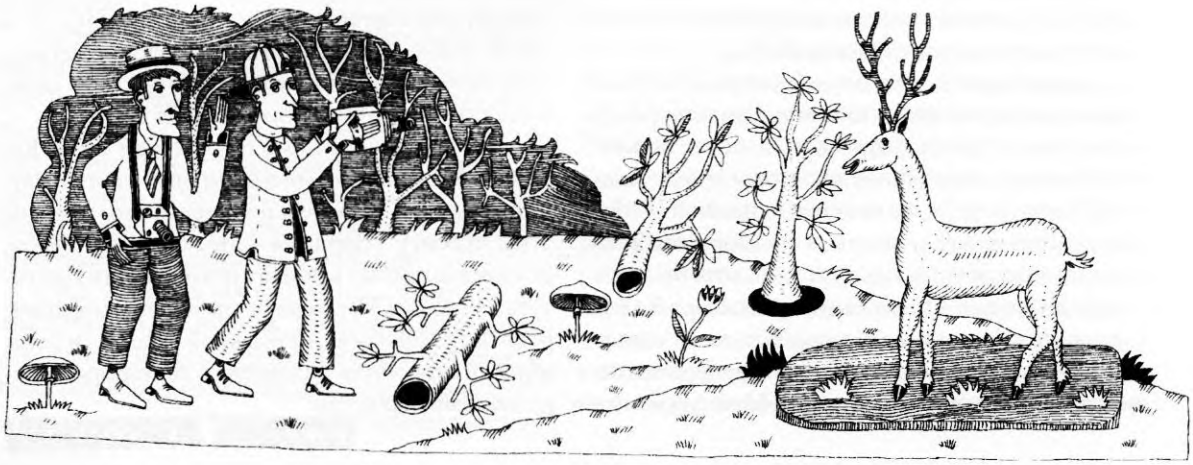
Выезжаем из Вельбарка по шоссе, ведущему на юго-запад. Сентябрьское солнце, хотя и светит вовсю, уже почти не греет. А как только оно спрячется за горизонт, температура быстро упадет еще на несколько градусов. В полутора десятках километров за городом дорога, по которой ездят мало, неожиданно расширяется в полосу, напоминающую автостраду. Через минуту мы несемся со скоростью 130 километров в час по асфальту прекрасного качества. А еще через минуту эта дорога кончается так же нежданно, как началась, и мы возвращаемся на мазурские ухабы.

— Это взлетная полоса для самолетов, — отвечаю я на немой вопрос моих гостей.

Людо, профессиональный фотограф, приехал сюда из Голландии в поисках оригинальных пейзажей и девственной природы. Англичанин Иэн — симпатичный пожилой мужчина, который благодаря солидной чиновничьей пенсии наконец-то может утолить свою страсть природоведа, что же касается Люси и Ала, пары американцев, нагруженных электроникой, то подобная экспедиция — самый модный в текущем сезоне вид проведения отпуска.

На все вопросы у нас еще будет время, ибо мы как раз сворачиваем в лес. Выложенная бетонными плитами дорога бежит прямо, мы минуем разрушенную сторожку и ржавеющие остатки шлагбаума. Заходящее солнце просвечивает сквозь листву, освещая салон джипа. Машина подпрыгивает на ухабах, нам нужно проехать еще больше десяти километров. Сначала долго едем через лес, потом все чаще минуем широкие луга, иногда пересекаем бетонную дорогу, похожую на нашу. Наконец добираемся на место. Мотор умолкает, внезапная тишина звенит в ушах. Мы остановились на опушке и, укрытые под сенью деревьев, любуемся широкой поляной, закрытой на горизонте стеной леса. Насколько хватает глаз — только травы, кое-где заметны островки кустарника или молодых деревьев. Через какое-то время лес возвратится на свои прежние места.

Пассажиры с нетерпением вглядываются в пустоту, открывшуюся перед нами. Людо делает несколько снимков: закат солнца здесь исключительно красив. Откуда-то издалека слышны журавли. Их крик настолько характерен, что даже профан его тотчас узнает.

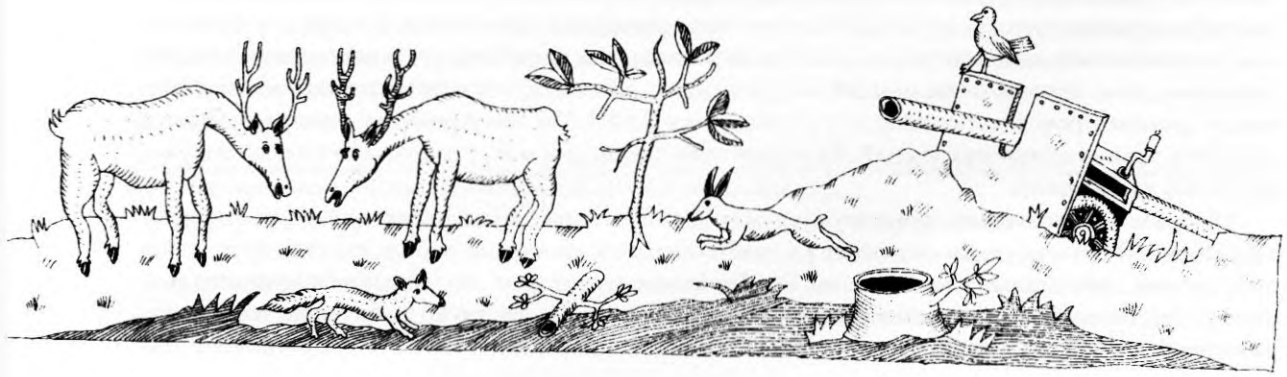


Вдруг в ближних кустах шевельнулось что-то большое, и на поляну вышла ланка. Сразу же вслед за ней появились еще две, обе с оленятами. Они паслись, ежеминутно подрагивая шеями и прядая ушами. Ланки то и дело осматриваются вокруг большими, беспокойными глазами, пытаясь заметить отовсюду подстерегающую опасность. Любое движение может их спугнуть, поэтому мы должны соблюдать крайнюю осторожность. Зато оленята ведут себя совершенно беспечно, один подходит совсем близко к машине, почти на расстояние вытянутой руки. Пассажиры очень взволнованы столь близким свиданием. И в ту же секунду на поляну вышел статный олень — его-то мы и ждали. Выглядит он внушительно, на крупной голове, поросшей шерстью как гривой, горделиво несет он свои рога. Я пытаюсь сосчитать отростки, чтобы узнать его возраст, но все время путаюсь в подсчетах. В любом случае это старый, опытный самец. Он остановился посреди своего гарема, осмотрелся с некоторой подозрительностью, даже агрессивностью, и издал долгий, низкий, протяжный рев, от которого мороз идет по коже. Таким образом зверь объявляет всем, что именно он владычествует в этом лесу. Почти сразу послышался ответ. Олень, стоя перед нами, потрясает головой и изо всех сил ударяет рогами в землю, так что на воздух летят кусочки дерна. Его сила вызывает уважение — Ян шепчет, что ни за какие сокровища не решился бы сейчас выйти из автомобиля. Все остальные с ним согласились.

Поединок голосов продолжается, олень-соперник понемногу подходит ближе. В конце концов на противоположном краю поляны появляется его неясный в наступающих сумерках силуэт. Первый олень тоже его уже заметил и с этого момента перестал об=ращать внимание на что бы то ни было другое. Вероятно, даже резкое движение в машине ускользнуло бы от его внимания. Второй самец приближается, не переставая реветь. Теперь уже видно, что его рога меньше и сам он намного тоньше — он младше своего соперника и охотно отобрал бы у него гарем. Звери медленно обходят друг друга, будто пытаются оценить свои силы. И вдруг старший бросается в атаку. Раздается глухой удар. Оба самца переплелись рогами и меряются силами, упираясь задними ногами в землю. Я шепотом рассказываю, что иногда в подобных случаях рога сплетаются так сильно, что их невозможно расцепить. Тогда оба зверя чаще всего погибают от истощения. И все-таки на этот раз им удается разъединится. Старый самец возобновляет атаку, целясь теперь в бок противника. Молодой олень явно переоценил свои возможности и через мгновение исчезает в темноте. Победитель протяжным ревом возвещает о своем триумфе.

Конец спектакля. Заводится мотор, по ухабистой дороге мы возвращаемся в город. Время отдыхать, гости должны набраться сил перед очередным днем, полным впечатлений.

Так мог бы выглядеть день во время природоведческой экскурсии для иностранных туристов на территории полигона Мушаки. К сожалению, «мог бы», так как 240 квадратных километров необыкновенно ценной в природном отношении территории — даже для польских природоведов неведомая земля. Полигон перестал использоваться более десяти лет назад, и в настоящее время там ведется нормальный лесной и охотничий промысел, в теплое время года окрестные жители собирают здесь ягоды и грибы. Перед войной эта территория относилась к Восточной Пруссии и в основном была



Ignacy Czwartos

населена немцами либо онемеченными поляками. Населенный пункт Малга, расположенный в самом сердце нынешнего полигона, простирался на несколько километров и выполнял роль местного административного центра. В конце войны большинство его жителей бросило свои хозяйства и бежало на запад от приближающейся Красной армии. Из тех, кто не хотел покидать свою землю и остался, не выжил никто. Похожая судьба постигла большинство окрестных деревень, остальные были выселены в ходе создания полигона, а постройки сровняли с землей. Это одно из немногих мест в нашей стране, где можно идти целый день, не встретив никаких следов человеческого присутствия. От некогда многолюдных деревень остались только таблички с названиями населенных пунктов, порой среди зарослей можно отыскать остатки фундаментов. Единственное, что осталось, — башня старинной кирхи на территории Малги. Ее стрельчатый одинокий силуэт, господствующий над бескрайними полянами, представляет собой незабываемое зрелище.

Польская армия использует 22 полигона. Их общая площадь составляет около 290 тыс. гектаров, из которых более 90% — лесистые почвы или леса. Нередко это часть больших лесных комплексов, образующая экологические коридоры — пути, по которым животные могут мигрировать на большие расстояния. Чуть больше 5% этой земли охвачено разного рода охраной — находится на территории национальных или ландшафтных парков.

Каждый полигон состоит из двух частей, выполняющих различные функции. Первая часть, рабочее поле, — открытая территория, на которой проходят все учения. На этой площади натиск на окружающую среду очень высок, и она легко может подвергнуться разорению, например из-за разрушения почвы гусеницами транспортных средств или вследствие взрывов. Возможно и химическое загрязнение — взять хотя бы утечку нефтепродуктов. Полигон окружен лесной охранной зоной, которая ограждает территорию учений от расположенных поблизости районов, где живет гражданское население. В эту зону падают шальные снаряды, она служит также для того, чтобы заглушать шум. В нее не разрешен въезд с тяжелым оснащением, в ней запрещены фортификационные работы, так как это пространство расположено вне территории учений. Леса охранной зоны — это вообще самые интересные фрагменты полигонов в природоведческом отношении.

Леса на армейских полигонах выполняют функции, связанные с военной деятельностью, поэтому их хозяйственное использование имеет второстепенное значение, а лесной промысел ограничен — например, вообще не проводится полных вырубок (сплошного удаления деревьев на определенной территории). Часть деревьев вследствие войсковых учений подвергается повреждениям — в них могут попасть осколки, — и тогда их древесина практически обесценивается. С точки зрения лесников древостой на полигонах совершенно бесполезен, в то время как для природоведов он представляется месторождением редких пород и заповедником биологической разнородности. Так происходит потому, что ограниченный лесной промысел дает возможность сохраниться и развиваться таким породам деревьев или даже целым их скоплениям, которые в другой ситуации были бы заменены более рентабельным в выращивании древостоем. Без надзора лесников лес очень быстро зарастает, создавая труднодоступные, поросшие кустарником пространства, которые становятся великолепным прибежищем для животных. В равной степени возрастает количество видов растений и животных. Животным, вопреки сложившемуся мнению, действия военных не мешают, поэтому на полигонах часто можно встретить необычайно редкие виды, например охраняемых тетеревов. Одна из немногих стай волков, встречающихся в Западной Польше, уже несколько лет успешно живет в Дравско-Поморском. Этот полигон — один из крупнейших в Польше и используется интенсивно, там, между прочим, происходят совместные учения войск НАТО. Как бы то ни было, животным удается пережить период армейских учений, благодаря чему потом они могут радоваться покою, которого не найти в других лесах.

На «рабочих площадках» формируются редкие растительные виды, характерные для открытых территорий. В Польше редки скопления растений открытых пространств: большинство почв занято либо лесами, либо полями и пастбищами. Все безлесные территории, лишенные человеческого вмешательства, очень быстро зарастают лесом. Зато на полигонах существуют наилучшие условия для развития подобных скоплений. Часто встречаются заросли вереска, чему способствуют песчаные поч-

вы, частые пожары и корчевание деревьев и кустарников. Некоторые из них охраняются заповедниками. Именно в такой мозаике лугов и зарослей вереска обитают тетерева и глухари. Полигоны — единственное место, где они могут найти подходящие природные условия.

Кажется очевидным, что военные действия, проводимые на полигонах, не способствуют развитию туризма. Но так быть вовсе не должно. Полигон Дравско-Поморское расположен в северо-западной Польше, в уникальных природных районах, в непосредственном соседстве с Дравским национальным парком. Через него протекает Драва, на которой проходят очень популярные байдарочные сплавы. Эта река обладает достаточно сложной характеристикой, и байдарочники ежегодно приезжают проверить на ней свое мастерство. Однако можно предположить, что, кроме неопровержимых природных и ландшафтных достоинств, многие туристы выбирают именно это место по причине соседства полигона. Рек для спортивного сплава в Польше немало, многие из них имеют отличную туристскую базу: многочисленные пункты проката спортивных лодок, пристани, палаточные площадки, бары и т.д., но только на Драве байдарочники могут сделать себе фотографию рядом с настоящим танком или стоять лагерем, слушая отзвуки артиллерийских взрывов. Полигон становится туристским развлечением, которое великолепно сочетается с модным обычаем проводить отпуск в нетипичных местах; все больше людей, вместо того чтобы ездить на известные курорты, выбирают активный отдых, возрастает популярность «экстремальных видов спорта». В местах массового туризма, как грибы после дождя, растут башни для прыжков банджи или для съезда по тросу, доставляющие эмоциональные переживания, которые дарят точно контролируемую и в общем-то не слишком реальную опасность. Речь идет не о настоящем риске для жизни, а о ломке стереотипов, о том, чтобы показать, что ты способен к нетипичному либо просто рискованному действию. Иногда подобные виды спорта напоминают мальчишеские развлечения — так почему не ввести развлечения в армии? На территории полигона в Дравско определены бивуачные площадки, и если как раз в это время не проходят войсковые учения, то они без особых препятствий становятся доступны туристам. Стало быть, можно представить себе организованные на полигоне «экстремальные» развлечения, такие, как езда на вездеходе, пейнтбол или хотя бы бег по полосе препятствий, предназначенной для солдатских учений.

Самыми легкими для туристского освоения представляются полигоны, покинутые военными. Первым шагом в этом направлении может стать разметка тропинок природы, которые становятся все более популярными в наших лесах. Это дороги протяженностью в несколько километров, проходящие через самые интересные в природном отношении территории, а стоящие вдоль тропы специальные щиты информируют об объектах, мимо которых проходят путешественники. В местах, часто посещаемых туристами, подобную экскурсию можно дополнить чтением мини-путеводителя, который обычно нетрудно приобрести в местных центрах природоохранного воспитания. Однако прежде всего необходимо присвоить подобному полигону статус местности, интересной в природном отношении. Очень часто немногие заинтересованные люди вообще не знают о существовании таких мест. Кроме особой группы лиц, влюбленных в природу, такой полигон может стать прекрасным местом отдыха для тех, кому надоели шум и толчея больших городов. Здесь они найдут тишину и покой, а вдобавок избавятся от соседства других отдыхающих, неизбежных в более известных местах.

Станет ли бывший полигон привлекательным для туристов или же так и останется никому неизвестным местом на карте, зависит от окрестных жителей. Именно они раньше других должны увидеть и оценить возможности, которые перед ними открываются. Так, как это сделал главный лесничий полигона Мушаки, выступивший с предложением создать на подчиненных ему территориях заповедники, имеющие целью охрану тетеревов.

При написании статьи я пользовалась работой Кшиштофа П. Напюрковского «Методика оценки влияния интенсивного использования природно ценных территорий на окружающую среду на примере полигонов сухопутных войск польских вооруженных сил».

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

С некоторых пор в различных статьях и рецензиях, посвященных новейшей польской прозе, возвращается вопрос ее «ангажированности» в современные социальные проблемы. Не подлежит сомнению, что книг, которые можно было бы зачислить в категорию таких произведений, в последнее время появляется все больше. Большей частью это романы, авторы которых родились в 1970-е годы, такие, как Войцех Кучок, чей роман «Навоз» критика приняла необычайно доброжелательно, или Мариуш Сеневич, описывающий в «Четвертом небе» упадок провинциального города, либо чуть постарше, таких, как Анджей Хорубала и Цезарий Михальский, авторы политических романов, вокруг которых идут бурные споры. Поэтому не удивительно, что краковская **«Декада литерацка»** (2004, №1) посвятила свой последний номер «ангажированной литературе», но в то же время снабдила этот термин на первой странице вопросительным знаком. Возможно ли еще такое явление, как «ангажированная литература»? Можно ли еще осмысленно — после опыта соцреализма — использовать эту категорию?

В статье «Ангажированные и постсовременные» Кшиштоф Униловский пишет о характере кризиса литературы:

«Если к современной литературе можно отнести слово «кризис», то не столько к ней самой, сколько, может быть, чтобы обозначить ситуацию, в которой литература оказалась. Таким образом, лучше говорить о кризисе институтов или легитимности, но ни в коем случае — о художественном. Проявление кризиса институтов — это, конечно, прогрессирующая маргинализация литературного творчества, вытеснение его на окраины публичной жизни. Поэт, прозаик или критик говорят все тише, во всяком случае — их меньше слышат. (...) Власть и авторитет литературы вырастали из убеждения, что произведения писателей способны сказать нечто существенное о поляках. Но если в 90-е годы эта власть и этот престиж улетучились, словно сон золотой, то не потому же, что писатели в один прекрасный день утратили прежние способности. Когда не стало объединяющих факторов, распалось и множество, составлявшее для литературы точку отсчета. Для нас перестал существовать эпифеномен польской судьбы, польского исторического опыта, польского склада ума или польского национального самосознания. Всякое потенциальное представление о судьбе, опыте, складе ума или национальном самосознании стало выглядеть сомнительным постольку, поскольку инспирировало выражать польский дух. Легче было бы уже померяться с судьбой, опытом, складом ума или самосознанием современного человека, чем поляка».

Одновременно произошло исчезновение центра:

«...исчез «командный центр», потому что исчез тот, кого он представлял, — читатель-интеллигент. В 90-е годы было подорвано положение гуманитарной интеллигенции. (...) Пока что никто другой не занял того места, откуда выжит читатель-интеллигент. Поэтому институциональный кризис соединяется еще и с трудностями легитимизации, которые вытекают из отсутствия идеи, поддерживающей существование литературной жизни. Возможны исключительно «локальные» и временные обоснования — начиная с «некоторые любят поэзию» [слова Шимборской], включая идею узких общин, создаваемых по принципу принадлежности к одному и тому же кругу или поколению, и кончая представлением писательства как своеобразной лаборатории современной культуры, где с помощью новейшей художественной технологии испытываются специа-

лизированные вопросы и теоретические проблемы. Не без злорадства можно было бы заметить, что наша литература, официально открещивающаяся от постмодернизма, по уши сидит в ловушке постсовременного состояния. И трудно ожидать, что вернутся старые добрые времена, когда было более или менее известно, чему служат стихи, рассказы и романы».

В 90-е годы, пишет Униловский, производились попытки преодолеть этот кризис:

«Между тем в конце минувшего десятилетия раздались громкие требования реализма, что, разумеется, было связано с попыткой вернуться к традиционному пониманию задач и функций литературы, особенно художественной прозы. (...) Таким образом, призыв изображать мир или судить его по справедливости был под конец 90-х прежде всего своего рода антипостмодернистской реакцией. Он был ответом на предполагаемую скуку литературы, которая из пустоты или цинизма соглашается быть несущественной. Реализма (современного) требовали писатели, критики и публицисты из разных идейных лагерей. (...) Может быть, только добавим, что этот «общо понимаемый традиционализм» вырастал из привязанности к былому интеллигентскому кодексу. (...) Так или иначе, призывы к реализму сталкиваются с обвинением в анахроничности. Ибо стоит ли лелеять былое понимание литературы при отсутствии интеллигентского читателя и надежд на его возвращение? (...) Призыв изображать мир нашего времени был лишен максимализма и героизма, некогда сопутствовавших писательским трудам».

Разобрав несколько романов, где сделана попытка возвращения к реалистическому способу мировосприятия, Униловский обращает внимание на то, что картины действительности в этих произведениях не столько отражают положение дел, сколько запутываются в языковых схемах истолкования:

«Что собственно изображают все эти романы и рассказы, которые (...) лишь на вид говорят о новейшей истории либо о современной Польше? Создают видимость истории и современности? А может быть, изображают действительную видимость этой истории и этой современности? (...) От прежнего реализма эту литературу отличает удвоение (умножение) представления — присутствие как таковое «до конца» остается в кавычках. Если мир для нас — функция познавательных операций, то литература изображает его не с помощью одного лишь эффекта иллюзии, но только тогда, когда представляет сам этот эффект как условие собственного процесса изображения. (...) К реализму и изображению можно, таким образом, прийти кружным путем, через обновленный в литературе постмодернистский иллюзионизм. И, быть может, этот кружной путь — сегодня единственный».

Так или иначе, по мнению Униловского, литература уже не может притворяться, что она есть «прямой» рассказ, обычный отчет о действительности, не может также отказаться от сознания своей «искусственности», от сознания художественных правил, которые она применяет.

Но в дискуссиях на темы литературы речь идет не столько о реализме, сколько об ангажированности, о чувствительности к общественным делам.

«Конечно, — пишет Униловский, — не существует никакого однородного, связного комплекса причин или намерений, которыми можно было бы объяснить недавнюю карьеру категории ангажированности в мирке молодых литераторов. (...) Можно догадываться, что иногда дело состоит просто в попытке использовать сложившуюся конъюнктуру. (...) Поворот к новейшей истории мог бы позволить молодым неизвестным автором обрести читателей. Можно, однако, усомниться, действительно ли таков рецепт успеха».

Обращая внимания на тот факт, что постмодернизм в польской литературе не прижился, автор статьи одновременно подчеркивает, что тем не менее от постмодернистского сознания не избавиться:

«Трудность в том, что для того, чтобы переместиться из постсовременности в современность, нужна либо необычайная сила воображения, либо «повозка» времени. (...) Нелегкий совет, но как-то надо поженить нашу постсовременность с необходимостью ангажированности. (...) От кавычек никуда не убежишь. Новейшая проза бывает интересной как раз тогда, когда отдает себе отчет в подрывающих ее противоречиях. Неверие в собственный бунт, в свое критическое слово или познавательные возможности вытекает прежде всего из неуверенности в статусе мира. Как всегда, так и на этот раз вызов бросает действительность, конкретно — он порождается ощущением ее недостоверности, размножения и умножения, опосредованности и включенности в средства массовой информации. Старая истина гласит, что, когда нельзя разделить информацию и средство информации, факты и события превращаются в истолкования».

Осознать этот факт не равнозначно тому, чтобы отбросить постулаты реализма и ангажированности литературы — да только это уже не тот реализм и не та ангажированность, что когда-то:

«Ибо самое худшее, что может приключиться — пишет в заключение Униловский, —— это удобная иллюзия, будто ничего не изменилось и ангажированность сегодняшней прозы ничем не отличается от ангажированности если не Жеромского, то Конвицкого. А так с кризисом справиться нелегко (...). Так можно лишь бежать от него».

Что же, бегство — тоже своего рода попытка справиться с кризисом: иногда в этом выражается сомнение в правомочности самого диагноза. Мир меняется, это правда, но — несмотря на все утверждения эмиссаров постмодернизма и постсовременности — не настолько, чтобы перестать быть самим собой. Это, думаю, по-прежнему старый добрый мир, который знали еще древние. Можно использовать в его описании новые методы, можно сознавать, что мы включены в информационный шум СМИ, — однако это не изменяет того факта, что люди в этом мире, не так уж отличающиеся от героев Жеромского и Конвицкого, вынуждены жить и справляться со своим, пожалуй, не наилучшим состоянием. Любопытно, однако, выглядит этот террор теоретиков постсовременности, внушающих себе и широким массам, что мир стал принципиально иным и что принципиально иным стало наше человеческое сознание. Нет, не стали. Зато остается фактом, что молодая польская проза все чаще интересуется способом повествования больше, нежели попыткой диагноза состояния нашей жизни. А вмещается ли это в «постсовременный» подход? Обычных читателей ответ на этот вопрос мало интересует. Кстати, предполагаю, что и большинство самих писателей — тоже.

Но это не отменяет факта драматических переломов, происходящих в культуре. Один из них стал предметом интересной статьи Веслава Мысливского «Конец крестьянской культуры», помещенной в апрельском номере варшавского журнала **«Твурчость»** (2004, №4). Автор пишет:

«Вначале — констатация, а может быть, даже провокация. Польский интеллигент, за редкими исключениями, мало что знает о крестьянской культуре и никогда не хотел знать больше. (...) Во многих странах, где крестьянская культура составляла естественный, постоянный приток национальной культуры, а часто и определяла ее характер, крестьянское наследие в сознании общества было ее естественным компонентом. В Польше (...) эта культура вплоть до своих последних дней оставалась на обочине, неопознанная, униженная, часто фальсифицированная или идеологизированная, для многих экзотическая, для некоторых — просто не существующая. (...) На пути немногочисленных попыток постичь истинные залежи этой культуры препятствием становилась невозможность оторваться от представления о крестьянине лишь в коллективном, социальном

плане — как о характерном, типичном элемента этого плана. Крестьянина не умели увидеть как человека с его индивидуальным, экзистенциальным аспектом, естественно, остающегося, как всякий индивид в этом мире, в детерминирующих отношениях с коллективом, в котором он живет, который влияет на то, как он делает выбор и каким образом себя ведет, со средой, в которой он рождается и умирает».

В описании специфики этой культуры, исчезающей в процессе цивилизационных перемен, Мысливский придает особое значение месту:

«По своей природе крестьянская культура была культурой быта и культурой места, замкнутой в кругу: человек — земля — природа. Мотивировкой существования было только жить дальше и выжить. Время исчислялось родом работ, временами года, праздниками и сменой поколений. Физическое пространство ограничивалось своим двором, своей деревней, приходом и ближайшим городком. Это не значит, что крестьяне не странствовали, но это происходило главным образом тогда, когда их забирали в ту или иную армию; иногда они странствовали в поисках свободы, намного чаще — хлеба, хотя, случалось, добирались и до Святой Земли. Крестьянские рассказы об этим вылазках в мир, устные или записанные, поражают — и не только необычайными обстоятельствами, нередко им сопутствовавшими, но прежде всего описаниями этого мира, тем, как воспринимали его люди, иногда целыми поколениями не оставлявшие своих гнезд. (...) Обычно же крестьяне со времен далеких предков жили на одном и том же месте, под одним и тем же небом, вынужденно или по добровольной привязанности, глубоко вросши корням и в свое достойное жалости бытие, наследуемое и передаваемое дальше, в то скупое пространство окрестного пейзажа, за которым расстилался едва угадываемый мир, мир ненадежный, возбуждающий боязнь, и одновременно стимулирующий воображение. Этот неизвестный мир как противовес замкнутому, ограниченному пространству существования — частый мотив крестьянских повествований, нередко насыщенный фантастическим или прямо чудесным. Устойчивость места, где свершалась человеческая жизнь от рождения до смерти, места, утоптанного поколениями и охраняемого памятью поколений, — один из основополагающих знаков крестьянской культуры. (...) Сознания искусства как такового в этой культуре не было. Все делалось с мыслью о пользе, в том числе и искусство. Польза была первым принципом любой человеческой деятельности. Это была культура экономическая и одновременно экономная. В ней не пропала даром ни одна мечта, ни одно предостережение, ни одно предчувствие. Все что-то значило для человека. И при всей своей проникнутости трагизмом, она благоговейно относилась к дару существования».

Думаю, что этот плач по уходящей культуре заслуживает раздумья. В особенности при сопоставлении с вышецитированным постмодернистским дискурсом, где искусство, правда, сознаёт себя как таковое, но пользы с этого — кот наплакал, а человека в этом мире приходится искать днем с огнем.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• День вступления Польши в Европейский союз ознаменовался участием поляков в разнообразных мероприятиях: общедоступных и закрытых, массовых и элитарных. Почти везде звучал гимн объединенной Европы, бетховенско-шиллеровская «Ода к радости». А 3 мая «Ода к радости» была исполнена на открытии организованного Варшавской камерной оперой музыкального сезона объединенной Европы, во время которого зрителям будет представлено 25 программ, посвященных всем странам Евросоюза (см. об этом подробнее в статье Катажины К. Гардзины). «Хорошо бы вспомнить, — сказал в этой связи директор ВКО Стефан Сутковский, — что объединенная Европа — это не только политические и экономические дискуссии и непрестанные споры о деньгах, но и искусство — наследие многих столетий. Оно играло и продолжает играть важную роль. Европейской культурой проникнут весь мир, в том числе и величайшие народы, которые могут гордиться собственными достижениями». Для открытия сезона было выбрано произведение «Te Deum laudamus», которое итальянец Джованни Паизиелло подарил последнему королю Польши. Оно было исполнено в годовщину принятия конституции 3 мая — теперь это польский национальный праздник.

• На завершившейся в Кракове двухдневной конференции министры культуры Вышеградской группы (Венгрии, Польши, Словакии и Чехии) обсудили положение культуры после вступления этих стран в Евросоюз. Результатом стало подписание соглашения о создании общего фонда культуры, а также нескольких частных постановлений — например, о создании Вышеградской библиотеки или о сотрудничестве в аудиовизуальной области.

• Оркестр «Sinfonia Varsovia» отмечает свое 20-летие. Творчество оркестра неразрывно связано с именем Иегуди Менухина, под управлением которого «Sinfonia Varsovia» сыграла свой первый концерт. Впоследствии Менухин стал главным приглашенным дирижером оркестра. «Никогда работа ни с каким другим оркестром не приносила мне столько удовлетворения», — признался в свое время великий скрипач и дирижер. После Менухина эстафету принял знаменитый аргентинский тенор Хосе Кура, а в 2003 г. художественным директором оркестра стал Кшиштоф Пендерецкий. Уже 20 лет «Sinfonia Varsovia» играет роль посла польской культуры во всем мире.

• «Цепь» — так называется цикл концертов, организованных в первые дни мая в варшавском Уяздовском замке Обществом им. Лютославского. Концерты задуманы как центральное мероприятие Года Лютославского.

• Новым спектаклем под названием «Гелокане» отметил 50-летие своего существования ансамбль песни и пляски «Шлёнск» («Силезия»). Название спектакля происходит от одноименного произведения Станислава Хадыны, создателя и многолетнего директора ансамбля. Спектакль задуман как красочное описание гуральского фольклора Силезских и Живецких Бескид, Подгалья и Спиша. «Кроме того мы включили в него картину «Любовь на поляне» с буйными словацкими танцами. Мы хотим показать, как много общего можно найти в фольклоре по обе стороны Татр: и у тех и у других гуралей были общие предки, ведущие свой род от пастушеских племен Валахии», — говорит нынешний директор «Шлёнска» Ежи Вуйцик.

• XXV Смотр актерской песни, прошедший в мае во Вроцлаве, уже снискал себе славу переломного. «Решение жюри, — написал рецензент газеты «Жечпосполита», — стало отражением всего конкурса, который существенно отличался от прежних (...) Почти никто из финалистов не обратился к традиционному в таких случаях репертуару. Исполнители, среди которых было немало студентов, не связанных с театром, выбирали произведения авторов из разных стран, представляющих самые разные музыкальные течения. Чаще, чем в

прежние годы, они пели песни на собственную музыку и слова». Несомненным победителем конкурса, лауреатом Гран-при и нескольких других премий стал Петр Рогуцкий, 26-летний актер, рок-музыкант и автор текстов. Он исполнил «Underground» Тома Уэйтса и песню собственного сочинения «Сто тысяч одинаковых городов». Гала-концерт был посвящен творчеству Северина Краевского. Спектакль под названием «Держись за свои тучи» восхитил своей поэтичностью, юмором и легкостью. Однако главным событием фестиваля стал концерт «Галерея», составленный из песен недавно скончавшегося Яцека Качмарского. Концерт показал нам иного Качмарского — не барда «Солидарности» или неравнодушного комментатора политической современности, но поэта, для которого одним из главных источников вдохновения была живопись.

• В гданьском издательстве «Тауэр Пресс» вышел сборник стихов Яцека Качмарского «Тоннель». Это уже не те стихи-песни, услышав которые «можно было сказать, что какой-то артист говорит на моем языке (...) К ним я мог обратить собственную потребность в восхищении, чувствуя, что мне попался кумир, являющий собой лучшие традиции мысли и стихосложения, — пишет Ярослав Миколаевский. — Слушая его, я раз и навсегда понял, что значит иметь своего поэта, барда своего поколения».

• «Очень немногие из так называемых серьезных поэтов отваживаются сегодня писать стихи, на которые можно было бы сочинить песню. И наоборот — очень редко можно услышать песню, слова которой достойны звания настоящей поэзии (...) Истинным поэтом песни был недавно умерший Еремий Пшибора. Истинной поэтессой песни показала себя Эва Липская», — пишет рецензентка «Газеты выборчей». Сборник Эвы Липской под заглавием «Стихи к песням. Сердца на велосипедах» выпустило «Выдавництво литерацке» («Литературное издательство»). К книге прилагается компакт-диск с песнями на слова поэтессы в исполнении Анны Шалапак. Это настоящее пиршество для любителей хорошей поэзии и хороших песен.

• «В своей последней книге «Исключительно длинная линия», — пишет Тадеуш Соболевский, — Ханна Краль возвращается к такой простой и уверенной форме повествования, как в прежних репортажах, как в книге «Обогнать Господа Бога». Стиль повествования не заслоняет собой реальности. Идея «писать о Катастрофе» не заслоняет собой бескорыстного описания жизненных деталей, подлинных людей, которые жили в этом месте и уже хотя бы по одной этой причине достойны рассказа. Нечеловеческая смерть представлена здесь по соседству с другими, человеческими смертями. Польская и еврейская жизнь, христианский и еврейский Бог, еврейская и польская смерть — все это соединяется в единое неразрывное целое, как квартиры одного дома». Герои «Исключительно длинной линии» — это владельцы старинного люблинского дома Францишка и Марек Арнштейны, еврейская младопольская поэтесса и ее муж-врач, а также множество других людей, которые когда-то жили в этом доме, приходили в него, нашли в нем смерть. Одним из самых важных персонажей становится друживший с Францишкой Арнштейн «блестящий молодой поэт», авангардный критик Юзеф Чехович, погибший от немецкой бомбы в первые дни войны.

• «Последнюю книгу Стефана Хвина «Страницы из дневника» можно читать по-разному: как автобиографическую исповедь, путеводитель по местам и темам, близким писателю, и, наконец, ради чистого эссеистического удовольствия, ибо (...) автора, как мало кого из современных прозаиков, отличает цельный, укорененный в традиции и в то же время узнаваемый тон», — пишет Мариуш Чубай в «Политике». «Эта книга непредсказуема, — добавляет критик «Газеты выборчей» Пшемыслав Чаплинский. — Смешение форм, жанров и тем успешно препятствует отысканию единого ключа или тезиса. Разнообразие этой книги прекрасно подчеркивает принцип контрапункта: случается, что в одном эссе писатель намеренно сопоставляет противоречащие друг другу аргументы, иронически ставит под сомнение собственные мнения, опровергает концовкой вступление».

• Убеленный сединами нобелевский лауреат Чеслав Милош, к счастью для читателя, все еще не дает о себе забыть. В двух краковских издательствах только что вышли в свет его новые книги. Одна из них называется «Литературная

кладовка». По словам рецензента, эта книга «касается тем, которые обычно не попадают в энциклопедии и лексиконы. Из все новых и новых эпизодов складывается если не полный образ [межвоенного] двадцатилетия (этот период описывается в большинстве очерков), то по крайней мере его отчетливый запах и атмосфера. Книга дает уникальные знания на грани сплетни, часто рассказывает о том, что ускользнуло из описаний и осталось только в памяти. Таких знаний не даст даже тщательное изучение довоенных газет и хроник». Вторая книга, озаглавленная «О путешествиях во времени», — «это захватывающий портрет современности, — пишет Цезарий Поляк. — Это и рассказ автора о самом себе. Милош пишет отстраненно, без обиняков оценивает свои прежние решения. Он не обеляет, но и не осуждает (...) Наконец, это поэтическое свидетельство примирения с миром поэта и мудреца, пережившего большинство своих ровесников».

• В списках бестселлеров первое место занимают сразу три романа Катажины Грохоли, за которыми следует сборник рассказов Иоанны Щепковской «Эпизоды из жизни зеркала» и роман Ежи Пильха «Город терзаний». В категории документальной литературы на первом месте продолжает удерживаться книга Томаша Лиса «Что происходит с этой Польшей?», а на второе выдвинулась беседа с политиком «Гражданской платформы» Яном Рокитой под заглавием «Алфавит Рокиты». На третьем месте — скромная книжечка Лешека Колаковского «Мини-лекции о макси-проблемах», частично публиковавшаяся ранее в печати, а частично представленная по телевидению. Тем временем на рынке уже появилась следующая книга великого мыслителя «О чем спрашивают нас философы?». На этот раз Колаковский опубликовал конспекты своих телевизионных лекций, в которых он самым доступным образом знакомил телезрителей с идеями величайших философов прошлого, начиная с античных мудрецов и кончая... — цикл передач еще не закончен: как раз недавно Колаковский записал в Варшаве десять очередных бесед. Вероятно, со временем они тоже будут изданы в виде книги. Однако, как пишет Марек Радзивон, «в этих маленьких эффектных лекциях важно не только то, что говорит Колаковский, но и то, как он это говорит. Это тот редкий случай, когда телепрограмма имеет преимущество перед книгой, ибо философ — рассказчик и мудрый, и колоритный».

• В этом году почетным гостем завершившейся в Варшаве 49-й Международной книжной ярмарки была Россия. Огромные площади, выкупленные российскими фирмами, около 100 тыс. российских издательств, несколько десятков писателей (в т.ч. очень популярные в Польше Виктор Ерофеев и Александр Яковлев) — все это способствовало успеху. Делегацию России принял президент Александр Квасневский, российские писатели побывали в польском ПЕН-Клубе, состоялось множество встреч и конференций. О дискуссиях и встречах, немаловажных для будущего наших взаимоотношений, мы расскажем в следующем номере. Не впервые в международных отношениях культура опережает политику.

• Свое 15-летие торжественно отметила «Газета выборча» — первая независимая газета в коммунистическом лагере, поначалу выходившая с логотипом «Солидарности». В первых номерах было всего по несколько страниц, и достать их было крайне трудно. Сегодня «Газета» — крупное, влиятельное издание, без которого уже невозможно представить себе польский рынок печати, а ее редактор Адам Михник — один из самых заметных участников польской общественной жизни. И несмотря на некоторые пертурбации на рынке газета чувствует себя вполне неплохо: в последнее время количество продаваемых экземпляров снова начало расти.

• Между тем за спиной у «Газеты» борьба за рынок перенеслась из киосков в суд. Издатель «Супер-экспресса» подал в суд на первую на нашем рынке классическую бульварную газету «Факт», издаваемую концерном Шпрингера, обвинив ее в недобросовестной конкуренции. Сначала «Факт» был обвинен в демпинге, в результате чего ему пришлось повысить цену; теперь же речь идет о недобросовестной рекламе.

• Десятисерийный документальный фильм «Алфавит мафии» стал первой попыткой описать жизнь «гангстерской Польши». Создатели сериала, режиссеры независимого телевидения ТВН Артур Ковалевский и Лидия Казен, а также

корреспондент журнала «Политика» Петр Пытляковский, провели детальное расследование, на базе которого составили портреты мафиозных боссов. Это необыкновенный рассказ, в котором, среди прочего, использованы материалы из частных архивов гангстеров.

• В годовщину восстания в варшавском гетто Польское телевидение показало фильм Михала Неканды-Трепки «Ложечка жизни». Героиня фильма — Ирена Сандлер, которая во время войны была заведующей детским сектором организации «Жегота». Вместе с десятью помощницами она спасала жизнь еврейским детям, выводя их с согласия родителей из гетто и отдавая под опеку приемных родителей. «Мой отец, — говорит Ирена Сандлер, — всегда повторял мне два правила. Во первых, люди делятся на хороших и плохих, а не по расовому, религиозному или национальному признаку. Во-вторых, если человек тонет, ему надо протянуть руку». Половину спасенных в Польше во время войны еврейских детей удалось спасти благодаря пани Ирене.

• В Варшаве прошел первый международный кинофестиваль «Еврейские мотивы». Из 300 присланных фильмов на конкурсном просмотре было показано 60. Фильмы рассказывали о сложных человеческих судьбах, о войне и послевоенных драмах, а также о современности — тоже бурной, неспокойной, нетерпимой, жестокой. Описаний счастливой жизни было не много. Золотой варшавский «Феникс» был присужден картине Орена Рудавского и Менахема Даума «Игра в прятки». «Этот полнометражный документальный фильм, — написал рецензент, — словно некая скрепка соединяет трагедии военного времени с современностью (...) Коротко говоря, это фильм об искренних признаниях, о благодарности и непридуманном примирении». Премию им. Антония Марианович за лучший польский фильм получил Михал Неканда-Трепка («Последний свидетель»), а премию стокгольмского Международного форума культуры — россиянин Владимир Двинский («Жила-была Одесса»).

• В этом году перед профессорами, приехавшими в Краков на Тишнеровские дни, стояла трудная задача: темой дискуссии была любовь. «Дни» уже начинают жить своей жизнью. В них все меньше воспоминаний, а все больше размышлений о ценностях и образе мыслей умершего в 2000 г. о. Юзефа Тишнера. В очередной раз были присуждены премии им. Юзефа Тишнера. В категории религиозной литературы премии удостоился профессор о. Томаш Венцлавский за книгу «Царствие Божие. Два объяснения символа веры Церкви», а в категории «публицистика или эссе на общественные темы» — Виктор Осятынский за книгу «Рехаб». Сестры Савицкие получили премию за содержание в Кракове кухни для бедных.

• 1 мая на брюссельских торжествах по случаю вступления в ЕС новых членов Польшу представлял первый председатель «Солидарности», бывший президент Лех Валенса. В этот же день по I программе Польского телевидения был показан часовой фильм режиссера и сценариста Адама Кинашевского, посвященный этой необыкновенной личности, не поддающейся никаким простым обобщениям. «Я бы хотел, чтобы кто-нибудь меня понял», — говорит в фильме Валенса. «Бывший вождь «Солидарности», бывший президент, бывший политик и в то же время... очень одинокий человек», — пишет о фильме и его герое Кристина Любельская.

Филип Станиславски

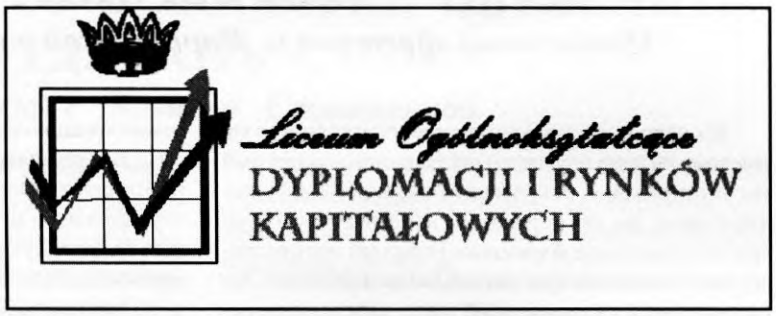
В ПОЛЬШЕ ДИПЛОМАТОВ ВОСПИТЫВАЮТ СМОЛОДУ

Руководство школы на международном просветительском салоне «EXPO XXI»

В каком возрасте можно стать дипломатом? В двадцать лет? В тридцать? Еще позже? А может, становиться дипломатом надо намного раньше — со школьной скамьи? Такими вопросами задалась группа польских политиков, преподавателей и специалистов по школьному воспитанию. Впрочем, постановкой вопросов дело не ограничилось. В результате возник первый в Польше Общеобразовательный лицей дипломатии и рынка капиталов. Уже в сентябре он распахнет двери перед первыми учащимися. Это будет уникальная по своему характеру средняя школа. Два новых направления: дипломатия и рынок капиталов — обеспечили лицею положение новаторской школы, отвечающей нуждам современного государства в составе объединенной Европы. Речь идет не только о Евросоюзе: из хорошо информированных источников мы узнали, что дирекция школы уже подумывает об объединенных международных классах. Многое говорит о том, что переговоры завершатся успешно, а это значит, что через год в школу смогут поступать будущие дипломаты и маклеры из других государств, в том числе и из России.

Школа идет навстречу чаяниям молодых людей и их родителей, которые понимают значение и необходимость хорошего, современного, практического образования. Отвечает она и нуждам рынка труда — особенно в контексте вступления Польши в Евросоюз. Лицей будет учить польскую молодежь добиваться успеха, а также опровергать расхожий миф о пассивности поляков и неприспособленности польской модели образования к реальной жизни. Он будет готовить к учебе в вузах и к работе в таких элитарных областях, как дипломатия и рынок капиталов. Учебная программа дополнена специальными предметами — изучением финансо-

вых рынков и рынков капиталов, биржевой практики, экономики, международного и дипломатического права, искусства вести переговоры, дипломатии и внешней политики. Общеобразовательные предметы будут преподавать высококвалифицированные преподаватели, а специальные предметы — практики: послы, маклеры, политологи, специалисты по международным отношениям и социальной политике. Школа уже подписала договоры о сотрудничестве с Фондовой биржей, агентством «Рейтер» и варшавской Национальной библиотекой.



Школьники, связывающие свое будущее с дипломатией, будут ходить на практические занятия (например, по дипломатическому протоколу), которые планируется проводить в дипломатических представительствах и учреждениях государственной администрации. А с принципами ведения переговоров и презентациями, с правилами хорошего тона и... бальными танцами придется познакомиться каждому. Конечно, любой уважающий себя финансист и уж тем более дипломат должен свободно владеть иностранными языками. Учеба в лицее ориентирована на языковую практику, обеспечиваемую лекциями-беседами, введением в специальную терминологию, а также летними курсами за границей. Можно выбрать два из шести иностранных языков: английский, немецкий, русский, французский, итальянский, испанский. Кроме двух обязательных языков каждый учащийся в рамках факультативных занятий может выбрать два дополнительных. В последнем классе по крайней мере два предмета должны преподаваться по-английски. Для желающих предусмотрены языковые сертификаты и международные выпускные экзамены.

Ученики смогут сами подбирать себе дополнительные занятия, которые позволят им осуществлять свои идеи и замыслы — как научные, так и художественные. Особый упор сделан в лицее на занятия по информатике (уже сегодня информацию о школе можно найти на сайте www.dyplomacja.edu.pl, созданном с мыслью о будущих учениках) и на познание специфики жизни в разных странах и регионах мира. Планируются также авиационные лагеря, занятия в спортзале, гольф, боевые искусства...

Лицей должен дать молодым людям солидные основы для приобщения к прекрасному, пленительному, но в то же время весьма непростому миру дипломатии и международного капитала.

Катажина К. Гардзина

ОДА ЕВРОПЕ

Необычный фестиваль Варшавской камерной оперы

Ни одно польское культурное учреждение и уж заведомо ни один музыкальный театр или концертный зал не отпразднует вступление Польши в объединенную Европу так, как Варшавская камерная пера. Впрочем, этот театр (самый маленький оперный театр в стране) известен своими оригинальными начинаниями. Это единственный в мире оперный театр, в постоянном репертуаре которого находятся и каждый год идут все оперы Моцарта. Однако в этом году ВКО превзошла сама себя: жителям столицы, всей страны и гостям из-за границы, которые побывают в Варшаве, она предлагает цикл концертов и спектаклей «Ода Европе», продолжающийся целый год. Во время этого гигантского музыкального фестиваля будет представлено (разумеется, фрагментарно и символически) музыкальное наследие всех 25 стран, ныне входящих в Евросоюз.

На подготовку потребовался целый год тяжких трудов. Надо признаться, что не только рядовые поляки, но и музыканты не особо ориентируются в музыкальной жизни и творчестве таких стран, как Кипр, Люксембург или Мальта. Дирекция ВКО провела тщательное изучение, запросила советов у друзей из-за границы, а также у послов и культурных атташе отдельных стран. Эти консультации позволили создать программу, включающую несколько десятков спектаклей, камерных и хоровых концертов.

Естественно, фестиваль позволит ВКО показать и все самое лучшее в текущем репертуаре. Поэтому Моцартовский фестиваль будет представлять Австрию, а Фестиваль английских барочных опер — Великобританию. Многообещающе выглядит и цикл, посвященный Италии, остроумно названный «Самая краткая история итальянской оперы». На сцене ВКО пойдут старейшая сохранившаяся опера — «Эвридика» Джакопо Пери, все оперные сочинения Монтеверди и «Фальстаф» Верди, который в этом году с успехом вошел в репертуар театра. Чтобы представить Чехию, подготовлена премьера первой редакции оперы Яначека «Енуфа» (премьера состоялась в мае 2004). Другие страны будут представлены более скромными, но крайне интересными программами. В течение года можно будет ознакомиться с творчеством бельгийских (Жан-Поль Десси, Гийом Лекё, Изаи и Франк), литовских (Миколаюс Чюрленис и Онуте Нарбутайте) и голландских композиторов, со средневековой кипрской музыкой и даже услышать концерт-реконструкцию музыки Древней Греции. Впрочем, нет смысла перечислять все концерты и сочинения, всех композиторов и исполнителей, которые предстанут перед слушателями в течение года. Это гигантское предприятие по размаху превосходит все, что до сих пор предпринимала дирекция ВКО.

Стоит еще обратить внимание на то, как представлены Германия и еврейская культура в Европе. Директор ВКО Стефан Сутковский справедливо счел, что вклад композиторов и музыкантов еврейского происхождения достоин отдельной презентации. В программе фестиваля — премьера необычного сочинения — оперы «Император Атлантиды», написанной Виктором Ульманом в гитлеровском концлагере в Терезине (Чехия). Композитор заплатил за свое произведение жизнью, чудом сохранившаяся партитура и либретто пережили войну, и уже несколько десятков лет опера время от времени идет на европейских сценах. Творчеству немецких композиторов будет тоже посвящен лишь один вечер, зато исключительный: полная реконструкция Страстей по Марку Иоганна Себастьяна Баха.

Организаторы «Оды Европе» не забыли и об отечественной музыкальной культуре — она будет представлена двумя циклами. Вначале прошел Фестиваль старопольской оперы, а в завершение года состоится 2-й Фестиваль современной польской оперы, составленный из сочинений, написанных по заказу ВКО. Таким образом, можно услышать, с чего начиналась польская опера и к чему она пришла сегодня.

Но и это не конец чудесам в Варшавской камерной опере. Необычный фестиваль открылся 3 мая 2004 г. концертом в варшавской церкви Св. Креста (где находится урна с сердцем Фридерика Шопена). Прозвучала кантата Паизиэлло «Te Deum laudate» («Тебя, Бога, хвалим»), которая была исполнена в том же костеле 212 лет назад, по случаю первой годовщины утверждения конституции 3 мая — первой в Европе и второй в мире. Мало того, уже на следующий день слушатели могли купить прекрасную запись этого сочинения, изданную специально к открытию фестиваля! Такие чудеса больше нигде не случаются.

«Ода Европе» продлится до 3 мая 2005 г., так что нетрудно запланировать себе поездку в Варшаву на какие-то концерты или спектакли. Календарь всех событий можно найти в Интернете: www.wok.pl

ОН ВЕРИЛ, ЧТО В ПОПЫТКЕ ОБЪЯСНИТЬ ВСЕГДА ЕСТЬ СМЫСЛ

Беседа с Ядвигой Стшелецкой

— Густав Херлинг-Грудзинский, дружившийся с вашим мужем еще до войны, писал в своем «Ночном дневнике»: «В Янеке довоенного периода меня подкупали некоторые его черты: чистота, доброта, благородство, несколько девальвировавшаяся ныне «идейность», огромная для студента начитанность, а также нежелание выйти за рамки чтения и рискнуть заняться собственным творчеством».

Вы согласны с таким мнением? В чем заключалось нежелание рискнуть заняться собственным творчеством?

— Я тронута тем, что у него было такое мнение. Ян был благородным человеком, всегда готовым прийти на помощь людям. Он считал, что вопрос братства и взаимной любви между людьми принципиально важен для существования мира. Позволю себе привести одну характерную мысль Яна: «Откуда бралась во мне догадка, будто следует признать очевидной уверенность в том, что если мы делаем что-то хорошее, миру это не все равно, — то есть нечто в мире, в природе мира ожидает от нас этической доблести и эта доблесть принимается, становится как бы средством общения с тем, что Платон назвал бы Идеей Добра, и она, эта доблесть, есть участие, более того — умножение всех ценных ресурсов Космоса? Откуда такая уверенность, что борьба добра и зла — не наивный миф, а смертельно важный вопрос, решение которого зависит и от нас? Что и в истоках религий лежит та же уверенность в очевидности космического значения того, чему мы помогаем — добру или злу?»

Ян действительно очень много читал, высоко ценил человеческую мысль, но не думаю, что он боялся заняться собственным творчеством. Он очень просто это объяснял: чтобы написать одну страницу, ему надо было, по его словам, прочитать тонну текстов. Это было одной из его форм врастания в культуру.

— Далее Херлинг-Грудзинский вспоминает, что Мария и Станислав Оссовские* чрезвычайно любили и ценили вашего мужа, но при этом упрекали его в том, что он проявляет колебания в научной карьере. Можно ли это парадоксально определить как гипертрофированную порядочность?

— Я думаю, что это не были ни колебания, ни гипертрофированная порядочность. Тут было все гораздо сложнее, и связано это было как с политическими факторами, так и со сферами интересов моего мужа. Начну с политических факторов. Во время оккупации Ян, не бросая учебы в подпольном университете, участвовал в боевых операциях и в операциях помощи Варшавскому гетто. Он был также одним из организаторов группы левонастроенной молодежи, принявшей название «Пломене» («Огни» — по названию книги Станислава Бжозовского о революционерах начала XX века. — *Ред.*) и продолжившей деятельность довоенной организации студентов-социалистов, связанных с ППС (Польской социалистической партией).

Члены группы занимались главным образом историей социализма и социалистической мысли в контексте истории Европы. Они анализировали марксизм, ленинизм и сталинизм (то есть восточный марксизм) и приходили к выводу, что все эти «великие теории освобождения» уничтожают настоящий социализм. Им стал близок, в частности, христианский персонализм, представ-

* Станислав Оссовский (1897-1963) — крупнейший польский социолог. — *Пер.*

ленный французскими философами Мунье и Маритеном. Еще во время оккупации муж вместе с Анелей Урбанович перевел «Манифест персонализма» Мунье.

Для Яна эта работа с молодежью стала необычайно важной. И после войны он, закончив университет, стал ассистентом профессора Оссовского. Но в 1952 г. кафедру профессора Оссовского ликвидировали, а Яна, единственного из ассистентов, уволили из университета, как «идейно деморализующего студенческую молодежь».

Тогда он отправился в Новую Гуту, собираясь работать в рабочей среде. Однако его и там не взяли на работу — из опасения, что рабочих он тоже будет «деморализовать». Он стал писать «в стол», а также занялся публицистикой. Начал с журнала «Философская мысль», а затем писал главным образом в еженедельники «Нова культура» и «Пшеглёнд культуральный». Он был также одним из организаторов дискуссионного Клуба Кривого Колеса**, а в 1956 г. стал его председателем. После смерти Сталина и наступившей послеоктябрьской «оттепели» профессор Оссовский, работавший в Польской Академии наук, сумел в 1957 г. убедить руководство ПАН, чтобы Яна приняли на должность его ассистента. Приняли, но только на полставки. Впредь власти никогда больше не соглашались на возвращение мужа к работе с молодежью в университете. Несмотря на то что работа в ПАН не особо его увлекала, он защитил там и кандидатскую, и докторскую диссертации. Вот то, что относится к политическим факторам.

При этом надо сказать, что наука, а следовательно, и научная карьера не были единственной сферой интересов Янека. Он не был классическим образцом ученого, замкнувшегося в библиотеке, — важной сферой его интересов была политика, в которой он всегда старался участвовать, по крайней мере своей публицистикой. Он был, пожалуй, больше социальным философом, чем ученым в узком смысле слова, о чем свидетельствует его главная работа «Опыт свидетельства». Надо также отметить, что часть его времени поглощало увлечение альпинизмом и горными лыжами.

— Каким образом убеждения Яна Стшелецкого влияли на выбор, который он делал в политике?

— Ян был социалистом в самом прямом смысле слова. Еще в 1946 г. он стал принимать участие в деятельности восстановленного Союза независимой социалистической молодежи (СНСМ, молодежная организация, связанная с ППС). Молодые социалисты, помнившие его по работе в организации «Пломене», избрали его председателем СНСМ. Одновременно он стал членом главного совета ППС. В том же году он сформулировал свои мысли в замечательной работе «О социалистическом гуманизме», ставшем, пожалуй, единственным такого типа документом социалистической мысли того времени. Он выступил с ним на съезде СНСМ, а затем и опубликовал его. На эту работу немедленно обрушились резкие нападки коммунистических и связанных с ними кругов как на антимарксистскую, антисталинскую, антисоветскую и антиобъединительную (то есть направленную против объединения ППР — Польской рабочей партии [коммунистической. — *Ред.*] — и ППС). Когда объединение стало свершившимся фактом (1948), Ян, с одной стороны, не хотел втягиваться в нечто, что совершенно противоречило его идеалам, но с другой — признал, что включаться в это следует, чтобы иметь возможность влиять на взгляды людей. Он называл это «размягчением». Он также считал, что изнутри сможет успешней помогать людям. Ему позволило это осознать еще в 1946 г. дело профессора Витольда Кежуна, в то время молодого аковца (бойца Армии Крайовой. — *Ред.*). Кежун, арестованный в 1945 г. в Кракове органами НКВД, был отправлен в ГУЛАГ, в Красноводск. Мать Кежуна обратилась к Яну с просьбой помочь в освобождении сына. Ян как председатель СНСМ немедленно написал письмо Сталину с просьбой освободить Кежуна. Письмо он переслал послу Польши в Москве Генрику Раабе, который передал его в приемную Сталина. И... Кежун вернулся в Польшу. А Янек убедился, что он может даже спасти жизнь человека.

** Клуб Кривого Колеса (по названию квартала, где он помещался), 1955-1962, дискуссионный форум ученых, писателей, публицистов, художников; на еженедельных встречах в Доме культуры в варшавском Старом городе обсуждалась политическая, общественная, экономическая, историческая, философская и художественная проблематика; в правление клуба входили, в частности, Я.Стшелецкий, Я.Ю.Липский, А.Малаховский, П.Ясеница.

Он не хотел занимать в партии никаких постов, но в 1957 г. к нему обратилась молодежь из Союза польских писателей с просьбой принять участие в их собрании, так как они хотят избрать его секретарем партийной организации СПП. Он сначала отказался, но его убеждали, доказывая, что они хотят покончить с господством партийных консерваторов. Янек как раз в тот момент опубликовал в журнале «Твурчость» сборник своих текстов «Записки 1950-1953 годов», чрезвычайно критических по отношению к власти, разоблачающих тоталитаризм. Их заметили за рубежом, расхваливали по радио «Свободная Европа», опубликовали во Франции и США. И это, наверное, повлияло на предложение литераторов; надо добавить, что когда Яна избрали на этот пост, то в состав партбюро решили войти и другие, в том числе Ежи Помяновский.

Ян занимал этот пост до того момента, как в Польшу пришло сообщение, что казнен вождь венгерского восстания Имре Надь. Ян встал на собрании СПП, где присутствовали сановники из ЦК, и предложил всем встать и почтить его память минутой молчания. Все встали, почтили, и на этом закончилось его секретарство в СПП.

Однако это было время оттепели, мы рассчитывали на какие-то положительные перемены. Американский Фонд Форда в то время прислал своего представителя господина Стоуна в связи с вопросом о стипендиях для молодых поляков. Он приехал, уже зная фамилию Стшелецкого от Ежи Гедройца. Проходили консультации с властями, выбирали тех, кто должен был поехать, и вот те, кто принимал решение, хотя и неохотно, но выразили согласие насчет Стшелецкого. После чего... ему не выдали паспорт. Господин Стоун тогда уведомил польские власти, что если Стшелецкий не поедет, то Фонд отменит все стипендии, а в списках значились и партийные фавориты. Это помогло. Ян провел в США 1958/1959 учебный год, после возвращения написал диссертацию и прекрасную книгу «Американские тревоги» — тем нетипичную в кругах европейских левых, что она была свободна от антиамериканской аргументации.

— Ежи Едлицкий в своих воспоминаниях о Яне Стшелецком писал, что он был болен «неизлечимой верой в то, что в попытке объяснить есть смысл».

— Не думаю, что это можно назвать болезнью. Он был просто человеком диалога в самом глубоком смысле слова, сторонником разговора с ближним. Этот подход он переносил и на политику. Он действительно много беседовал с людьми из самых разных кругов, в том числе и со старыми коммунистами, даже со многими представителями партийного руководства. Он надеялся таким образом повлиять на изменение их взглядов. Часто это приносило положительные результаты, в частности когда Янек подключался к конкретному решению как политических, так и персональных вопросов.

Ян Стшелецкий

В политике подобный подход диктовался его убежденностью в том, что мы, поляки, уже и так достаточно пролили собственной крови...

— ...а идея социалистического гуманизма должна была соединиться с христианским персонализмом.

— У Янека — несомненно. Он не создал окончательно разработанной программы для социалистической партии, но точно сформулировал основы взглядов и принципов, определяющих, каков должен быть польский социализм. Анализируя мотивировки социалистических позиций, он пытался показать, что необходимость послевоенных социальных перемен и реформ не объяснить с помощью исторического материализма и экономических факторов. Мотивировки он усматривал в общности исторических судеб, в борьбе за независимость, в борьбе за достоинство человека и воплощение самых главных человеческих ценностей. Это воплощение он видел не в создании государства, основанного на социально-экономических категориях и схемах, содержащихся в догматической доктрине марксизма, но в изменении сознания, а также психологических и нравственных установок человека. Речь шла о мудрой, хорошей демократии, поддерживаемой социалистическим, персоналистским, плюралистическим и либеральным духом.

Это были серьезные предложения ревизии марксизма, основанные на персоналистской убежденности в том, что, как он писал, «надо привыкнуть к трудной и неудобной истине: политический противник — тоже человек, и никакое дело не может быть настолько священным, чтобы оправдывать полную автономию своеобразной политической морали».

— Как человек, приверженный к посредничеству, Ян Стшелецкий находился под огромным влиянием идей «открытого общества» Карла Поппера. А каких еще мыслителей он ценил?

— Из других западных мыслителей он высоко ценил Мунье и Маритена. Кстати, со всеми троими он был знаком лично. В 1946 г. вместе с Ежи Туровичем они пригласили в Варшаву Мунье. В ноябре того же года, будучи в Париже на съезде социалистической молодежи, он познакомился с Маритеном и наладил контакт с редакцией журнала «Эспри», основанного Мунье. А летом 1947 г., находясь в Лондоне по случаю того, что ППС была приглашена Фабианским обществом (входившим в Лейбористскую партию), он познакомился с Карлом Поппером.

Результатом пребывания в США стала дружба с Эрихом Фроммом и Сеймуром Мартином Липсетом, известным американским социологом и политологом. Позднее он подружился также с итальянцем Аурелио Печчеи — основателем Римского клуба. Благодаря дружеским связям с этими людьми он принимал участие во многих международных конференциях.

В Польше Ян поддерживал тесные контакты с журналом «Вензь», с Клубом католической интеллигенции. Его интересовало социальное учение католической Церкви, ибо он издавна считал, что социализм и христианство близки. Он высоко ценил идеи Папы Иоанна Павла II.

— Ваш муж сотрудничал с Комитетом защиты рабочих (КОР), участвовал в работе комиссии экспертов на Гданьской судоверфи в августе 1980 года. Не противоречили ли взгляды вашего мужа диссидентским замыслам свергнуть тоталитарный режим? Сочетание Леха Валенсы с Яном Стшелецким, пожалуй, было попыткой соединить огонь и воду.

— Ни у кого из тех, кто читал «Пломене» военного времени, где были статьи Яна о московских процессах и о нацизме и коммунизме как двух формах нигилизма и порабощения людей, эссе «О социалистическом гуманизме», написанное в сороковые годы, «Записки 1950-1953 годов» или «Опыт свидетельства», работу, изданную в 1971 г., не может возникнуть сомнение, что автор этих работ всегда был противником тоталитаризма. Таким образом, о противоречии их намерений или замыслов не могло быть и речи. Противоречия могли касаться только средств.

С самого создания ПНР Ян интересовался любой деятельностью, направленной, по его мнению, на смягчение и изменение системы, и многократно поддерживал подобную деятельность самыми разными способами. Он был противником объединения ППС и ППР, участвовал, как я уже говорила, в Клубе Кривого Колеса, поддерживал тесные контакты с Клубом католической интеллигенции, подписал многие письма протеста, направленные властям. Работу КОРа, который был создан после забастовок в Радоме и Урсусе в 1976 г., он оценивал как очень

важную, пробуждающую в обществе гражданскую смелость. Он поддерживал также тесные контакты с многими членами КОРа (больше всего с Адамом Михником и Анелей Стейнсберг), помогал во многих его начинаниях. Он был одним из организаторов «Летучего университета» и одним из первых его преподавателей, за что был исключен из партии (кстати, к своему великому удовлетворению). Ян входил также в оппозиционную группу «Опыт и будущее».

С самого начала он активно участвовал и в деятельности «Солидарности». В августе 1980 г. Ян отправился на судоверфь, когда там шла забастовка. Официально он не состоял в комиссии экспертов, но тесно сотрудничал с ней. В Гданьске он признался сыну, который тоже был в это время на судоверфи в качестве переводчика корреспондента газеты «Монд» Бернарда Гетт (кстати, спустя несколько лет Гетты стал корреспондентом «Монда» в Москве в период перестройки), что чувствует себя на судоверфи так, будто заново переживает Варшавское восстание. Так что с огнем и водой тут что-то не совсем получается...

— Михаил Горбачев в июле 1988 г. выразил желание встретиться с польской интеллигенцией, придерживающейся открыто оппозиционных взглядов. Встреча состоялась в Королевском замке в Варшаве. Правда ли, что Стшелецкий должен был стать глашатаем этих кругов?

— Он должен был участвовать в этой встрече, но не знаю, должен ли он был стать глашатаем.

— 30 июня 1988 г., то есть за две недели до этого события, он возвращался вечером на своей машине от друзей. Кончился бензин, машина остановилась на обочине Вислострады. Там на него напали и до смерти избили. Органы правопорядка арестовали двух молодых людей, которым было предъявлено обвинение, а затем они были осуждены за совершение убийства с целью ограбления.

— Такова была официальная версия, распространявшаяся следственными органами. Однако многие оценили это дело как политическое убийство.

Чтобы понять, откуда такое мнение, надо вернуться на много лет назад. Мой муж входил в жизнь ПНР уже с оккупационным клеймом врага и критика коммунизма. Еще в 1946 г. он был арестован и обвинен в связи с принадлежностью к организации «Свобода и независимость»***. Его освободили через несколько недель благодаря энергичному вмешательству руководства ППС. Деятельность СНСМ постоянно находилась под пристальным вниманием госбезопасности. Наш телефон всегда прослушивался. Слежкой были обхвачены все сферы жизни мужа. Много раз его вызывали на «беседы», в частности в связи с его обширными зарубежными контактами, в том числе и с прессой. В последний период, лет за 10-12 до его смерти, слежка усилилась. Когда он был освобожден после интернирования, им занимался полковник из той группы армейских офицеров, что пришли в МВД с генералом Кищаком. От имени властей он пытался убедить моего мужа прекратить оппозиционную деятельность, при этом предлагая взамен разные высокооплачиваемые посты, например должность посла в какой-либо стране. Поскольку Ян категорически отвергал предложения такого рода, то в ответ услышал: «Мне очень жаль, но тогда нам придется передать ваше дело в другие руки. Мы вас оберегали, а теперь вам следует быть осторожным, эти люди будут беспощадными и опасными». И действительно, следующий его «опекун» был исключительно наглым и грубым. В частности, он угрожал мужу «ликвидацией» сына, если Ян не прекратит свою деятельность. Последний разговор с тем самым сотрудником органов состоялся 17 июня, после возвращения мужа из Швеции, где он находился три месяца, выступая с многочисленными докладами о «Солидарности».

В день трагедии меня не было в Варшаве. Я была в Закопане, муж должен был приехать туда 1 июля. Кто-то из друзей сообщил мне по телефону о случившемся. Я немедленно вернулась в Варшаву. В тот же самый день ко мне домой пришел

*** «Свобода и независимость» (польское сокращение — ВиН), подпольная организация, выступавшая за независимость, учрежденная в сентябре 1945 г. в Варшаве с целью противодействовать советизации общества и коммунистической пропаганде; оказывала помощь преследуемым солдатам Армии Крайовой, выявляла провокаторов и агентов госбезопасности.

один знакомый, бывший партийный босс, в то время журналист газеты «Трибуна люду». Из его разговора я поняла (хотя он не сказал этого открыто), что он явился по поручению генерала Ярузельского. Он передал мне, что «наверху», то есть в ЦК партии, охвачены ужасом, так как считают это нападение провокацией консервативной части госбезопасности с целью не допустить готовившегося соглашения между властью и оппозицией.

Интерес к трагедии был огромным. Ко мне все время кто-нибудь приходил, Тадеуш Мазовецкий был здесь практически все время, я получала массу телеграмм, в том числе от Папы, писем и телефонных звонков со всего мира. Но суд начался в следующем году, когда в Польше наступил перелом и все были заняты уже совершенно другими делами. Подсудимые были молодые люди со многими приводами; они признали свою вину, но производили впечатление, будто на месте преступления их вообще не было; доказательств никаких, свидетели от своих показаний позднее отказывались, явно под влиянием угроз, — всё вместе было неопределенно, шито белыми нитками.

— А уже демократически избранные министры в правительстве Ханны Сухоцкой и Веслава Хшановского не довели дело до возобновления судебного процесса. В 1989-1991 гг. работала чрезвычайная комиссия Сейма под председательством Яна Марии Рокиты, но она не поручила прокуратуре начать процесс.

— Комиссия Рокиты занималась исключительно теми делами, по которым уже были вынесены приговоры. Когда комиссия была создана, судебный процесс по делу об убийстве Яна, только начинался. Дело попало в список комиссии, но комиссия не успела им заняться, так как приговор был вынесен лишь под конец ее функционирования. В настоящее время дело находится в компетенции Института национальной памяти****.

— Херлинг-Грудзинский, размышляя о том, чем бы занялся его довоенный друг, если бы дожил до независимости, поместил его в круг «Тыгодника повшехного». Вы согласны с таким прогнозом?

— Что касается общего интеллектуального направления, то вне всякого сомнения. А что касается чисто политической сферы, то я думаю, что муж был бы просто активным членом «Унии свободы». Хотя возможно также, что он начал бы создавать новую ППС, обращаясь к ее лучшим традициям.

Беседовала ***Сильвия Фролов***

**** Институт национальной памяти (ИНП) создан на основании закона от 18 декабря 1998 г.; в рамках Института работают: главная комиссия по расследованию преступлений против польского народа, бюро по выдаче и архивному хранению документов, а также бюро просветительской работы; в задачу ИНП входит сбор, хранение и использование документов органов госбезопасности за период с 22 июля 1944 до 31 декабря 1989 г., расследование по делам о нацистских и коммунистических преступлениях, а также осуществление просветительской деятельности.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В предыдущем номере журнала был опубликован перевод моего интервью польской газете «Жиче» о проблеме Катыни. Хотелось бы исправить две неточности, вкравшиеся по моей вине в польский оригинал текста и, конечно, перенесенные в перевод.

Во-первых, в интервью отмечено, что ни Медное, ни Осташков не были оккупированы немцами, а потому немцы не могли там расстреливать. В действительности узников Осташковского лагеря, как доказано следствием, весной 1940 г. расстреливали не в Медном и не в Осташкове, а в Калинине, в здании УНКВД. Поздней осенью 1941 г. Калинин был все-таки занят немцами, а освобожден он был к середине декабря. Все это время линия фронта находилась в непосредственной близости от города, охватывая его с трех сторон. Разумеется, ни о какой масштабной акции по расстрелу поляков немцами тут не может идти речи в принципе — в таком случае их ведь надо было умудриться вывезти из неоккупированного Осташкова или какого-то иного места, а после расстрела еще и захоронить в мороз в неоккупированном Медном!

Во-вторых, Юрий Мухин в своей первой книге о Катыни («Катынский детектив») пишет о том, что на записке Шелепина Хрущеву нет исходящего номера, а в интервью ошибочно сказано, что нет подписи. Узнав, что исходящий номер есть, Мухин во второй книге («Антироссийская подлость») уже переиначивает свой соответствующий аргумент. В данном случае моя неточность тоже вряд ли существенна, если принять во внимание обилие приводимых Юрием Мухиным нелепиц в отношении катынских документов из Особой папки. Чего стоят хотя бы рассуждения об изменении этих документов с учетом их критического обсуждения в Конституционном суде осенью 1992 года. Повторю еще раз, что уже через 10 дней после передачи документов полякам в октябре 1992 г. они были опубликованы в Польше вместе с факсимиле. Из интересующихся катынской тематикой, вероятно, только Ю.И.Мухин продолжал свои поиски еще несколько лет, считая документы утаиваемыми и переделываемыми.

***Алексей Памятных**, Варшава—Москва*

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
М.Ягелло: Стишки о Кавказе
В. и Р.Сливовские о дневниках генерала Старинкевича
Рымкевич, Горбаневская, Качмарский о Мандельштаме
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Кому сегодня нужен Джозеф Конрад?
Агата Тушинская: «Вольденберг»
Ян Гондович о новой прозе
Генрик Хлыстовский: Действительно ли мы не издаем русских писателей?
К.Бурнетко: Газетный киоск
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
Е.Помяновский беседует с Аркадием Райкиным
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Яструна, Чухновского, Гжещака, Херберта и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА РЕКОМЕНДУЕТ ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ

BIBLIOTEKA NARODOWA

twórczość

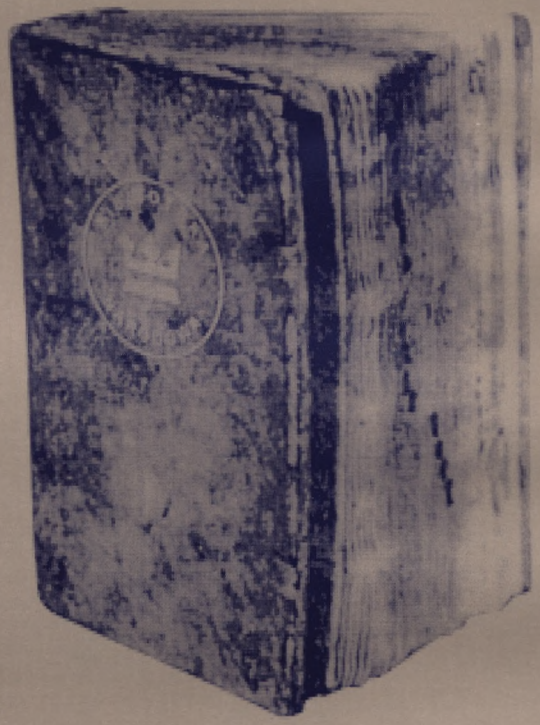
Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.



DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.

НОВАЯ ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все интересные новинки современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel.(+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%

ISSN 1508-5589

06

9 771508 558041